

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НИИ АРХЕОЛОГИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В.М. КЛЕПИКОВ

**САРМАТЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
IV—III ВВ. ДОН. Э.**

Волгоград 2002

ББК 63.4(2)273-431
К48

Научный редактор — д-р ист. наук, проф. *А. С. Скрипкин*

Рецензенты:

канд. ист. наук, проф. ВГПУ *В.И. Мамонтов*;
канд. ист. наук, доц. ВГПУ *А.В. Кияшко*

Монография опубликована при поддержке государственного финансирования (тема ГБ-03, 2001 г.), Российского гуманитарного научного фонда (гранты № 00-01-00081а/в и № 02-01-00180а)

Печатается по решению
редакционно-издательского совета университета

*В оформлении обложки использован рисунок художника
Адамкевича*

Клепиков В.М.

К48 Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н. э. —
Волгоград: Издательство Волгоградского государственного
университета, 2002. — 216 с.

ISBN 5-85534-607-2

Монография посвящена проблемам хронологии раннесарматской культуры Нижнего Поволжья. В задачу входило разграничить погребальные комплексы IV и III вв. до н. э. и определить их специфику. Работа дает возможность более полно и объективно использовать археологические материалы в этноисторических реконструкциях довольно сложного периода в древней истории Поволжья.

Адресована тем, кто интересуется далеким прошлым Отечества: археологам, студентам исторических факультетов, краеведам.

ISBN 5-85534-607-2

© В.М. Клепиков, 2002
© Издательство Волгоградского
государственного университета, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Раннесарматская культура, феноменальное явление в археологии евразийских степей, начав формироваться на южноуральской этнокультурной почве, впоследствии занимает гигантскую территорию, ее памятники распространяются до Днепра и Северного Кавказа. В разных местах раннесарматскую культуру отличают специфические локальные черты, что и обуславливает необходимость изучения ее развития в рамках отдельных районов.

Книга В.М. Клепикова посвящена проблемам хронологии раннесарматской культуры Нижнего Поволжья. Необходимость поиска новых подходов к разработке хронологии раннесарматских памятников и создания периодизации исследуемой культуры на ее основе обозначились в конце прошлого века. Расширение хронологических рамок этой культуры с IV по I в. до н. э. включительно и явная ее неоднородность на протяжении этого длительного периода требовали разработки внутренней периодизации раннесарматской культуры. Особенно остро встал вопрос о выделении сарматских погребальных комплексов III в. до н. э. Это было вызвано выявлением хиатуса между скифскими и сарматскими памятниками в Северном Причерноморье, приходящимся на это время. Ситуация, связанная с отсутствием в степных районах Северного Причерноморья погребальных памятников кочевников III в. до н. э., отдельными исследователями стала моделироваться и для располагавшихся к востоку от Скифии территорий Поволжья и Южного Приуралья.

В имевшихся более ранних хронологических разработках III в. до н. э. как самостоятельный пласт сарматских памятников не выделялся, обычно его объединяли с предшествующими или последующими веками (IV—III; III—II; III—I вв. до н. э.). Поскольку к моменту написания данной книги сарматские памятники II—I вв. до н. э. уже с определенной вероятностью выделялись, В.М. Клепиков поставил перед собой задачу разграничить погребальные комплексы IV и III вв. до н. э. и определить их

специфику. При отсутствии широкого круга хорошо датированных аналогий для этого времени решить такую задачу было достаточно сложно, поскольку приходилось опираться в основном на внутренний сарматский материал.

Не раскрывая здесь сущности методики автора, с которой читатель может познакомиться, прочитав книгу, хотел бы отметить, что ему удалось достаточно убедительно доказать возможность выделения сарматских памятников как IV, так и III вв. до н. э. Я далек от мысли утверждать, что все вопросы исследуемой проблемы В.М. Клепиковым полностью решены, но то, что им положено позитивное начало, насколько это возможно на сей день, в разработке достаточно дробной хронологии памятников раннесарматской культуры, — это очевидно.

Книга В.М. Клепикова является существенным вкладом в общую разработку сарматской проблематики, она дает возможность наиболее полно и объективно использовать археологические материалы в этноисторических реконструкциях довольно сложного периода в древней истории Поволжья.

*доктор исторических наук, профессор
А.С. Скрипкин*

ВВЕДЕНИЕ

Многие проблемы этнополитической истории евразийского степного пояса в эпоху раннего железного века неразрывно связаны с сарматскими племенами, заселявшими обширные пространства от Северного Причерноморья до Урала. Неавтаркичный характер экономики кочевников неизменно ориентировал савромато-сарматские племена на взаимоотношения с оседлым населением, особенно с причерноморскими и среднеазиатскими производственными и культурными центрами. Интенсивность и разнонаправленность этих контактов во многом формировала ту специфику кочевых сообществ, которую исследователи определяют то как наличие самостоятельных культур, то как локальные варианты, или же как единое кочевое сообщество, различаемое лишь на уровне субкультуры элиты (Мошкова М.Г., 1995, с. 66—71).

Нижнее Поволжье в этом контексте представляет собой чрезвычайно интересную область, являясь одновременно периферийной контактной зоной европейского и азиатского кочевых культурных миров, географической и природной границей между ними, транзитной территорией на пути миграционных волн, движущихся с востока на запад и, наконец, относительно самостоятельной областью, обеспеченной водными ресурсами и обширными пастбищами.

Основы хронологии, периодизации и реконструкции этнополитической истории сарматских племен были заложены в трудах В.А. Городцова, М.И. Ростовцева, П.Д. Рау, П.С. Рыкова, Б.Н. Гракова, К.Ф. Смирнова, В.П. Шилова, М.Г. Мошковой (Городцов В.А., 1905, 1907; Ростовцев М.И., 1918а, б, 1925, 1993; Рау П., 1927, 1929; Рыков П.С., 1925, 1926; Граков В., 1928; Граков Б.Н., 1947; Смирнов К.Ф., 1957, 1961, 1964а, б, 1974, 1979, 1984; Шилов В.П., 1975; Мошкова М.Г., 1963, 1974). Вклад этих ученых столь

многократно оценен в современной литературе, что я позволю себе не излагать подробно историю становления сарматоведения.

Дальнейшее изучение раннесарматской культуры шло по линии детальных проработок отдельных проблем, углубленного изучения истории отдельных регионов и уточнения хронологических особенностей конкретных территорий и памятников. Анализ нового материала с территории Южного Урала позволил А.Х. Пшеничному сделать вывод о сложении основных черт прохоровской культуры в данном регионе уже к рубежу V—IV вв. до н. э. и отливе сарматского населения на запад на рубеже IV—III вв. до н. э. (Пшеничник А.Х., 1983, с. 83, 84, 129, 130). Культурообразующие признаки прохоровского погребального обряда в VI—V вв. до н. э. выявлены в комплексах Южного Зауралья (Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988, с. 141—152). Наконец был сделан вывод о том, что в Южном Приуралье была распространена, по существу, единая культура кочевников на протяжении от рубежа VI—V — до рубежа IV—III вв. до н. э., подвергавшаяся некоторым изменениям в процессе спонтанного развития и под влиянием соседних племен (Железчиков Б.Ф., Пшеничник А.Х., 1994, с. 5—8).

Анализ нижнедонского материала лег в основу разработанной В.Е. Максименко периодизации истории этого региона. Савроматский период VI—III вв. до н. э. расчленяется исследователем на два этапа: собственно савроматский или раннесавроматский — VI—V вв. до н. э. и савромато-сарматский или сирматский — с конца V по III вв. до н. э. Сарматский (прохоровский) период определен хронологическими рамками конца III — II в. до н. э. (Максименко В.Е., 1983, с. 125—129).

В 1988 году в диссертации М.А. Очир-Горяевой был сделан вывод о савроматской культуре Нижнего Поволжья как о своеобразном и самостоятельном явлении скифской эпохи, отличным как от синхронных приуральских памятников, так и от прилегающих к Понту, Меотиде и Танаису. Иными словами, входя в круг близких культур евразийских степей, нижеволжская археологическая культура скифского времени самостоятельна, не отождествляется с савроматами Геродота и не является локальным вариантом единой савроматской археологической культуры. Эта культура подвергается трансформации начиная со второй четверти IV в. до н. э., когда наряду с традициями предыдущего

времени отчетливо проявляются инновации, включающие южную ориентировку, иные типы керамики, катакомбные захоронения (Очир-Горяева М.А., 1988, с. 17). Таким образом, все более утверждается представление о самостоятельности археологических культур VI—IV вв. до н. э. в Подонье, Поволжье и Приуралье, предшествовавших раннесарматской эпохе.

Не отрицая такого подхода к археологическому материалу, М.Г. Мошкова, тем не менее, подчеркивала единство кочевого сообщества от Дона до Южного Приуралья, состоявшего из близкородственных племен или племенных союзов (Мошкова М.Г., 1994, с. 7—9; 1995, с. 66—71).

В то же время традиционная хронология раннесарматской культуры, предложенная М.Г. Мошковой и сохраняющая свое значение до сего дня, была уточнена на основе всего накопленного материала в работах А.С. Скрипкина. Им был сделан вывод о сохранении основных черт раннесарматской культуры вплоть до рубежа эр, а также предложено выделение в рамках этой культуры двух периодов, датируемых IV—III и II—I вв. до н. э. (Скрипкин А.С., 1990а, с. 105—116; 1990б, с. 174, 175; 1992а, б, с. 15). В последние годы исследования украинских, волгоградских и ростовских археологов переместили верхнюю дату раннесарматской культуры ближе к первой половине — середине I в. н. э., и была высказана идея о сосуществовании и взаимодействии на протяжении некоторого времени ранне- и среднесарматской культур (Симоненко А.В., 1989, с. 117—120; Сергацков И.В., 1995, с. 155—157; Глебов В.П., 2000, с. 170—181).

Поздний этап раннесарматской культуры в рамках II—I вв. до н. э. представлен большим количеством памятников на территории Нижнего Поволжья и в силу этого весьма подробно проанализирован и охарактеризован. Однако ранний период IV—III вв. до н. э. исследован в целом отрывочно и лишь в общих чертах. В немалой степени такое положение объясняется фрагментарностью и лакунарностью письменной традиции, а также отсутствием твердой хронологической базы для выделения памятников III в. до н. э.

В первой половине IV в. до н. э. Эвдоксом Книдским, писавшим в 370—365 гг. до н. э., был зафиксирован этникон «сирматы» во фразе, переданной Стефаном Византийским: «Вблизи Танаиса живут сирматы» (Эвдокс, фр. кн. I, 1). Псевдо-Скилак около 338—335 гг. до н. э. уточнил: «Сирматы... народ и река Та-

наис составляет границу Азии и Европы», и далее: «От реки Танаис начинается Азия и первый народ ее на Понте савроматы» (Псевдо-Скилак, 68, 70). Если согласиться, что источником Плиния Старшего по Средней Азии был военачальник царей Селевка и Антиоха Демодам, совершивший на рубеже IV—III вв. до н. э. разведывательную экспедицию за Сыр-Дарью, то «сирматы» были известны у Окса среди других племен, в списке которых, кстати, упоминаются и аорсы (Плиний, VI, 48, 49). Иных фиксаций этнонима «сирматы» у античных авторов нет, но Псевдо-Скимн свидетельствует: «На Танаисе первыми живут сарматы» (Псевдо-Скимн, 874—875). Его источники, Эфор, Деметрий из Каллатиса, Гекатей Теосский могли назвать сарматов на Танаисе не позже рубежа IV—III вв. до н. э., а скорее в IV в. до н. э. (Мачинский Д.А., 1971, с. 44, 45). Гераклид Понтийский (390—310 гг. до н. э.) называет и страну Сарматию, впрочем, без локализации ее в конкретном месте (Антигон Каристский, СЛП, 167). В дальнейшем античные авторы употребляют этнонимы «савроматы» и «сирматы» как взаимозаменяемые понятия.

М.И. Ростовцев полагал, что этноним «сирматы» был искажен при первых контактах, но к концу IV в. до н. э. приобрел каноническое звучание (Ростовцев М.И., 1993, с. 91). Ф. Браун, отвергая скифскую и савроматскую природу «сирматов», писал, что «скорее они могли быть передовым отрядом сарматов в их движении на запад». Но поскольку ясные следы сарматов по правую сторону Дона появляются лишь со II в. до н. э., исследователь был вынужден вести поиск в ином направлении, связывая «сирматов» с будинами (Браун Ф., 1899, с. 85—87). К.Ф. Смирнов и М.Г. Мошкова первоначально видели в «сирматах» западную ветвь савроматов (Смирнов К.Ф., 1964а, с. 196; Мошкова М.Г., 1977, с. 213). Им возражал П.Д. Либеров, утверждая вслед за Ф. Брауном будинскую принадлежность этого этнонима (Либеров П.Д., 1969, с. 36).

Накопление и осмысление нового археологического материала Подонья выявило восточные черты в донских памятниках. В первую очередь это касается дромосных могил IV в. до н. э. с обрядом и вещевым комплексом, близким савромато-сарматскому миру Поволжья и Приуралья. Изучение Сладковского, Шолоховского и Кашеевского курганов позволило К.Ф. Смирнову предположить синкретичность «сирматов», включавших в свой

состав как поздних савроматов, так и новые ираноязычные племена из степного Поволжья и Южного Приуралья (Смирнов К.Ф., 1982, с. 130; 1984, с. 40—42). В том же направлении скорректировано понятие «сирматы» в работах В.Е. Максименко, который видит в сирматах первую волну сарматов — носителей савроматской археологической культуры Заволжья и Приуралья. По его мнению, в IV в. до н. э. произошло обособление правобережных савроматов, усилившихся за счет притока исседонов, что послужило основой союза племен, установившего господство на территории прежней Скифии (Максименко В.Е., 1988, с. 115). Расширение круга археологических источников IV в. до н. э. на Дону за счет открытия ранних диагональных погребений позволило А.С. Скрипкину с большей долей уверенности обозначить исходный пункт и направление передвижения новых племен — из Приуралья на Дон (Скрипкин А.С., 1992а, с. 18).

В настоящее время в Приуралье известно несколько десятков дромосных и диагональных погребений V—IV вв. до н. э. К ним примыкают аналогичные памятники Зауралья, Приаралья, Восточного Казахстана, Семиречья и Верхнего Приобья. Их количество значительно превышает число таких памятников на Дону. На востоке раньше получают распространение подбойно-катакомбные погребения и широкие прямоугольные ямы с коллективными захоронениями, южной или ортогональной ориентировкой костяков. Их раннее появление, количественное преобладание и широкое распространение в IV в. до н. э. в Приуралье позволяет считать эту территорию исходной областью для населения с подобным обрядом. Наряду с близкой обрядностью приуральских и донских памятников отмечено появление на Дону вещей с приуральскими корнями. Анализ бронзовых изделий Сладковского кургана позволил утверждать восточное происхождение металла (Барцева Т.Б., 1984, с. 141—148). Зеркала, колчаные крючки, бронзовые котлы, бронзовые втульчатые и, особенно, черешковые наконечники стрел свидетельствуют о приуральских производственных центрах (Максименко В.Е., 1990, с. 24).

К этому следует добавить появление именно в IV в. до н. э. в Приуралье железных втульчатых наконечников стрел и мечей с брусковидным навершием без металлического перекрестия так называемого синдо-меотского типа (Смирнов К.Ф., 1975, с. 163; 1980, с. 43). На востоке их количество относительно невелико,

что свидетельствует об отсутствии традиций изготовления этих типов оружия в отличие от Подонья-Причерноморья, где они являлись характерной принадлежностью воинов. Данный факт может свидетельствовать не только о передвижении части населения из Приуралья на Дон, но и о сохранении контактов со своей родиной.

Проследивая движение сарматов на запад в IV в. до н. э. по письменным источникам, Д.А. Мачинский путем логических умозаключений пришел к выводу о локализации Сарматии в Приазовье у Сиваша, то есть в Скифии к концу IV в. до н. э. (Мачинский Д.А., 1971, с. 45, 46). Ему возразил С.В. Полин, справедливо указав на шаткость конструкции Д.А. Мачинского из-за отсутствия в Скифии этого времени хорошо датированных сарматских памятников. Да и полуполюгендарная Сарматия с ее тарандрами и озером, убивающим птиц своим запахом, может находиться где угодно (Полин С.В., 1992, с. 18, 86). К этому добавился аргумент из области палеогеографии — поскольку уровень моря в античное время был ниже современного, как минимум, на 5 метров, то Сиваша в его современном состоянии попросту не существовало (Полин С.В., Симоненко А.В., 1997, с. 90).

Однако употребление термина «Сарматия» уже в конце IV в. до н. э. требует объяснения. Поэтому можно предложить версию, согласно которой сарматы, появившиеся в Европе, принесли с собой и рассказы о родине Сарматии, украшенные легендарным флером. В пользу такого предположения может свидетельствовать упоминание Демодама в рассказе Плиния Старшего о «сирматах» в Средней Азии. В таком случае само знание античных авторов IV—III вв. до н. э. о Сарматии еще не означает появления этой страны на европейской карте.

Понятие Сарматии IV в. до н. э. в Европе наполнил археологическим содержанием В.Е. Максименко, локализуя ее на правом берегу Дона уже к концу IV в. до н. э. и полагая, что основателями Европейской Сарматии были сирматы-савроматы, усилившиеся за счет притока исседонов с востока. Само же завоевание Скифии произошло во II в. до н. э. сарматами Азиатской Сарматии — носителями прохоровской археологической культуры (Максименко В.Е., 1988, с. 115; 1990, с. 30—32). В построениях автора есть определенная противоречивость, ибо фиксируя «исседонский» компонент на Дону, он называет южную ориентировку

коллективных захоронений, могильные ямы с нишами-подбоями, дромосные сооружения и предметы материальной культуры Приуралья и Поволжья IV в. до н. э., отождествляя их с савроматской археологической культурой этих регионов (Максименко В.Е., 1990, с. 22—25). Но перечисленные черты уверенно определяются как раннепрохоровские, а не савроматские (Мошкова М.Г., 1974, с. 10, 11; Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988, с. 141—152). К тому же понятие «Европейская Сарматия», отличаемое от Азиатской, появилось лишь с установлением господства сарматов в Северном Причерноморье, соответствуя новым этнополитическим реалиям (Птолемей, V, 8, 1). Сама фиксация раннепрохоровских черт в Подонье подразумевает наличие ранних сарматских памятников IV в. до н. э. и на маршруте передвижения, т. е. в Нижнем Поволжье. По мнению большинства исследователей, носители савроматской археологической культуры продолжают бытовать в качестве основного населения Нижнего Поволжья вплоть до рубежа IV—III вв. до н. э., когда начинается мощное миграционное движение с востока (Лукашов А.В., 1986, с. 66—81). Однако уже М.Г. Мошкова в работах 1960-х и 1970-х гг. выделила памятники IV в. до н. э. с раннепрохоровскими чертами в Нижнем Поволжье, отметив их немногочисленность (Мошкова М.Г., 1963, с. 17, 18; 1974, с. 13—16). В дальнейшем их число неизменно увеличивалось. Часть памятников опубликована (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989, с. 54—58; Сергацков И.В., 1992, с. 163, 164; Мамонтов В.И., 1993, с. 187—193; Ляхов С.В., 1994, с. 111—114; 1997, с. 147—150; Мордвинцева В.И., 1994, с. 133, 134; Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995, с. 23—61; Дремов И.И., 1997, с. 159—162). Проникновение раннепрохоровского населения зафиксировано также в Среднем Поволжье (Скарбовенко В.А., 1976, с. 174—178; Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996, с. 196—221). К тому же инновации в самой культуре ранних кочевников скифского времени Нижнего Поволжья отнесены М.А. Очир-Горяевой ко времени не позже второй четверти IV в. до н. э. (Очир-Горяева М.А., 1988, с. 17; 1996, с. 54).

Все вышесказанное позволяет по-новому оценить роль приуральского раннепрохоровского компонента в Нижнем Поволжье IV в. до н. э. Само определение круга памятников для соответствующего выделения так называемых «сирматов» базируется на следующих исходных положениях:

1. В отечественной историографии достаточно уверенно определены наиболее характерные черты савроматского и раннесарматского погребального обряда. Савроматские памятники представлены погребениями в широких прямоугольных и квадратных, а также в узких ямах. Последние, видимо, характерны и для многочисленных впускных погребений в насыпь, у которых контуры ям не прослежены. Погребенные лежат на спине вытянуто, головой и позвоночным столбом ориентированы в широтном направлении, преимущественно к западу. Заупокойная пища представлена боками лошадей, обезглавленными тушками баранов, целыми скелетами лошадей, овец, иногда собак.

Раннесарматский погребальный обряд отличается усложнением могильных конструкций, появлением камерных сооружений (подбои, катакомбы, дромосные могилы). Изменяется ориентировка погребенных, она направлена в южный сектор. Распространяется положение костяка по диагонали могилы. Заупокойная пища уменьшается в объеме. В могилу кладут лишь отдельные части тушек — ногу с лопаткой, грудную часть, хребет.

2. Раннесарматские черты погребального обряда вызревают в Южном Приуралье, где уже с конца VI—V вв. до н. э. фиксируются камерные могилы, южная ориентировка и диагональное положение погребенных. В памятниках IV в. до н. э. эти элементы широко распространяются. В Нижнем Поволжье такого вызревания и накопления раннесарматских черт не наблюдается. Интересная попытка В.П. Шилова проследить формирование раннесарматской культуры на нижневолжском материале, как кажется, не выдержала испытания временем и новыми археологическими данными (Шилов В.П., 1975, с. 113—134; Мошкова М.Г., Смирнов К.Ф., 1977, с. 265—273). Традиционные савроматские древности VI—IV вв. до н. э. в Нижнем Поволжье сохраняют характерные черты до конца савроматской эпохи, что позволяет на их фоне фиксировать инновации с востока.

3. «Сирматы» в поле зрения античных авторов попадают со второй четверти IV в. до н. э. В Приуралье именно в это время идет процесс формирования раннесарматского археологического комплекса, все основные черты которого сложились к рубежу IV—III вв. до н. э. До этого на протяжении IV века они проявлялись как отдельные элементы или сочетание элементов, синкретически вписываясь в «савроматский» обряд. Таким образом, по-

явление среди памятников нижеволжских савроматов отдельно южной ориентировки, различных вариантов камерных могил, диагонального положения покойника позволяет говорить о продвижении ранних сарматов времени формирования этой археологической культуры.

4. Чертами, имеющими приуральское происхождение, следует также признать концентрическое расположение могил вокруг центра кургана, встречающееся в IV в. до н. э. в погребальном обряде ранних сарматов Мечетсайского могильника, в кургане 1 группы Лапасина на р. Бузулук и ряде других памятников (Смирнов К.Ф., 1962, с. 83—93; 1975, с. 73—149).

5. Наличие в погребениях круглодонных лепных сосудов с тальком и богатой орнаментацией по плечикам, а также так называемых «переходных» мечей и кинжалов со сломанным под тупым углом или изогнутым в виде дуги перекрестьем позволяет говорить о приуральских корнях.

6. Одной из особенностей хозяйства пастбищно-кочевой системы в природно-климатических условиях евразийских степей является замкнутый цикл кочевания с регламентированным распределением пастбищ и водных источников, а также с закреплением маршрутов между родами. Реки в этих условиях естественным образом очерчивали границы обитания кочевых организаций. Волга, как крупнейшая река, безусловно выполняла эту функцию, разделяя в то же время Нижнее Поволжье на две крупные ландшафтно-климатические области — Заволжье и Волго-Донское междуречье, в свою очередь распадающиеся на ряд локальных зон. Памятники ранних сарматов логично также рассматривать в границах этих областей.

Среди проблем первого периода раннесарматской культуры Нижнего Поволжья чрезвычайно сложной представляется проблема выделения памятников III в. до н. э. Античные авторы знают сарматов и Сарматию в это время, хотя такие свидетельства немногочисленны. Теофраст в отрывке «О водах», датированном временем между 310—285 гг. до н. э. (Мачинский Д.А., 1971, с. 46), упоминает о Сарматии в связи с загадочным животным тарандром (Теофраст, фр. 172). По мнению М.И. Ростовцева, легенда о сарматском рейде царицы Амаги против скифов базируется на сообщениях историков III в. до н. э. (Ростовцев М.И., 1925, с. 137, 138). Не исключено, что сообщение Диодора Сици-

лийского об истреблении скифов савроматами (Диодор, II, 43—46) отражает ситуацию III в. до н. э. (Мачинский Д.А., 1971, с. 48). Чрезвычайно важно и то, что к началу II в. до н. э. Полибий упоминает сарматского царя Гатала в числе владык Европы (Полибий, XXV, 2, 12).

Периодизационные схемы раннесарматской культуры IV—II или IV—I вв. до н. э., естественно, подразумевают наличие памятников III в. до н. э. (Мошкова М.Г., 1974; Скрипкин А.С., 1992а). Представление о завоевании на рубеже IV—III вв. до н. э. приуральскими «прохоровцами» нижневолжских племен также должно означать наличие памятников III в. до н. э. на завоеванной территории (Мошкова М.Г., Смирнов К.Ф., 1977, с. 271; Лукашов А.В., 1986, с. 66—81). В традиционных датировках конкретных памятников в рамках IV—III, III—II или III—I вв. до н. э. возможность определения комплексов III в. до н. э. уже заложена. Ряд погребений в Нижнем Поволжье по сопутствующему инвентарю датирован в узких границах III в. до н. э. (Шилов В.П., 1975, с. 138, 139; 1983, с. 44, 45; Фодор Н., 1969, с. 251—254; Хазанов А.М., 1971, с. 9; Лукашов А.В., 1979, с. 160—163; 1986, с. 71). М.Б. Шукиным высказано предположение о наличии ряда погребений с прохоровскими чертами в Северном Причерноморье, которые при создании твердой хронологии скифо-сарматских памятников могут быть датированы III в. до н. э. (Шукин М.Б., 1994, с. 86). Но, во-первых, такие комплексы единичны, во-вторых, сами датировки этих погребений небесспорны.

В последние годы Институтом археологии РАН совместно с итальянским Институтом Среднего и Дальнего Востока начата реализация проекта по теме: «Погребальные памятники ранних кочевников евразийских степей: опыт компьютерной обработки археологических материалов». К настоящему времени опубликованы две коллективные монографии, посвященные анализу погребального обряда памятников Азиатской Сарматии VI—IV (вып. I) и IV—I вв. до н. э. (вып. II). Результатом исследования стало выделение групп памятников, характеризующих хронологические, территориальные и социальные особенности савроматской и раннесарматской эпох (Статистическая обработка..., 1994; 1997). Однако неопределенность позиции III века сказалась в распределении памятников по периодам раннесарматской культуры в рам-

ках IV—III и III—I вв. до н. э. Авторы сознательно допускали возможность хронологического совпадения некоторых памятников обеих групп в рубежном III в. до н. э., справедливо полагая, что при значительном преобладании погребений II—I вв. до н. э. таких совпадений должно быть немного (Железчиков Б.Ф., Скрипкин А.С., 1997, с. 213). Но сама проблема, вставшая перед исследователями, весьма показательна.

Нечеткость хронологической позиции собственно III в. до н. э. и отсутствие опорных раннесарматских памятников с выраженной обрядовой спецификой и узко датированным инвентарем неоднократно отмечалась исследователями (Полин С.В., 1989, с. 9; 1992, с. 77; Скрипкин А.С., 1992а, с. 34, 35). Этому в немалой степени поспособствовало передатирование скифских комплексов эталонного характера с IV—III вв. до н. э. на IV в. до н. э. (Алексеев А.Ю., 1992, с. 144—157), что лишило III в. до н. э. в раннесарматской хронологической шкале прочного фундамента, который восстанавливается в памятниках начиная лишь со второй половины II в. до н. э. (Полин С.В., 1989, с. 6—9, 15; Полин С.В., Симоненко А.В., 1990, с. 76—93; Симоненко А.В., 1993, с. 20—29, 104—112). Утверждение украинских археологов об отсутствии раннесарматских памятников III — первой половины II в. до н. э. в Северном Причерноморье получило расширительное толкование в недавних работах В.Ю. Зуева, распространившего этот вывод на Поволжье и Приуралье (Зуев В.Ю., 1998а, с. 19; 1998б, с. 143—150).

Однако традиционная позиция, согласно которой запустение «Великой Скифии», ликвидация хоры греческих государств Северного Причерноморья, прекращение функционирования городищ и могильников на Среднем и Нижнем Дону и Северном Кавказе объясняется сарматским вторжением рубежа IV—III или начала III в. до н. э., по-прежнему имеет много сторонников (Виноградов Ю.А., Щеглов А.Н., 1990; Щукин М.Б., 1994, с. 86, 87; Марченко К.К., 1996, с. 70—80; Медведев А.П., 1997, с. 60—64). Но поскольку пребывание сарматов в Северном Причерноморье для этого времени не доказано, в качестве причин дестабилизации фигурируют также климатические изменения (Полин С.В., 1992; Алексеев А.Ю., 1992), вторжение кельтов (Яйленко В.П., 1990), кризис внутри скифского общества (Туровский Е.Я., 1994).

Сторонники сарматской версии находят выход во мнении, что новые завоеватели не сразу начали освоение северопричерно-

морских территорий, а наносили удары из смежных районов Подонья, Поволжья, Калмыкии и Прикубанья (Марченко К.К., 1996, с. 72; Шукин М.Б., 1994, с. 86). С изменением этнополитической обстановки в Нижнем Поволжье и Подонье в отечественной литературе связывается и продвижение савромато-сарматского населения в Предкавказье. По мнению В.Б. Виноградова, на рубеже IV—III вв. до н. э. племена савроматов Нижнего Поволжья не смогли противостоять натиску приуральских племенных союзов и устремились на Северо-Восточный Кавказ, достигнув рек Терека и Сунжи (Виноградов В.Б., 1963, с. 65—68). М.П. Абрамова, характеризуя Центральное Предкавказье в сарматское время, относит массовое расселение сарматов в Предкавказье под давлением аорсов к началу III в. до н. э. (Абрамова М.П., 1989, с. 19). И.И. Марченко, фиксируя со второй половины IV в. до н. э. сираков на правом берегу Нижней Кубани, отмечает их синкретический савромато-прохоровский облик (Марченко И.И., 1988, с. 13, 14). К концу III в. до н. э. отнесены самые ранние сарматские комплексы в Среднем Прикубанье, также связанные с Поволжьем (Ждановский А.М., 1990, с. 38—42). Ю.М. Десятчиков предложил гипотезу о двух путях движения сарматов из Средней Азии в Северное Причерноморье и Прикубанье, на земли Азиатского Боспора начиная со второй половины — конца IV в. до н. э. Южным путем через Иран и Закавказье следовали сираки, северным путем по маршруту Волга — Дон — Северное Причерноморье — языги. Причем сиракские «молодежные дружинные отряды», вытесненные со своей родины, шли в авангарде. Основная же часть населения, оставившего памятники прохоровской культуры, появилась позднее, чем и объясняется хронологическое расхождение между концом IV в. до н. э. по письменным источникам и археологическими материалами, датируемыми не позднее середины III—II вв. до н. э. (Десятчиков Ю.М., 1974, с. 5—11).

Разработка периодизационных схем для отдельных регионов позволила Н.Е. Берлизову предпринять попытку создания сквозных хронологических шкал для Приуралья, Заволжья, Подонья и Предкавказья (Берлизов Н.Е., 1994, с. 67—70; 1998, с. 50—64). Однако это перспективное направление во многом зависит от степени разработанности истории конкретных регионов.

Таким образом, поиск археологического материала III в. до н. э. требует прежде всего уточнения относительной и абсолютной (если возможно) хронологии и периодизации всего периода IV—III вв. до н. э., чему и посвящена работа, предлагаемая вашему вниманию. Она была выполнена во многом благодаря поддержке, советам и помощи моих учителей, друзей и коллег, и потому хотелось бы выразить глубокую признательность А.С. Скрипкину, Б.Ф. Железчикову, В.И. Мамонтову, М.А. Балабановой, В.А. Демкину, А.Н. Дьяченко, И.В. Сергацкову, А.В. Лукашову, П.Е. Захарову.

ГЛАВА I.

КЛАССИФИКАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КОЧЕВНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В IV—III ВВ. ДОН. Э.

Разработка хронологии любого региона подразумевает широкое использование всего вещевого материала, встречающегося в погребальных комплексах, выделение в нем тех категорий, которые наиболее информативны в хронологическом отношении, их типологическую дифференциацию, позволяющую проследить развитие одних типов во времени и смену их другими. Разработка типологических схем позволяет корреляционным методом определить синхронные группы вещей и установить относительную хронологию этих групп. Определенные таким образом хроноиндикаторы должны быть совмещены с характеристиками погребальной обрядности, что позволяет наметить основные этапы в рамках археологической культуры. Синхронизация этих этапов с периодами соседних регионов, обладающих большей хронологической информативностью, и совмещение с известиями античных авторов позволят наметить основные периоды истории Нижнего Поволжья в определенных задачами исследования границах.

1. Вооружение

Специфика кочевого общества, заключавшаяся в мобильности кочевых коллективов, стремившихся к обладанию обширными пастбищами, незамкнутый, открытый характер экономики, зависимость от экологической динамики и, в силу этих при-

чин, постоянная готовность к защите и нападению делали оружие незаменимой частью кочевого инвентаря. Разнонаправленность военных интересов, смена противников, союзников и торгово-обменных ориентаций, социальная дифференциация внутри кочевых объединений с выделением дружинных структур вели не только к изменению отдельных типов оружия, но и к смене всей паноплии, несущей как практическую, прикладную, так и социально-престижную смысловую нагрузку.

Кочевой быт обладал определенными преимуществами по сравнению с земледельческой жизнью в силу мобильности скота как основного богатства, накапливаемого к тому же при меньшем вложении труда. Однако скот как наиболее просто отчуждаемое богатство требовал охраны и соответствующей военной организации, во многом определявшей специфику кочевого уклада (Клейн Л.С., 1980, с. 33, 34). Та же военная структура применялась для угона чужого скота и при освоении новых территорий. Она позволяла вытеснить конкурента с пастбищ или, продемонстрировав силу, заставить поделиться полезной площадью. Оптимальное военное снаряжение в таких условиях было для кочевников жизненной необходимостью. Но отсутствие стационарных поселков при круглогодичном кочевании и, конечно, при освоении новой территории затрудняло собственное производство. Даже в XIII—XIV вв. монгольские умельцы изготавливали сами лишь луки, стрелы, кожаные панцири и конскую упряжь. В саблях, копьях и железных доспехах ощущалась постоянная нехватка, восполнявшаяся привозным, трофейным и изготовленным пленными ремесленниками оружием (Кирпичников А.Н., 1985, с. 233). Средневековая ситуация вполне может быть экстраполирована на кочевой мир раннего железного века. Поэтому появление новых номадов вблизи земледельческого населения и античных городов должно было проявиться и в наборе вооружения мигрантов.

Таким образом, предметы вооружения являются важным источником не только для характеристики военного дела, но и позволяют решать вопросы хронологии, социальной структуры, военных и торговых связей, а также могут использоваться для этнокультурных построений.

Клинковое оружие. В традиционных наборах оружия, представленных мечами, кинжалами, наконечниками стрел и копий, клинковое оружие занимает важное место.

Разработанная исследователями морфологическая типология мечей и кинжалов скифо-сарматской эпохи избавляет нас от необходимости самостоятельно определять классификационные признаки и позволяет использовать уже апробированные и устоявшиеся схемы (Смирнов К.Ф., 1961; Мошкова М.Г., 1963; Мелюкова А.И., 1964; Хазанов А.М., 1971; Васильев В.Н., 1995). В основу типологии положены морфологические признаки, среди которых определяющими считаются формы перекрестья и навершия. Наиболее общие характеристики перекрестья (фигурное, изогнутое брусковидное, прямое брусковидное, отсутствие перекрестья), как представляется, могут иметь большее хронологическое и региональное значение, нежели характеристики навершия. Поэтому, вопреки традиции, в основу выделения четырех отделов была положена форма перекрестья. Внутри отделов по особенностям наверший и более дробным характеристикам перекрестий выделяется по четыре типа.

Отдел I. Мечи и кинжалы без металлического перекрестья.

Tun 1. С прямым брусковидным навершием (рис. 1/1—7).

Tun 2. С валютами на прямом бруске навершия (рис. 1/8).

Tun 3. С серповидным навершием (рис. 1/9).

Tun 4. Без металлического навершия (рис. 1/10—12).

Отдел II. Мечи и кинжалы с фигурным перекрестьем.

Tun 1. С перекрестьем ложнотреугольной формы и навершием в виде уплощенного овала (рис. 1/13, 14).

Tun 2. С узким бабочковидным перекрестьем и навершием в виде несомкнутых валют (рис. 1/15).

Tun 3. С бабочковидным перекрестьем и расширяющейся к концу рукоятью (рис. 1/16).

Tun 4. С фигурными костяными накладками на перекрестии (рис. 1/17).

Отдел III. Мечи и кинжалы с изогнутым брусковидным перекрестьем.

Tun 1. С перекрестьем, сломанным под тупым углом и прямым брусковидным навершием (рис. 2/1—4).

Tun 2. С перекрестьем, сломанным под тупым углом и серповидным навершием (рис. 2/5).

Tun 3. С перекрестьем, изогнутым в виде дуги и прямым брусковидным навершием (рис. 2/6—10).

Tun 4. С перекрестьем, изогнутым в виде дуги и с серповидным навершием (рис. 2/11, 12).

Отдел IV. Мечи и кинжалы с прямым брусковидным перекрестьем.

Tun 1. С прямым брусковидным навершием (рис. 2/13—16).

Tun 2. С серповидным навершием (рис. 2/17—32).

Tun 3. С кольцевидным навершием (рис. 2/33, 34).

Tun 4. Без металлического навершия (рис. 2/35, 36).

Клиновое оружие различается не только по форме перекрестья и навершия, но и по длине, распадаясь на длинные и короткие мечи и кинжалы, причем исследователи обычно определяют их произвольно. Исключением стала удачная попытка А.С. Скрипкина решить эту проблему, выявив мерные признаки с помощью гистограммы. Дискретность размерных значений позволила ему для мечей с серповидным и кольцевидным навершиями выделить два значения — длинные и короткие мечи. Длинные мечи с серповидным навершием — от 76,5 до 130 см, с кольцевидным — от 90 до 113 см, короткие, соответственно, — от 18 до 58 см и от 28 до 75 см. Характеристики мечей без металлического навершия позволили выделить группу коротких мечей или кинжалов с интервалом от 22 до 40 см и группу длинных с размерами от 80 до 115 см при промежуточном значении от 40 до 80 см (Скрипкин А.С., 1990б, с. 60, 61). Учитывая приуральское происхождение так называемых мечей «переходного» типа (отдел III вышеприведенной классификации), мной была построена гистограмма на основе 48 экземпляров мечей из Приуралья и Поволжья, которая дала трехвершинное распределение, хотя и без дискретных промежутков (рис. 3). Этот график позволил выделить три варианта:

1. Длинные мечи — свыше 70 см.
2. Средние мечи — от 50 до 70 см.
3. Короткие мечи (кинжалы) — менее 50 см.

Для размерных определений даны усредненные характеристики, размерные деления которых совпадают с предложенными А.М. Хазановым (Хазанов А.М., 1971, с. 15). При всей условности границ между размерными группами такое разделение позволяет, как нам кажется, лучше представить функциональные особенности каждой группы, чем при включении мечей длиной от 28 до 75 см в один разряд. Вероятно, сарматские воины могли

оперировать длинными мечами при рубке с коня, а средними — в пешем бою, используя в качестве колющего вспомогательного оружия короткие мечи или кинжалы.

Среди мечей I отдела (рис. 1/1—12) без металлического перекрестья, найденных в раннесарматских погребениях, весьма информативны мечи I типа, названные К.Ф. Смирновым синдо-меотскими (Смирнов К.Ф., 1958, с. 304, 305). Этот тип мечей и кинжалов широко известен на территориях, занятых синдо-меотским населением, в Предкавказье и Абхазии со второй половины V в. до н. э. по III в. до н. э. Оттуда этот тип оружия распространился на Нижнем и Среднем Дону, где он встречается с комплексами IV в. до н. э., и далее до Приуралья. К.Ф. Смирновым была дана обширная сводка этого типа мечей на указанных территориях, в том числе для Приуралья названы могильники у оз. Челкар, курганные группы Алебастрово II, Барбастау, Вишневая балка, Новый Кумак, Краснохолм. Погребения с синдо-меотскими мечами из перечисленных могильников датированы автором преимущественно IV в. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1980, с. 42, 43, рис. 3). В настоящее время в Приуралье известен еще целый ряд аналогичных находок. В частности, в курганном могильнике Тавлыкаево IV (кург. 1, погр. 6) найден такой меч с бронзовыми наконечниками стрел в подбойной могиле (Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 66, табл. XLVIII, 7). В раннепрохоровских курганах Лебедевки IV, Тамар-Уткуль VIII, Краснопартизанский II также встречены мечи синдо-меотского облика (Мещеряков Д.В., 1996, с. 50, рис. 9/8; Моргунова Н.Л., 1996, с. 10, рис. 5/7).

В Волго-Донском междуречье мечи этого типа найдены в могильниках Крепинский II (кург. 5, погр. 4) и Арпачин II (кург. 6, погр. 5). Их длина — 73 см и 69,5 см. Не исключено, что и в погребении у Азова (кург. 2, погр. 3) меч был из этой же серии. Сохранившаяся часть клинка имела клиновидную форму и длину 63 см. Учитывая обычный размер рукояти в 9—10 см, можно полагать, что общая длина меча превышала 70 см. Меч из кенотафа № 3 у с. Старица (кург. 4) на Волжском правобережье, вероятно, имел меньшие размеры. У него был сломан клинок, возможно, в ритуальных целях. Но учитывая треугольность клинков у мечей этого типа, можно предположить его длину — около 60—65 см. В низовьях Волги в одном из бэровских бугров (бугор «Черный», погр. 1) в 1995 году найден также обломанный син-

до-меотский меч, видимо, в савроматском погребении вместе с сосудами и колчанным крючком (Кутуков Д.В., 1995. Отчет...). Длина сохранившейся части — 30 см, вероятная общая длина — не менее 60 см (рис. 1/7).

В Заволжье этот тип меча встречен в двух погребениях из Саратовской области. В курганной группе Яблоня I (кург. 3, погр. 4) найден короткий меч длиной 40 см (рис. 1/2) вместе с бронзовыми наконечниками стрел и фрагментами орнаментированного сосуда во впускном погребении с южной ориентировкой. В могильнике Березовка (кург. 4) в основном погребении с ортогональным положением костяков меч этого типа длиной 45,5 см найден вместе с бронзовыми, железными и костяным наконечниками стрел и железным наконечником копья (Дремов И.И., 1997, с. 161, 162, рис. 4, 5).

Сам факт распространения таких мечей от Среднего Дона (Сладковские комплексы) до Заволжья и Приуралья в погребениях, имеющих раннепрохоровские черты, может служить косвенным подтверждением контактов между двумя регионами.

К.Ф. Смирнов датировал мечи этого типа на сарматской территории IV — началом III в. до н. э., подчеркивая преимущественно IV в. до н. э. в Приуралье (Смирнов К.Ф., 1980, с. 42, 43, рис. 3). И.И. Марченко, анализируя раннесарматские комплексы Нижнего Прикубанья, датирует синдо-меотские мечи средних размеров в границах IV в. до н. э., а длинные мечи этого типа в его схеме продолжают использоваться до рубежа первой и второй четвертей III в. до н. э. (Марченко И.И., 1988, с. 5; 1996, с. 231, рис. 12).

Комплексы в Нижнем Поволжье и на левобережье Дона не противоречат этой датировке. Меч 2 типа, I отдела, обнаруженный в могильнике Северный (кург. 2, погр. 3), представляет собой вариант синдо-меотского меча, украшенного волютами на бруске навершия. По длине он близок к 70 см. В.Е. Максименко, опубликовавший этот комплекс, датирует его IV в. до н. э., не позднее второй половины, по зеркалу, имеющему аналогию в некрополе у пос. им. Войкова (Максименко В.Е., 1983, с. 41, рис. 34; Капошина С.И., 1959, с. 125, 134, рис. 31).

Вероятно, дериватом синдо-меотских и северокавказских мечей, изменившихся под влиянием прохоровского оружия, являются мечи без металлического перекрестья с серповидным на-

вершием (тип 3, отдел I). Такое предположение было высказано К.Ф. Смирновым, датировавшим этот тип концом III в. до н. э. — рубежом нашей эры (Смирнов К.Ф., 1980, с. 42—44, рис. 3). А.С. Скрипкин отметил находки восьми мечей этого типа на территории Азиатской Сарматии, но, соглашаясь с предположением К.Ф. Смирнова, вместе с тем предложил и другое объяснение — потерю или преднамеренную поломку перекрестья у классических раннесарматских мечей с прямым перекрестьем и серповидным навершием (Скрипкин А.С., 1990б, с. 119, 120). Мечи этого типа были зафиксированы в Прикубанье и датированы И.И. Марченко на основании корреляции с наконечниками стрел второй четвертью III — II в. до н. э. (Марченко И.И., 1988, с. 5; 1996, рис. 12). Меч этого типа найден в Заволжье в подбойно-катакомбном коллективном захоронении курганного могильника у с. Киляковка (кург. 4, погр. 5) вместе с классическими прохоровскими мечами, зеркалами, бусами, не противоречащими датировке И.И. Марченко. Его длина — 36 см (Мыськов Е.П., 1992, с. 131—135).

Мечи 4 типа I отдела без металлического навершия и перекрестья получили распространение у позднесарматского населения во II—IV вв. н. э. Однако появились они в раннесарматскую эпоху, продолжая бытовать в комплексах среднесарматской культуры (Скрипкин А.С., 1990б, с. 132, 133; Хазанов А.М., 1971, с. 17—24).

В междуречье Дона и Северского Донца в инвентаре Шолоховского кургана такой меч длиной 68 см датируется В.Е. Максименко концом V — началом IV в. до н. э. (Максименко В.Е., 1983, с. 31, 105, рис. 13/13). Уточнить дату позволяет найденное в этом же комплексе бронзовое зеркало, аналогичное зеркалам из некрополя у пос. Войкова и могильника Северный (кург. 2, погр. 3), датированных серединой — второй половиной IV в. до н. э.

В междуречье Волги и Дона этот тип меча встречен трижды. В низовьях Маныча во 2-м Крепинском могильнике (кург. 3, погр. 11) найден кинжал, датированный по погребальному обряду с диагональным положением покойника и вещевому комплексу IV в. до н. э. (Максименко В.Е., 1983, с. 40, 41, рис. 33). Второй меч длиной 1,07 м найден в погребении у с. Старица (кург. 4, погр. 9), датированном А.М. Хазановым раннепрохоровским временем по комплексу бронзовых и железных наконечни-

ков стрел (Хазанов А.М., 1971, с. 18). Если предположить близость этого погребения соседнему, с ранними типами бус и бронзовым зооморфным колчанным крючком, а также кенотафам с мечами, наконечниками дротиков и псалиями ранних типов (кург. 4, погр. 6 и кенотафы 1—3), можно датировать этот меч IV — началом III в. до н. э. Еще один меч того же типа найден в мог. Никольское IV, кург. 1, погр. 3 (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989, с. 101—104, рис. 80/8). Он имел общую длину 79 см, на рукояти длиной 7,5 см сохранился железный штифт для крепления накладок. В погребении савроматского облика вместе с этим мечом, колчанными крючками, костяными ворворками, лепным сосудом и оселком лежало 10 железных и 8 бронзовых втульчатых наконечников стрел со сводчатой головкой, бытовавших в IV в. до н. э.

Мечи II отдела (рис. 1/13—17) находят прямые аналогии в скифских памятниках IV в. до н. э. и могут быть отнесены к разряду средних. В диагональном погребении из Житковского кургана на левобережье р. Маныч найден меч с рукоятью, обернутой золотой пластиной. По форме навершия и перекрестья он может быть включен в тип 1 II отдела (I отдел, III тип, по классификации А.И. Мелюковой). Более 20 экземпляров таких мечей из погребений скифской знати были учтены А.И. Мелюковой (Мелюкова А.И., 1964, с. 51, табл. 18). Аналогичные мечи известны на Нижнем и Среднем Дону, а также на Кавказе (Шилов В.П., 1961, с. 195, рис. 11; Либеров П.Д., 1965, табл. 17/1, 2; Козенкова В.И., 1982, с. 21, табл. XV, 4). Житковский меч имел длину без рассыпавшегося кончика клинка 62 см. Меч этого типа, но без золотых обкладок, найден в другом диагональном погребении в Аксеновском II могильнике, курган 14. Он имел длину 58 см (Шилов В.П., Очир-Горяева М.А., 1997, с. 143, рис. 15/32). Оба меча имеют ромбический в сечении обоюдоострый клинок. На рукояти житковского меча боковые поверхности покрыты поперечным рифлением. Рукоять аксеновского меча имеет по краям валикообразные утолщения.

В свете предположения о появлении на Дону мигрантов с востока весьма показательны находки в Поволжье и Приуралье наряду с железными втульчатыми наконечниками стрел и мечами «синдо-меотского» облика мечей II отдела (Хазанов А.М., 1971, с. 71). Такой экземпляр известен в Среднем Поволжье, где

несколько мечей, возможно, выполненных как подражание этому типу, встречены в раннепрохоровских погребениях IV в. до н. э. в Приуралье (Смирнов К.Ф., 1961, с. 23, 24, рис. 6/1—4). Вслед за А.И. Мелюковой к варианту этого типа следует отнести меч того же времени, найденный в Оренбургской области у дер. Измайлово (Смирнов К.Ф., 1961, с. 13, рис. 1/9; Мелюкова А.И., 1964, с. 52).

К мечам 2 типа следует отнести меч средней длины с узким бабочковидным, а скорее близким к ложнотреугольному, перекрестьем и навершием в виде несомкнутых волют. Этот меч происходит из Аксеновского I могильника, кургана 12, из погребения в яме с заплечиками. Такие навершия известны в скифских, савроматских и кавказских древностях VI—V вв. до н. э. (Мелюкова А.И., 1964, с. 54, 55, табл. 20; Смирнов К.Ф., 1961, с. 18—20, рис. 3; Козенкова В.И., 1982, с. 21, табл. XV, 6). Ложнотреугольное перекрестье является отражением того общего процесса изменений в евразийских степях, которое заключалось в постепенном сужении бабочковидного и сердцевидного перекрестья, процесса, проявившегося широко в конце V — IV в. до н. э. (Мошкова М.Г., Смирнов К.Ф., 1977, с. 271). Другой меч средних размеров, 3 типа, найден в том же могильнике, в диагональном погребении из кургана 11. Бабочковидное перекрестье и расширяющаяся к концу рукоять свидетельствуют о его кавказском происхождении (Мошкова М.Г., Смирнов К.Ф., 1977, с. 271).

К мечам 4 типа, имеющим аналогии в скифском оружии, следует отнести клинок с сохранившимся перекрестьем из могильника у хут. Вертячий, кург. 6, погр. 3. Такие узкие длинные клинки появились у скифов в конце V в. до н. э. и продолжали бытовать впоследствии. Трапецевидная костяная накладка на перекрестьи напоминает накладку иной формы из кургана 489 у с. Макеевка (Мелюкова А.И., 1964, табл. 18/9). Костяные накладки, заменяющие железное перекрестье, встречены в кургане 17 у с. Русская Гростянка (Либеров П.Д., 1965, табл. 17/5, 6). Длина клинка меча из погребения у хут. Вертячего составляет около 60 см. В зависимости от длины несохранившейся рукояти общая длина меча могла достигать 70 см. Мечи II отдела бытуют в IV в. до н. э., не выходя за рубеж IV—III вв. до н. э.

Мечи I и II отделов были распространены преимущественно в Северо-Причерноморском и Кавказском регионах, с которыми, вероятно, связано и их происхождение.

Мечи III отдела (рис. 2/1—12), иначе называемые мечами переходных типов, по мнению К.Ф. Смирнова, формировались в Южном Приуралье (Смирнов К.Ф., 1964а, с. 24). Эта точка зрения была принята практически всеми исследователями, за исключением В.П. Шилова, полагавшего, что процесс формирования прохоровских типов мечей шел одновременно в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье. По его мнению, лишь дуговидные перекрестья являются локальной восточной формой, а сложенные под тупым углом — известны в материалах Аксеновского могильника (Шилов В.П., 1975, с. 127). Но аксеновские мечи в этом случае не могут служить примером, поскольку их перекрестья близки бабочковидным и ложнотреугольным, а некоторые навершия имеют скорее кавказский облик (Мошкова М.Г., Смирнов К.Ф., 1977, с. 271). В настоящее время можно говорить о наличии мечей с дуговидным перекрестьем в Поволжье на основании находок в могильниках у ст. Новоузенск (рис. 2/6, 8, 10), с. Лятошинка (рис. 2/7), Кривая Лука XXXV (рис. 2/9), Эльтон (рис. 2/11) (Ким М.Г., 1977, Отчет..., рис. 87, 96, 97, 140, 205, 217; Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995, рис. 6/1; Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1981, Отчет..., рис. IV, 72; Лукашов А.В., 1983, Отчет..., рис. 68/10, 72).

Все мечи III отдела традиционно характеризуются как переходные между савроматскими акинаками с брусковидным навершием и крыловидным или узким бабочковидным перекрестьем и классическими прохоровскими образцами с серповидным навершием и прямым перекрестьем. Хронологически все четыре типа меча одновременно встречаются во многих относительно синхронных погребениях и датируются IV в. до н. э., не выходя за верхнюю хронологическую границу (Мошкова М.Г., 1974, с. 23, 24; Васильев В.Н., 1995, с. 9).

В заволжских раннепрохоровских комплексах мечи III отдела встречены в 10 погребениях. Из них 6 экземпляров превышают длину 70 см. Остальные относятся к категории средних мечей и кинжалов. На правом берегу Волги в диагональных погребениях могильников Барановка (кург. 27) и Кривая Лука XXXV (кург. 1, погр. 7) также найдены мечи этого отдела (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989, с. 54—58, рис. 21/5; 1981, Отчет..., с. 187—189). Длина мечей, соответственно, 95 см и 89,3 см. Меч из Барановки относится к I типу, второй меч, из Кривой Луки,

имел массивное дуговидное перекрестье и не совсем ясное навершие в виде уплощенной сверху шляпки. Расположение памятников с такими мечами в правобережном понизовье Волги в местах предполагаемой зимней переправы и наличие мечей сарматского облика в характерных раннепрохоровских погребениях подчеркивает связь этих комплексов с завожским населением IV в. до н. э. Хотя в т. н. «сирматских» памятниках левого берега Дона пока не найдено оружие этих типов, обращает на себя внимание одновременное появление таких мечей в других контактных зонах. В кургане 7 у с. Русская Тростянка встречен меч 2 типа длиной более метра, мечи 2 и 3 типов — в степях Кубанского Правобережья, что позволяет предположить определенную связь с этими территориями (Либеров П.Д., 1965, табл. 17/3, 4; Марченко И.И., 1988, с. 5; 1996, с. 48—50).

Мечи IV отдела представляют собой типы, сформировавшиеся к рубежу IV—III вв. или к III в. до н. э. и бытующие в течение нескольких веков в сарматском наборе оружия (рис. 2/13—36).

Мечи с прямым навершием и прямым перекрестьем (1 тип) хотя и отмечаются в работах большинства исследователей, но не выделяются в отдельный тип и рассматриваются в серии классических прохоровских мечей с серповидным навершием (Смирнов К.Ф., 1961, с. 27; Мошкова М.Г., 1963, с. 34; Скрипкин А.С., 1990б, с. 117). Только В.Н. Васильев абсолютно правильно, на наш взгляд, выделяет их в отдельный тип. Он квалифицирует такие мечи как тупиковую ветвь развития прохоровского оружия, появившегося в IV в. до н. э. и получившего распространение на рубеже IV—III вв. до н. э. (Васильев В.Н., 1995, с. 9).

В Нижнем Поволжье такие мечи немногочисленны. Меч из Новоникольского (кург. 3, погр. 3), судя по рисунку и чертежу, можно отнести к 1 типу, хотя В.П. Шилов включил его в разряд мечей с прямым перекрестьем и серповидным навершием. Его длина — 1,04 м (Шилов В.П., 1975, с. 115, 116, рис. 4/3, 49/1). Второй меч 1 типа происходит из мог. Лятошинка (кург. 1, погр. 2) и может быть отнесен к мечам среднего размера. Его длина 60,5 см (Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995, с. 25, рис. 5/1). Еще один меч найден в кенотафе 1, кургана 4, у с. Старица. Его длина — 90,5 см.

Все эти мечи по обряду и сопутствующему инвентарю датируются IV в. до н. э., хотя М.Г. Мошкова датировала кенотаф 1

«скорее IV—III, чем IV в. до н. э.» (Мошкова М.Г., 1974, с. 15, 16). Однако наличие в кенотафах железного меча синдо-меотского облика, двудырчатых псалий, наконечников дротиков, хорошо известных в скифском инвентаре IV в. до н. э., позволяют ограничить верхнюю дату комплекса началом III в. до н. э. К тому же мечи I типа IV отдела известны не только в Приуралье, но и в Нижнем Поволжье в савроматских погребениях с бронзовыми и железными втульчатыми наконечниками стрел из мотильников у хут. Верхнеяблочный Котельниковского района (кург. 1, погр. 5) и Аксеновского I (кург. 13, 15), датирующихся IV в. до н. э. (Шилов В.П., 1975, с. 127; 1987, с. 8, 9, рис. 6/2; Шилов В.П., Очир-Горяева М.А., 1997, рис. 9/1, 10/62).

Одним из самых распространенных типов раннесарматских мечей были мечи и кинжалы с прямыми перекрестьями и разными вариантами серповидных наверший (тип 2 IV отдела). Все исследователи, отмечая их массовое распространение в III—II вв. до н. э., указывают на IV в. до н. э. как дату возникновения (Смирнов К.Ф., 1961, с. 27; Мошкова М.Г., 1963, с. 34; Васильев В.Н., 1995, с. 10). Соглашаясь с этим выводом, следует отметить, что основанием для него служат всего два комплекса из Оренбуржья — курган 3 группы «Алебастрова гора» и курган 2 у с. Рычковка (Граков Б.Н., 1947, с. 112—117; Васильев В.Н., 1984, с. 34, 35). Лишь в этих погребениях можно твердо констатировать наличие прямых перекрестий и серповидных наверший кинжалов. Все остальные мечи, привлекаемые для датировок, вызывают сомнение. В кургане 2 группы «Алебастрова гора» сохранилось только серповидное навершие, форма перекрестья не восстанавливается (Смирнов К.Ф., 1961, с. 23, 24, 27). Такое навершие вполне может быть связано с мечами III отдела, тем более, что в этом же погребении лежал акинак с узким бабочковидным перекрестьем и овальным навершием, а также набор бронзовых наконечников стрел и бус IV в. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1964а, с. 60). Привлекаемые для доказательства мечи из кургана 3 у с. Прохоровка и Ново-Никольского (кург. 3, погр. 3), судя по иллюстрациям, имеют прямое навершие и должны быть отнесены к I типу IV отдела, распространенному действительно в IV в. до н. э. (Ростовцев М.И., 1918а, табл. V/11; Шилов В.П., 1975, рис. 49/1). Поскольку находки мечей 2 типа IV отдела единичны в Приуралье, области их формирования, и напрочь отсутствуют в

Нижнем Поволжье в IV в. до н. э., допустимо предположить их появление в поволжских степях не ранее рубежа IV—III вв. до н. э. и широкое распространение в последующее время (Скрипкин А.С., 1990б, с. 117—119; Мошкова М.Г., 1974, с. 24).

Мечи с кольцевым навершием (3 тип IV отдела) наиболее характерны для среднесарматского времени. Однако находки мечей этого типа вместе с мечами 2 типа позволяют исследователям отнести их появление к раннесарматскому периоду. Самые ранние находки этого типа оружия датируются рубежом IV—III вв. или III в. до н. э. Меч с кольцевым навершием в сочетании с набором бронзовых и железных черешковых наконечников стрел из раннесарматского комплекса могильника Бережновка (кург. 2, погр. 11) служит исследователям, изучавшим сарматское оружие, основным аргументом для определения времени начала бытования таких мечей с III в. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1959, с. 320; Хазанов А.М., 1971, с. 9). Находки мечей с разомкнутым кольцом навершия из Башкирии также датируются III в. до н. э. (Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б., 1976, с. 244, 245). На основании этих материалов А.С. Скрипкин определил Нижнее Поволжье и Южное Приуралье как области формирования этого типа меча, хотя в последующих работах предпочел им более восточные территории Северо-Западного Китая, Тувы и Алтая (Скрипкин А.С., 1990б, с. 122, 123; 1997б, с. 13). В то же время появление таких мечей еще не означает их широкого распространения. С определенной долей вероятности к ранним экземплярам можно добавить меч из Калиновского могильника (кург. 19, погр. 17), отнесенный В.П. Шиловым к серии мечей с серповидным навершием, но после реставрации определенный как меч с кольцевидным навершием (Шилов В.П., 1959, с. 376, рис. 40/1; Хазанов А.М., 1971, с. 9). Вместе с ним был найден короткий меч с серповидным навершием и фрагментированное плоское круглое зеркало с длинной прямоугольной ручкой, датированное В.П. Шиловым по многочисленным аналогиям IV — началом III в. до н. э. (Шилов В.П., 1959, с. 434, рис. 42/6). Еще одним свидетельством появления мечей 3 типа не позже III в. до н. э. могут служить раннесарматские комплексы могильника Покровка I в Южном Приуралье. В кургане 12 обнаружены мечи с кольцевым навершием в сопровождении весьма показательного инвентаря. В погребении 3 найден кинжал 3 типа вместе с бронзовыми трех-

гранными наконечниками стрел с внутренней втулкой и одним железным трехлопастным черешковым. В относительно одновременном погребении 1 этого же кургана находился аналогичный кинжал вместе с длинным мечом 2 типа и скоплением железных трехлопастных наконечников стрел с выступающей втулкой (Яблонский Л.Т. и др., 1995, с. 18—21, рис. 22, 23/1—5). Хотя такие наконечники стрел бытуют в Прикубанье вплоть до первых веков нашей эры (Ждановский А.М., 1988, с. 67), а в междуречье Волги и Дона обнаруживаются до I в. до н. э. (Скрипкин А.С., 1990б, с. 139, 140), они не характерны для Приуралья, где со II в. до н. э. широко распространяются железные черешковые наконечники, а втульчатые известны лишь в памятниках IV—III вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1962, с. 81, 82; Смирнов К.Ф., 1975, с. 163).

Мечи 4 типа IV отдела с прямым брусковидным перекрестьем без металлического навершия, по убеждению многих исследователей, происходят от савроматских типов и бытуют на протяжении всей раннесарматской культуры (Мошкова М.Г., 1963, с. 34; Хазанов А.М., 1971, с. 17—20). Но утверждение о появлении этих мечей уже в IV в. до н. э. базируется на довольно шатком основании. Единственным аргументом в пользу такой датировки послужил меч с костяными обкладками из кургана б у хут. Вертячего (Мамонтов В.И., 1993, с. 187—193; Скрипкин А.С., 1990б, с. 128, 130). Однако стержневая рукоять меча сохранилась лишь частично у перекрестья, поэтому судить о несохранившемся навершии мы не можем. Другой меч, из погребения 3, кургана 4 мог. Визенмиллер II, описан П.С. Рыковым как имеющий прямое перекрестье и стержневое навершие. Второй меч из этого погребения имел ту же форму (Рыков П.С., 1926, с. 115, 116). Терминологическая нечеткость описания оставляет пробел для различных трактовок. А.М. Хазанов предположил наличие у мечей из Визенмиллера стержневой рукояти без металлического навершия и датировал их по комплексу наконечников стрел концом IV — началом III в. до н. э. (Хазанов А.М., 1971, с. 18). А.С. Скрипкин интерпретировал их как мечи с прямой перекладиной, отнеся к типу мечей с прямыми навершиями и перекрестьями (Скрипкин А.С., 1990б, с. 128). Мне представляется, что хотя такая трактовка допустима, все же следует учитывать отсутствие в довольно многочисленных комплексах с подобными мечами железных черешковых наконечников стрел, в отличие от

набора оружия из Визенмиллера. Поэтому предпочтительнее трактовка А.М. Хазанова, если только П.С. Рыковым не была описана фрагментированная часть рукояти с утраченным навершием. Таким образом, если вслед за А.М. Хазановым трактовать эти мечи как оружие 4 типа, следует согласиться с датировкой начала их бытования не ранее рубежа IV—III вв. или с III в. до н. э.

Копья. Копья были обычным оружием скифов-воинов, в погребениях которых встречается от одного, чаще от двух до пяти, а то и двенадцати наконечников копий и дротиков (Мелюкова А.И., 1964, с. 35). Этот вид оружия был распространен на Нижнем и Среднем Дону и в Прикубанье (Максименко В.Е., 1983, с. 106, 107).

В то же время в савромато-сарматских погребениях Нижнего Поволжья и Приуралья копья встречаются довольно редко, получив распространение лишь в IV в. до н. э. Причем динамика появления этого оружия выглядит весьма неровной, что можно, очевидно, связать как с борьбой против разных противников и, следовательно, сменой тактики, так и с неизвестными нам причинами идеологического или практического характера, отразившимися в погребальной обрядности (Смирнов К.Ф., 1961, с. 71—74; Хазанов А.М., 1971, с. 44—50). В VI—V вв. до н. э. в Приуралье копья встретились лишь 6 раз, в IV в. до н. э. их количество там же составляет 25 экземпляров, в III—II вв. до н. э. это оружие почти не встречается (Васильев В.Н., 1995, с. 15, 16, 19).

Наконечники копий Нижнего Поволжья, различаясь между собой в Волго-Донском и Заволжском регионах, вписываются в единую типологическую схему, разработанную А.И. Мелюковой для скифского оружия и А.М. Хазановым для сарматского (Мелюкова А.И., 1964, с. 35—45; Хазанов А.М., 1971, с. 46—48).

Туп 1. Лавролистные (листовидные) наконечники копий. Грани пера представляют собой более или менее правильные дуги, наибольшая ширина пера находится ближе к середине (рис. 5/1—3, 5, 7, 8, 22, 24).

Туп 2. Остролистные (ланцетовидные) наконечники копий. Ударные грани пера почти прямые, сходящиеся к острию в форме острого листа. Наибольшая ширина приходится на последнюю треть пера. Эти наконечники представлены двумя вариантами:

- а) нижняя часть пера плавно закруглена (рис. 5/10, 20, 25);
- б) в нижней части перо переходит во втулку под тупым или почти прямым углом, резко (рис. 5/6, 11, 14).

В погребениях воинов в 18 случаях найдены наконечники копий и дротиков, иногда вместе со втоками, а также в двух погребениях — фрагментированные втулки, возможно, от копий.

Лавролистные наконечники с крупным пером обнаружены в погребениях из могильников Могута (кург. 8, погр. 3), Эльтон (кург. 10, погр. 9), Новоузенск (кург. 1, погр. 17), Жутово (кург. 34, погр. 6), Азов (кург. 2, погр. 3). Общая длина наконечников, соответственно, 33 см, 37,6 см, 37 см, 48 см, 46 см. Три наконечника копий этого же типа из могильников Березовка (кург. 4, погр. 1), Северный (кург. 2, погр. 3) и Попов (кург. 58, погр. 26) были меньших размеров — 24,5 см, 28,8 см, 15,5 см. На втулке копия из Эльтона есть продольная щель, сближающая наконечник с савроматскими экземплярами (Смирнов К.Ф., 1961, с. 72). Втулки копий из Азова и Северного были стянуты у края кольцевым утолщением. Аналогичная массивная втулка копия, вероятно, принадлежавшего к этому же типу, была обнаружена в ограбленном погребении из Фриденберга (кург. 5, погр. 2).

Наконечники копий с лавролистным пером (тип 1) без ребра жесткости были широко распространены в скифское время как на территории Скифии, так и на Кавказе (I отдел, III тип, по классификации А.И. Мелюковой) (Мелюкова А.И., 1964, с. 38, 39; Козенкова В.И., 1982, с. 17). Они известны также у савроматов Нижнего Поволжья и населения Южного Приуралья, причем в Приуралье в IV в. до н. э. были господствующей формой (Очир-Горяева М.А., 1988, с. 11; Железчиков Б.Ф., 1980, с. 72, табл. 21).

Остролистные наконечники копий (тип 2а) преобладают в Волго-Донском междуречье. Единственный наконечник копия с четко сформованным ребром вдоль всего пера, валиком-муфтой по краю втулки и очень большой длины — 70 см — найден в диагональном погребении Житковского кургана. Длина пера равна длине втулки. Наконечников копий таких размеров известно немного (Мелюкова А.И., 1964, с. 36). Остальные образцы этого типа не имеют продольного ребра и найдены в могильниках Арпачин (кург. 6, погр. 5) и Жутово (кург. 34, погр. 4, 6). Они также большой длины — 44 см и 49,5 см. У арпачинского экземпляра по краю втулки имеется валик, а вдоль втулки — продольный шов.

К наконечникам типа 2а близки экземпляры типа 2б нашей классификации или «закавказского» типа, названные так

А.М. Хазановым (Хазанов А.М., 1971, с. 48). Они представлены тремя наконечниками из кургана 11 Аксеновского II могильника, из кенотафа кургана 4 у с. Старица и Журова кургана. Длина, соответственно, 22,5 см, 44,2 см и 38 см. У двух последних экземпляров края втулки стянуты муфтообразным утолщением. Наконечники копий 2 типа встречаются в Скифии, на Среднем и Нижнем Дону, а также на Кубани. Наконечники типа 26 исследователи связывают с Кавказом и Закавказьем (Мелюкова А.И., 1964, с. 42; Хазанов А.М., 1971, с. 48).

Все эти наконечники можно отнести к «штурмовым» копьям, которые в IV в. до н. э. появляются не только у сарматов, но и у скифов (Черненко Е.В., 1984, с. 234). Они использовались конницей на средней дистанции, а для поражения врага на дальнем расстоянии применялись легкие метательные копья или дротики (Черненко Е.В., 1971, с. 36).

Дротики с длинной втулкой и коротким треугольным или жаловидным пером происходят из Старицких кенотафов, Журова кургана и кургана 2 близ Азова (рис. 5/12, 13, 15, 16, 23). В IV—III вв. до н. э. имеются аналогии этим дротикам среди скифского и среднедонского оружия (Мелюкова А.И., 1964, с. 44; Либеров П.Д., 1965, с. 75, табл. 18). Для древностей савроматского времени Заволжья и Приуралья дротики такой формы не характерны. Тем более любопытна случайная находка такого дротика у с. Лабовки близ Бугуруслана (Смирнов К.Ф., 1961, с. 74, рис. 41/22).

По мнению А.М. Хазанова, дротики получили широкое распространение в Скифии, лесостепном Подонье и на Кубани, а сарматы использовали их чрезвычайно редко и только на раннем этапе прохоровской культуры. Позднее они не встречаются. Следовательно, датировать раннесарматские комплексы с этим видом оружия можно не позднее IV—III вв. до н. э. (Хазанов А.М., 1971, с. 50).

В нескольких погребениях Нижнего Поволжья и Донского левобережья обнаружены втоки копий. В Заволжье железный вток в виде втулки конической формы, оканчивающейся цилиндрической сплошной головкой, найден в кургане 1 погребения 2 мог. Лятошинка (рис. 5/9). Он был положен в углу подбоя вдоль длинной стенки. Еще три втока происходят из Журова кургана, исследованного у с. Колобовка в Волгоградском Заволжье. Два из них имеют рюмкообразную форму, третий разбит в древности,

но судя по сохранившейся части близок к коническим образцам (рис. 5/17—19). Один из рюмкообразных втоков имел прямоугольный боковой штырь, видимо, служивший для крепления ремня с петлей. Втоки цилиндрической формы найдены вместе с копьями в кургане 34 у с. Жутово (рис. 5/28). Один из них, расположенный на одной линии с наконечником копья вдоль длинной стенки погребений 4, 6, позволил вычислить длину копья — 3,4 м. Аналогичный цилиндрический вток найден в раннедиагональном погребении из Житковского кургана (рис. 5/21) и два рюмкообразных обнаружены в погребении из Азовского кургана (рис. 5/26, 27).

Цилиндрические втоки хорошо известны в памятниках скифского Приднепровья и Крыма, а рюмкообразные втоки более характерны для памятников Среднего Дона и его дельты (Мелюкова А.И., 1964, с. 45). Втоки известны и в савроматских комплексах Поволжья, но, видимо, здесь они не получили широкого распространения (Смирнов К.Ф., 1961, с. 71; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 14/14, 15, 18). А.М. Хазанов также отметил, что в последние века до н. э. втоки полностью вышли из употребления. При этом было высказано предположение, что втоки бесполезны для длинных всаднических копий. Здесь автор противоречит сам себе, поскольку приводит свидетельство о длине копья из Жутовского погребения — 3,4 м, полученное при замере расстояния от наконечника до втока (Хазанов А.М., 1971, с. 49, 50). В то же время представляется достаточно обоснованным определение времени прекращения использования втоков копий на сарматской территории позже IV—III вв. до н. э.

Проследить точно расположение копий в могиле не всегда возможно в силу плохой сохранности многих наконечников. Но в тех случаях, когда они сохранились, их обнаруживают в головах, ногах, сбоку от покойника. В Березовском погребении наконечник копья был воткнут в землю. Зачастую наконечники копий не совпадали по оси с железными втоками. Все это позволяет предположить преднамеренную поломку копья. Причиной могло быть как несовпадение размеров ямы и копья, так и преднамеренное «умерщвление» оружия, отмеченное К.Ф. Смирновым (Смирнов К.Ф., 1964а, с. 102). Изогнутый длинный наконечник копья из Житковского кургана, обломки ряда других, погнутые наконечники в кенотафе Сладковского кургана 25 и Шолоховского кургана могут служить подтверждением этого наблюдения.

Наконечники стрел. Наиболее распространенным видом оружия кочевников были лук и стрелы, что нашло свое отражение в погребальной обрядности. Разнообразие типов, сосуществовавших и сменявших друг друга, использование кости, бронзы и железа для изготовления наконечников стрел, распространение некоторых типов на соседние области и заимствования у соседей позволяют исследователям решать ряд проблем истории сарматов.

П. Рау, одним из первых разработавший типологическую классификацию наконечников стрел, определил хронологические группы бытования типов и специфику для регионов Скифии, Нижнего Поволжья и Приуралья. Эта типология стрел наряду с особенностями «звериного стиля» позволила ему предположить принадлежность нижеволжских погребений савроматам Геродота (Р. Рау, 1929).

Современные типологические схемы основаны на разработках А.И. Мелюковой и К.Ф. Смирнова скифской и савромато-сарматской классификации наконечников стрел. В них учитываются такие морфологические признаки, как особенность насада наконечника, поперечное сечение головки стрелы, форма головки, соотношение длины головки к ширине, особенности втулки (внутренняя, короткая, длинная) и ряд вариантных параметров (Мелюкова А.И., 1964; Смирнов К.Ф., 1961).

Проанализировав эту категорию вещей на материале раннесарматской культуры и придя к выводу о преемственности в развитии основных типов втульчатых стрел савромато-сарматских комплексов, М.Г. Мошкова логично включила в классификацию К.Ф. Смирнова типы наконечников IV—II вв. до н. э., представив единую хронологическую схему. В то же время ею была начата разработка типологических критериев для железных черешковых наконечников по тем же основным параметрам (Мошкова М.Г., 1962; 1963). Эта категория наконечников стрел была изучена А.М. Хазановым, обратившим внимание при разработке своей типологии на характер среза лопасти по отношению к черешку (Хазанов А.М., 1971, с. 37). Сарматские железные втульчатые и черешковые, а также костяные наконечники на материале курганных погребений Среднего Прикубанья были классифицированы А.М. Ждановским (Ждановский А.М., 1988, с. 54—67). Масштабная типологическая классификация раннесарматских наконечников стрел III—I вв. до н. э. на материале Подонья,

Нижнего Поволжья и Приуралья была предложена А.С. Скрипкиным. В его схеме нашли свое отражение все традиционно фиксируемые признаки в системе, позволяющей использовать ее для кодированной записи (Скрипкин А.С., 1990б, с. 63—74). Типологическая классификация наконечников стрел Нижнего Поволжья савроматского времени, уточненная и дополненная, включающая в себя савромато-сарматский этап, разработана М.А. Очир-Горяевой. Традиционное распределение на трехлопастные и трехгранные в этой схеме дополнено отделом трехгранно-трехлопастных наконечников, а также отмечен хронологический характер размерных значений колчаных наборов стрел (Очир-Горяева М.А., 1996, с. 41—54). Традиционная классификация железных, бронзовых и костяных наконечников стрел из сарматских комплексов Прикубанья позволила И.И. Марченко выстроить на основе корреляции с хорошо датированными античными импортами хронологию сарматских памятников правобережья Нижней Кубани (Марченко И.И., 1996, с. 59—67).

Построение новых типологических классификаций базируется на устоявшемся перечне признаков с одновременным дроблением на все большее число подтипов и вариантов. Такая усложненная классификация учитывает все многообразие типов наконечников стрел и незаменима в морфологическом описании. Но использование типологии в хронологических построениях подразумевает выделение изначальных типов наконечников, то есть таких, какими они вышли из литейной формы или из-под руки изготовителя. Длительное использование наконечников при их систематической заточке или правке после частичной поломки приводило в результате к появлению совершенно иного типа или варианта. Такая трансформация наконечника является результатом целого ряда действий, которые невозможно учесть. В результате наборы наконечников стрел демонстрируют экземпляры с лопастями, срезанными под разными углами, базисные головки с сохранившимся острым жальцем на одной из граней, непрофилированные едва намеченные головки на длинной втулке, которая при дальнейшей заточке неминуемо превратилась бы в пулевидный наконечник. Многократно встречаются бронзовые наконечники с плоской поверхностью двух граней и еще не стертой выемкой на третьей или трехгранной верхней частью и лопастями у основания при видимом отсутствии стандартных со-

отношений между длиной грани и лопасти. Хорошо известны трехгранные экземпляры с неглубокими щелями, подчеркивающими втулку. Эта условность границы между трехлопастными и трехгранными наконечниками стрел была давно отмечена М.Г. Мошковой (Мошкова М.Г., 1962, с. 80). Трансформацию трехлопастных наконечников в трехгранные можно отчетливо проследить на примере колчанного набора из погр. 6, кург. 34 Жутовского могильника, где первоначально однотипные наконечники после многократных заточек приобрели разные формы (рис. 4). Косвенным подтверждением предположения, что значительная часть трехгранных экземпляров была первоначально трехлопастной, может служить сам факт отсутствия литейных форм для изготовления трехгранных типов при значительном количестве трехлопастных форм (Граков Б.Н., 1930; Черненко Е.В., 1981, с. 94—101). Возможно, лучшие аэродинамические свойства и меньшее количество металла, идущего на изготовление, сыграли здесь свою роль. Однако ценность этой категории вооружения заставляла лучников пользоваться имевшимися наконечниками длительное время. Если эти рассуждения верны, то значение признака — трехлопастной или трехгранный — не является типобразующим хотя бы у части наконечников стрел.

В то же время сохраняют значение такие типобразующие признаки, как особенности насада (втульчатые, черешковые), поперечное сечение головки (двухлопастные, трехгранно-трехлопастные, четырехгранные, круглые и т. д.), продольное сечение головки (сводчатые, треугольные, ромбические, трапециевидные), длина втулки (длинная, короткая, внутренняя) и черешка, а также материал изделия (бронза, железо, кость).

В силу вышесказанного, в основу классификации положены общие признаки. Наконечники стрел подразделяются на классы по материалу изготовления, группы — по способу насада, отделы — по форме поперечного сечения головки, типы — по соотношению длины головки и втулки, подтипы — по продольному сечению головки, варианты — по профилировке лопастей и граней. Традиционное деление на трехлопастные, трехгранные и комбинированные (сочетающие элементы трехгранных и трехлопастных), а также в зависимости от угла среза лопасти, выступает в данной классификации как вариантный признак, позволяя сохранить множественность реально существующих морфологичес-

ких характеристик. Среди бронзовых наконечников отсутствуют в Нижнем Поволжье черешковые. Черешковые железные наконечники стрел разделяются, кроме того, по поперечному сечению черешка на типы с плоским и круглым черешком, на варианты по иным характеристикам черешка (оформление окончания черешка, его длина). В характеристике костяных наконечников стрел отсутствует признак «трехлопастная головка», что, видимо, связано со спецификой его изготовления. По поперечному сечению они разделены на круглые, трехгранные, четырехгранные, многогранные и плоские (двухлопастные).

Класс: бронзовые наконечники стрел
Группа: втульчатые

Отдел: наконечники с трехгранно-трехлопастной головкой.

Тип 1. Наконечники с внутренней втулкой.

Подтип 1. Наконечники со сводчатой головкой.

Вариант «а». Головка трехлопастная с шипами, опущенными ниже втулки (рис. 6/1—7).

Вариант «б». Головка трехлопастная базисная (рис. 6/8—11).

Вариант «в». Головка комбинированная с шипами, опущенными ниже втулки (рис. 6/12—19).

Вариант «г». Головка комбинированная базисная (рис. 6/20, 21).

Вариант «д». Головка трехгранная с шипами, опущенными ниже втулки (рис. 6/22—24).

Вариант «е». Головка трехгранная базисная (рис. 6/25).

Подтип 2. Наконечники с треугольной головкой.

Варианты «а—е» (признаки, аналогичные вышеперечисленным) (рис. 6/26—50).

Тип 2. Наконечники с короткой втулкой.

Подтип 1. Наконечники со сводчатой головкой.

Вариант «а». Головка трехлопастная с шипами лопастей, срезанными под острым углом к втулке (рис. 7/1—7).

Вариант «б». Головка трехлопастная с лопастями, срезанными под тупым или прямым углом к втулке (рис. 7/8).

Вариант «в». Головка комбинированная с лопастями, срезанными под острым углом к втулке (рис. 7/9—15).

Вариант «г». Головка комбинированная с лопастями, срезанными под тупым или прямым углом к втулке (рис. 7/16—20).

Вариант «д». Головка трехгранная с шипами граней, срезанными под острым углом к втулке (рис. 7/21).

Вариант «е». Головка трехгранная с гранями, срезанными под тупым или прямым углом к втулке.

Подтип 2. Наконечники с треугольной головкой.

Варианты «а—е» (признаки, аналогичные вышеперечисленным) (рис. 7/22—46).

Тип 3. Наконечники с длинной втулкой.

Подтип 1. Наконечники со сводчатой головкой.

Варианты «а—е» (признаки, аналогичные предыдущим) (рис. 8/1—23).

Подтип 2. Наконечники с треугольной головкой.

Варианты «а—е» (признаки, аналогичные предыдущим) (рис. 8/24—50).

Тип 4. Втульчатые сточенных форм.

Подтип 1. Наконечники с непрофилированными остатками головок. Боковые грани плоские (рис. 9/1—3).

Варианты индивидуальны, не подлежат типологической классификации.

Подтип 2. Наконечники пулевидные с головками, сточенными до втулки (рис. 9/4—6).

Варианты индивидуальны, не подлежат типологической классификации.

Бронзовые наконечники стрел архаических форм

Двухлопастные втульчатые наконечники стрел хорошо известны в комплексах VII—VI вв. до н. э. Но в IV—III вв. до н. э. они уже не изготовлялись, хотя изредка встречаются в погребениях, возможно, в качестве культовых предметов (рис. 9/7, 8).

Класс: железные наконечники стрел

Группа: втульчатые

Отдел I. Наконечники с плоской головкой, лопасти срезаны под тупым углом к втулке (рис. 10/1, 2).

Отдел II. Наконечники с трехгранно-трехлопастной головкой. Сохранность железных наконечников зачастую такова, что определить трехгранными или трехлопастными были головки, не представляется возможным.

Тип 1. Наконечники с внутренней втулкой (рис. 10/3).

Тип 2. Наконечники с короткой выступающей втулкой (рис. 10/4—11).

Тип 3. Наконечники с длинной втулкой (рис. 10/12—21).

Группа: черешковые

Отдел I. Наконечники с плоской головкой, лопасти срезаны под тупым или прямым углом.

Тип 1. Наконечники с плоским черешком, оканчивающимся серповидным оформлением (шпы?) (рис. 11/1).

Тип 2. Наконечники, аналогичные типу 1, но без серповидного основания черешка (рис. 11/2).

Отдел II. Наконечники с трехгранно-трехлопастными головками.

Тип 1. Наконечники с коротким черешком, круглым в сечении (рис. 11/3—5).

Тип 2. Наконечники с длинным черешком, круглым в сечении (рис. 11/6—14).

Отдел III. Наконечники с округлой в сечении головкой и черешком (рис. 11/15, 16). Непрофилированность головки, возможно, объясняется ее плохой сохранностью.

Класс: Костяные наконечники стрел

Группа: втульчатые (внутренней втулкой)

Тип 1. Наконечники с пулевидной головкой (рис. 12/1, 2).

Тип 2. Наконечники с трехгранной головкой (рис. 12/3, 4).

Тип 3. Наконечники с четырехгранной головкой (рис. 12/5—7).

Тип 4. Наконечник с шестигранной головкой (рис. 12/8).

Группа: черешковые

Представлены одним типом с плоской треугольной головкой, плоским черешком с серповидным оформлением основания (рис. 12/9). Возможно, этот тип представляет собой подражание аналогичным железным наконечникам.

Бронзовые наконечники стрел составляют основу колчаных наборов, традиционно датированных IV в. до н. э., и обычно представлены в инвентаре погребений IV—III вв. до н. э. По мнению исследователей, на II в. до н. э. приходится интенсивная замена бронзовых наконечников стрел железными, причем в По-

волжье этот процесс шел активнее, чем в Приуралье (Смирнов К.Ф., 1961, с. 70; Мошкова М.Г., 1962, с. 82). В Скифии прекращение изготовления бронзовых наконечников стрел предположительно относится к началу III в. до н. э. (Полин С.В., 1992, с. 77), на Кубани они исчезают на рубеже IV—III вв. до н. э. (Марченко И.И., 1996, с. 63, 64). Видимо, аналогичная ситуация складывается и в Подонье (Максименко В.Е., 1983, с. 103, 104).

В Нижнем Поволжье бронзовые наконечники продолжают бытовать на протяжении III в. до н. э., окончательно исчезая ко II в. до н. э. (Скрипкин А.С., 1990б, с. 138, 139, 171). Вероятно, использование бронзовых наконечников на этой территории дольше чем в западных областях объясняется связями, в том числе и миграционными, с Приуральем.

В целом следует отметить возможность использования бронзовых наконечников стрел в качестве хроноиндикаторов для выделения памятников IV—III вв. до н. э. в Нижнем Поволжье.

В колчанных наборах этого региона представлен практически весь спектр типов бронзовых наконечников стрел. Хотя М.Г. Мошкова отмечала тенденцию развития наконечников стрел за счет увеличения головки и изменения ее силуэта от сводчатого до узкого треугольного (Мошкова М.Г., 1963, с. 31), однако использование какого-то одного типа, а тем более единичного экземпляра, для узкой датировки не представляется возможным (Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 79).

В то же время нахождение в одном колчане бронзовых, железных втульчатых, железных черешковых наконечников стрел и их корреляция с различными типами мечей может представлять интерес для определения раннего и позднего стратов в границах IV—III вв. до н. э.

Железные втульчатые наконечники стрел представлены прежде всего трехлопастными экземплярами с длинной и короткой втулкой. В европейской лесостепи, степи и в Предкавказье подобные наконечники известны уже с конца VII — начала VI в. до н. э., сосуществуют с бронзовыми и железными двухлопастными, продолжая бытовать до конца VI в. до н. э. в скифских памятниках у с. Круглик, Перебыковцы, Поповка, Макеевка, савроматских комплексах у ст. Хапры на правом берегу Дона и у пос. Высочино на левом берегу, у с. Ачикулак в Ставрополе и в

комплексе Ульского кургана 1 на Кубани. Форма всех этих ранних типов железных трехлопастных втульчатых наконечников стрел обладает определенной спецификой: они крупных размеров, обычно имеют овальный срез лопастей, в отличие от более поздних с основанием пера, срезанным под углом к оси втулки. В первой половине V в. до н. э. такие наконечники исчезают, а на рубеже V—IV вв. до н. э. распространяются более поздние, относительно небольшие экземпляры. Обширная сводка погребений с наконечниками стрел, представленная Е.В. Черненко, свидетельствует об этом на материале скифских памятников степной и лесостепной Скифии (Черненко Е.В., 1981, с. 145—150, приложения 5—7). В меотских и наиболее ранних сарматских комплексах Прикубанья такие наконечники также появляются с IV в. до н. э. (Марченко И.И., 1996, с. 63, 64).

В литературе встречается мнение о распространении железных втульчатых наконечников стрел на Дону и в Нижнем Поволжье с V в. до н. э. Для среднедонских памятников оно опирается на материалы одного кургана у с. Мастюгино (29/21), который был датирован П.Д. Либеровым по бронзовой гидрии первой половины V в. до н. э. (Либеров П.Д., 1965, с. 28). А.П. Манцевич передатиговала курган по ритону, чернолаковому блюдцу и наконечникам стрел второй половиной IV в. до н. э., поскольку гидрия была в длительном употреблении и потому не может служить основанием для датировки (Манцевич А.П., 1973, с. 41). Для Нижнего Дона А.Е. Максименко отмечает начало распространения железных наконечников стрел с V в. до н. э. на основании комплексов Шолоховского кургана и кенотафов кургана 25 у с. Сладковки (Максименко В.Е., 1983, с. 103). Датировка Шолоховского кургана V в. до н. э. опирается на аналогии из упомянутого кургана 29/21 у с. Мастюгино, датированного IV в. до н. э. К тому же, зеркало из Шолоховского кургана, по мнению В.Е. Максименко, аналогично зеркалам у пос. Северный (кург. 2, погр. 3) и у хут. Холодный (кург. 2, погр. 2), которые автор датировал вслед за С.И. Капошиной серединой — второй половиной IV в. до н. э. (Максименко В.Е., 1983, с. 41, 42).

Еще более определенно к V в. до н. э. В.Е. Максименко отнес кенотафы из кургана 25 у с. Сладковка. Основанием для предпочтения V в. до н. э. послужили золотые обкладки деревянного сосуда все из того же Мастюгинского кургана, аналогич-

ные сладковским, и сероглиняная амфора редкой формы. Она точных аналогий не имеет, но приводимая автором в качестве аналогии красноглиняная амфора из кургана Бабы скорее указывает на IV в. до н. э., которым датируется в настоящее время этот курган (Максименко В.Е., 1983, с. 30, 31; Алексеев А.Ю., 1987, с. 40, 41). Реально на V в. до н. э. могут претендовать лишь бронзовые черешковые наконечники стрел из Сладковского комплекса (Максименко В.Е., 1984, с. 172, рис. 3/1а, б), известные в материалах Средней Азии и Приуралья с конца VI — V в. до н. э. Но к настоящему времени появилась возможность продлить бытование этих стрел до IV в. до н. э., учитывая набор инвентаря и ориентировку погребенных из кургана 7 II Сибайской группы, кургана 6 у дер. Альмухаметово (Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 79, рис. 21, табл. XLII, XXXI) и кургана 9 Филипповского могильника (материалы не опубликованы). Следовательно, наличие железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел в комплексах Среднего и Нижнего Дона вряд ли выходит за нижнюю границу IV в. до н. э.

В Нижнем Поволжье известно два кургана с железными втульчатыми наконечниками стрел, традиционно датируемых V в. до н. э. Это савроматские комплексы из кургана A12 у с. Блюменфельд и погребения 4 кургана G4 у с. Меркель. Блюменфельдский курган был датирован П. Рау серединой V в. до н. э., К.Ф. Смирновым — не позднее первой половины V в. до н. э. В то же время К.Ф. Смирнов согласился с датировкой А.И. Мелюковой, предложившей хронологические рамки — конец VI — первая половина V в. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1964а, с. 41). В.И. Ильинская, отметив чрезвычайную близость блюменфельдских псалиев позднеархаическим скифским, датировала Блюменфельдский курган концом VI в. до н. э. Здесь следует отметить, что железные наконечники стрел из блюменфельдского комплекса имели овальную трехлопастную головку, то есть относились к архаическому типу стрел конца VII — VI в. до н. э. (Ильинская В.А., 1968, с. 95, 112). Погребение у с. Меркель (кург. 4, погр. 4) датировалось П. Рау рубежом V—IV вв. до н. э., т. к. в колчане были найдены железные наконечники стрел с треугольными головками и длинными втулками. К.Ф. Смирнов передатировал его второй половиной V в. до н. э. по наличию меча с брусковидным навершием и сердцевидным перекрестьем

(Смирнов К.Ф., 1964а, с. 41). Но такие мечи продолжают использоваться и в IV в. до н. э., о чем свидетельствуют находки из Аксеновского I могильника (Шилов В.П., Очир-Горяева М.А., 1997, с. 128, рис. 6/46). Да и само отсутствие в V в. до н. э. аналогичных наконечников стрел на сопредельных территориях делает сомнительной датировку комплекса у с. Меркель ранее рубежа V—IV вв. до н. э.

Таким образом, на обширном скифо-савроматском пространстве от днепровского Правобережья до Волги железные трехлопастные наконечники стрел с треугольной головкой и выступающей втулкой практически полностью отсутствовали в V в. до н. э., распространившись в колчаных наборах лишь с IV в. до н. э.

В настоящее время считается общепризнанным, что в Приуралье не было собственного производства железных втульчатых наконечников стрел. Смена колчаных наборов в этом регионе шла по линии замены бронзовых втульчатых на железные черешковые, которые, появившись на рубеже VI—V вв. до н. э., ко II в. до н. э. становятся господствующими у сарматских лучников. Поэтому немногочисленные железные втульчатые наконечники в приуральских погребениях из могильников VII Новомурапталово (кург. 2, погр. 2), Мечет-Сай (кург. 8, погр. 1), Пятимары I (кург. 9, погр. 1), Лебедевка V (кург. 27, погр. 5), Филипповка (кург. 3, погр. 1), Жарсуат (кург. 3, погр. 1 и 3), Атасово (кург. 1, погр. 1) не могли появиться в раннепрохоровских памятниках ранее IV в. до н. э., и могут быть связаны с передвижением приуральского населения и, как следствие, с контактами на западе. Нижневолжские памятники в этой связи выглядят передаточным звеном между Доном и Уралом, фиксируя пути проникновения в Приуралье железных втульчатых наконечников стрел и, видимо, мечей синдо-меотского типа в IV в. до н. э.

В заволжских раннепрохоровских погребениях из Новоникольского (кург. 3, погр. 3) количество таких стрел достигало 70 экземпляров, в погребении у лимана Могута (кург. 8, погр. 4) было несколько сильно коррозированных наконечников, в погребении из мог. Эльтон (кург. 10, погр. 9) — 3 экземпляра, в могильнике у Новоузенска — по одному наконечнику встречено в погребениях 19 и 22 из кургана 1 и три наконечника в погребении 8 из кургана 2.

В междуречье Волги и Дона аналогичные наконечники обнаружены у хут. Вертячий (кург. 6, погр. 3), Барановка (кург. 27, погр. 1), Житков II (кург. 3, погр. 2), Крепинский II (кург. 3, погр. 11), Аксеновский I (кург. 11 и 12), Жутово (кург. 34, погр. 4, 6). Все железные наконечники в вышеперечисленных погребениях встречены вместе с бронзовыми. Диагональное положение погребенных, дромосные могильные ямы, мечи переходных форм свидетельствуют о распространении железных трехлопастных втульчатых наконечников стрел (тип II, 2 и II, 3) в Нижнем Поволжье начиная с IV в. до н. э. и определяют, таким образом, нижнюю границу времени бытования. Однако верхняя граница такими наконечниками в нашем исследовании не может быть определена, т. к. эти типы стрел встречаются в регионе Нижнего Поволжья вплоть до I в. до н. э. (Скрипкин А.С., 1990б, с. 139, 140).

В то же время железные втульчатые наконечники I отдела, редко встречающиеся в нижеволжских колчаных наборах (Березовка, кург. 4; Житков II, кург. 3, погр. 2), хорошо известны в курганах Среднего Дона, что позволяет считать эту территорию местом их происхождения (Либеров П.Д., 1965, табл. 19; Мелюкова А.И., 1964, табл. 8, 9, с. 29). Уточнение хронологии среднедонских курганных могильников позволило А.П. Медведеву сделать вывод о том, что ни один из них нельзя датировать позднее рубежа IV—III вв. до н. э. (Медведев А.П., 1997, с. 50—64). Следовательно, можно предположить, что и втульчатые наконечники I отдела не выходят за эту границу.

Железные черешковые наконечники стрел I отдела найдены лишь в Новоникольской катакомбе (кург. 3, погр. 3), но широко распространены в среднедонских памятниках, а значит, также позволяют определить верхнюю дату их бытования рубежом IV—III вв. до н. э. Как явный дериват этой формы выглядит и набор костяных наконечников стрел из Джангалы (оз. Сарайдин, кург. 1, погр. 4).

Железные черешковые наконечники II отдела с треугольным силуэтом головки появляются на рубеже IV—III вв. до н. э., получив в дальнейшем широкое распространение (Хазанов А.М., 1971, с. 36, 37) и завоевывая «позиции с восточных территорий расселения сарматов» (Мошкова М.Г., 1974, с. 26). Отсутствие наконечников такого типа в погребениях Нижнего Поволжья, датируемых IV в. до н. э., и присутствие в колчанах погребений,

суммарно определяемых IV—III вв. до н. э., позволяет использовать отдел II железных черешковых наконечников стрел в роли хроноиндикатора.

Железные черешковые наконечники III отдела представлены одиночными экземплярами в ряде нижневолжских наборов стрел (Березовка, кург. 4; Яблоня I, кург. 4, погр. 4). Они не характерны для скифской территории, но встречаются в раннепороховских комплексах Приуралья (Яблонский Л.Т. и др., 1994, рис. 82/20; 83/23, 91/32, 98/2). По мнению А.М. Хазанова, черешковые железные наконечники стрел появляются не позднее V в. до н. э. в Приуралье (Хазанов А.М., 1971, с. 35, 36). На Дону такие экземпляры известны в наборах стрел Шолоховского и Сладковского курганов, которые связываются исследователями с мигрантами из Заволжья и Приуралья (Максименко В.Е., 1983, рис. 11/3e и 14/4l).

Иногда бронзовые и железные наконечники стрел дополняются разными типами костяных. Среди них преобладают пулевидные, трехгранные и четырехгранные с опущенными концами граней, один экземпляр имеет шестигранное сечение. В небольших количествах все эти типы костяных наконечников известны в скифских, савроматских, прикубанских и северокавказских древностях (Мелюкова А.И., 1964, с. 23; Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1971, с. 87, 88, 100, 101; Очир-Горяева М.А., 1996, рис. 5; Марченко И.И., 1996, с. 61, рис. 16; Козенкова В.И., 1982, с. 146, табл. X). М.А. Очир-Горяева обратила внимание на то обстоятельство, что в Нижнем Поволжье костяные наконечники известны лишь на правом берегу (Очир-Горяева М.А., 1996, с. 48). Это не совсем верно. Четырехгранные и трехгранные наконечники встречены в Заволжье, в савроматском детском погребении мог. Солодовка III (Демиденко С.В., 1992, с. 113—118), в дромосной яме из Новоузенского могильника (кург. 2, погр. 6—8), в погребении с ортогональным положением костяков из мог. Березовка (кург. 4). Трехгранные и пулевидные образцы представлены в раннесарматских колчанах Приуралья (Яблонский Л.Т. и др., 1994, с. 57, рис. 98/1; Яблонский Л.Т. и др., 1995, с. 37, рис. 60/1). В то же время тенденция выявлена верно, т. к. подавляющее большинство костяных наконечников тяготеет к областям западнее Волги. В Волго-Донском междуречье в раннесарматских комплексах IV—III вв. до н. э. из Аксенов-

ского I (кург. 11), Барановского (кург. 27), Жутовского (кург. 24, и 34, погр. 4), Ясырева (кург. 1, погр. 2), Крепинского II (кург. 5, погр. 4), Терновского (кург. 9, погр. 7) могильников найдены все типы костяных наконечников стрел с внутренней втулкой. Не исключено, что само появление таких наконечников в савромато-сарматских колчанах IV в. до н. э. в Заволжье подчеркивает контакты населения правобережья и левобережья Волги при отсутствии на востоке собственной практики изготовления изделий этих форм.

А.С. Скрипкин зафиксировал отдельные находки костяных наконечников на протяжении всего раннесарматского времени, отметив индивидуальность форм тех редких экземпляров, которые встречаются в III—I вв. до н. э. (Скрипкин А.С., 1990б, с. 73, 74, рис. 24/57—66). Но большинство стандартных типов костяных наконечников явно тяготеет к более раннему IV в. до н. э.

Поскольку в раннесарматском вооружении IV—III вв. до н. э. присутствуют типы оружия, прекращающие или начинающие бытование в указанных хронологических рамках, но не встречающиеся в едином комплексе, представляется возможным использовать их в роли индикаторов для выделения раннего и позднего этапов относительной хронологии. В частности, с помощью корреляционной таблицы можно сравнить колчаные наборы, учитывая, что мечи всех типов II и III отделов, 1 и 2 типов I отдела, 1 типа IV отдела не встречаются ни с мечами 2, 3 и 4 типов IV отдела, ни с железными черешковыми наконечниками стрел типов II, 1 и II, 2 (рис. 13, 14). В результате отчетливо выявляются две группы наконечников стрел. В первой представлено большинство типов бронзовых, железных и костяных наконечников, совпадающих по номенклатуре со II группой колчаных наборов, охарактеризованной М.А. Очир-Горяевой и помещенной ею в хронологические рамки второй половины V в. до н. э. — первой трети IV в. до н. э. (Очир-Горяева М.А., 1996, с. 53, 54, рис. 8). Иными словами, наборы стрел в памятниках савроматской эпохи в Нижнем Поволжье не отличаются от синхронных и более поздних раннепрохоровских IV в. до н. э. (рис. 13). Вторая группа в нашей таблице демонстрирует, с одной стороны, преемственность основных типов, за исключением железных трехлопастных черешковых, с другой — резкое сокращение числа типов (рис. 14). Полностью исчезают бронзовые наконеч-

ники типов: I. 1а-г; I. 2г; II. 1б-д; II. 2е; III. 1а-е; III. 2а, б, г-е; IV. 1; IV. 2, железные втульчатые наконечники отдела I, черешковые отделы I и III, костяные типов I—III. Резко сократилось количество бронзовых наконечников типов: I. 1в; I. 1д; I. 2д; II. 2в, г; II. 1а, продолжают бытовать — I. 2в; II. 2а, б, железные втульчатые трехлопастные. В то же время резко увеличивается в колчаных наборах число бронзовых наконечников типа I. 2а. При сравнении размеров наконечников этого типа в первой и второй группах выясняется преобладание в первой группе небольших экземпляров от 1,3 до 2,5 см, хотя известны отдельные наконечники до 3 и даже 3,5 см. Во второй группе мелкие экземпляры сокращаются в числе и одновременно резко увеличивается число крупных наконечников от 3 до 4,5—5 см с острой высокой треугольной или близкой к ней головкой. Динамика эволюции наконечников стрел в Нижнем Поволжье и Приуралье в савроматское время, по наблюдениям М.А. Очир-Горяевой, различается. Если в Поволжье все типы изменяются от массивных к более изящным, то в Южном Приуралье этого не происходит (Очир-Горяева М.А., 1988, с. 12). Поэтому укрупнение наконечников второй группы определенно следует связать с притоком населения из Приуралья.

Дважды в погребениях найдены так называемые «утяжелители древков» в виде железных стержней, вставленных во втулки бронзовых и железных наконечников стрел (Ленинск, кург. 3, погр. 16; Эльтон, кург. 13, погр. 2). Такие стержни появляются уже в савроматское время в Приуралье, употребляются в раннепрохоровских комплексах, а затем получают распространение в Прикубанье (Смирнов К.Ф., 1964а, с. 255, 256; Мошкова М.Г., 1963, с. 32; Марченко И.И., 1996, с. 111). Защитное вооружение представлено железными пластинками чешуйчатого панциря, обнаруженными в трех погребениях со следами ограбления (Бородаевка, кург. 3, погр. 4; 15 поселок, кург. 1, погр. 5; Ясырев I, кург. 1, погр. 2). Все они имеют вид прямоугольных чешуек с одним округлым краем и отверстиями по краю для связки панциря. Размеры очень близки, длина — 3,5—3,7 см, ширина — 1,8—2 см, по 3—4 отверстия по краям. Редкость нахождения панцирных пластинок позволяет предположить большую распространенность войлочных или кожаных доспехов у сарматских воинов (Хазанов А.М., 1971, с. 58). Все три погребения по обряду и

сопутствующему инвентарю не выходят за верхнюю временную границу IV — начала III в. до н. э., что, впрочем, не позволяет использовать их в качестве хроноиндикаторов, т. к. на протяжении IV—II вв. до н. э. традиция изготовления таких панцирей не менялась (Хазанов А.М., 1971, с. 59, 60).

2.Посуда

Лепные сосуды в силу локальности традиций домашнего производства создают основу для поисков аналогий и даже истоков. Однако формы плоскодонных горшков обычно просты и универсальны, что позволяет находить похожие типы на обширной территории в разных археологических культурах в широком временном интервале. В то же время определенные типы лепной керамики, орнамента и примеси в тесте сосуда позволяют если не очертить четкие хронологические рамки, то проследить тенденции в развитии и периоды относительной хронологии.

Тезис о миграции приуральских кочевников в области Нижнего Поволжья долгое время оспаривался фактом отсутствия на нижневолжской территории раннепрохоровских круглодонных сосудов с орнаментом по плечикам и с тальком в тесте, поскольку лепная керамика традиционно рассматривается как важный этнический определитель. Объяснения типа «сарматы не донесли ее в своем предполагаемом движении на запад» (Смирнов К.Ф., 1974, с. 33, 34) не раскрывали причин, а скорее добавляли сомнений. Исследования последних десятилетий в Заволжье разрешили эту проблему.

М.Г. Мошкова отмечала, что керамика с примесью талька наиболее характерна для приуральского варианта раннесарматской культуры IV в. до н. э., резко сокращаясь к рубежу IV—III вв. до н. э. и практически исчезая в III—II вв. до н. э. Эта керамика связывалась исследователем с влиянием гороховской и иткульской культур Зауралья на формирующийся раннесарматский комплекс. Она не имеет в Поволжье ни традиций, ни сырьевой базы в виде выходов оталькованных сланцев (Мошкова М.Г., 1974, с. 20—23, 30—38). Изредка встречающиеся в Нижнем Поволжье лепные сосуды с примесью талька датированы ею III—II вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1963, табл. 10/13; 11/12, 23, 12/26).

Круглодонность сосудов также связана с приуральским влиянием, поскольку в савроматское время круглодонные сосуды с

примесью талька и без него известны в Приуралье и отсутствуют в Поволжье (Очир-Горяева М.А., 1990, с. 86, 88). Проследив распространение лепной керамики от Южного Приуралья до Волго-Донского междуречья в раннесарматское время, А.С. Скрипкин зафиксировал уменьшение процента встречаемости круглодонной керамики с 51,2 % до 4,2 %, что, очевидно, свидетельствует о направлении распространения этого типа сосудов (Скрипкин А.С., 1990б, с. 161, 163, 164). М.Г. Мошкова наметила тенденцию развития данной формы сосудов от круглодонных к сосудам с уплощенным дном. Одновременно наблюдается упрощение и даже полное исчезновение орнаментации — тенденция, присущая более поволжским, чем приуральским сосудам III—II вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1963, с. 28).

Особенности форм лепных савроматских и раннесарматских сосудов неоднократно классифицировались исследователями (Смирнов К.Ф., 1964а, с. 104—108; Мошкова М.Г., 1963, с. 24—30; Скрипкин А.С., 1990б, с. 37—42; Очир-Горяева М.А., 1990, с. 81—92). Используя уже наработанные классификационные схемы, можно предложить типологическую характеристику раннесарматских сосудов IV—III вв. до н. э., сохраняя преемственность в описании наиболее близких форм. Лепные сосуды разделены на две группы — круглодонные и плоскодонные сосуды. Профилировка тулова легла в основу выделения отделов, профилировка горла определяет тип. При этом следует подчеркнуть определенную условность понятия тип в применении к лепной нестандартной продукции. Этим понятием мы пользуемся скорее для удобства описания, нежели в его узком точном значении. Индивидуальные особенности венчиков и дна оговариваются специально. Функционально сосуды подразделяются на горшки, кувшины и курильницы. В силу хронологической значимости и иной технологии изготовления гончарная керамика выделена в отдельную группу.

Лепная керамика

Группа круглодонных сосудов

В классификации М.Г. Мошковой в I отдел выделены круглодонные сосуды с грушевидным расширенным книзу туловом, что является особенностью приуральской раннепрохоровской керамики. Открытые в последние десятилетия круглодонные со-

суды с характерным орнаментом по плечикам и тальковой при-
месью в тесте подтверждают отсутствие керамики с грушевид-
ным туловом на территории Поволжья. В силу этого в нашей
классификации отсутствует данный отдел керамики.

I отдел. Сосуды с шаровидным и близким к нему туловом. Наи-
больший диаметр — в средней части тулова.

1 тип (9 экз.). Горшки с коротким воронкообразным гор-
лом (рис. 15/1—7, 10).

2 тип (2 экз.) Горшки с коротким цилиндрическим гор-
лом и выделенным венчиком (рис. 15/11, 14).

II отдел. Сосуды с яйцевидным туловом. Наибольший диаметр в
верхней трети тулова.

1 тип (2 экз.). Горшки с коротким воронкообразным гор-
лом (рис. 15/8, 9).

2 тип (2 экз.). Горшки с цилиндрическим горлом и отогну-
тым наружу венчиком. У одного сосуда дно несколько уплощено
(рис. 15/12, 13).

Нестандартный образец лепной круглодонной керамики дает
курган 11 Аксеновского I могильника. Здесь найден шаровидный
сосуд с чуть уплощенным дном, короткой прямой горловиной и
двумя горизонтальными ручками под горлом, со сквозными от-
верстиями. Высота сосуда — 11,5 см (рис. 15/15). Этому сосуду
можно найти восточные аналогии, но вероятнее всего он пред-
ставляет собой дериват скифских серебряных чаш с ручками-
упорами, хорошо известных в погребениях из Солохи, Чмыре-
вой Могилы, а также Гаймановой Могилы (Гаврилюк Н.А., 1989,
рис. 21/1, 2; Мелюкова А.И., 1989, с. 112, табл. 46/22, 23). Известно,
что скифы изготавливали деревянные чаши с горизонталь-
ными ручками-упорами, близкие по форме серебряным. Примера-
ми могут служить деревянный сосудик из Мордвиновского
кургана и золотые обкладки горизонтальных ручек и горла дере-
вянного сосуда из кург. 2, погр. 3 у г. Азова (Мелюкова А.И.,
1989, с. 110, табл. 46/25; Максименко В.Е., 1983, рис. 27/14). К
тому же в IV в. до н. э. у скифов стали появляться и лепные
керамические подражания греческой привозной посуде (Гаври-
люк Н.А., 1989, с. 61). Территориальная близость и контакты с
соседями, вероятно, объясняют появление таких сосудов в меж-
дуречье Волги и Дона.

Группа плоскодонных сосудов

I отдел. Сосуды с шаровидным туловом. Наибольший диаметр в средней части тулова.

1 тип (8 экз.). Горшки с коротким воронкообразным горлом (рис. 16/4, 7—13).

2 тип (4 экз.). Горшки с коротким цилиндрическим горлом и выделенным венчиком (рис. 16/1—3, 6). Близок к ним сосуд, горло которого сужается к венчику (рис. 16/5).

3 тип (3 экз.). Сосуды с высоким цилиндрическим или сужающимся к устью горлом, оформленным большим количеством горизонтальных параллельных валиков (рис. 16/14—16).

4 тип (2 экз.). Небольшие сосудики с высоким, расширяющимся к устью горлом (рис. 16/17, 18).

II отдел. Сосуды вытянутых пропорций, зауженным придоньем и максимальным диаметром тулова в средней части.

1 тип (6 экз.). Горшки с коротким воронкообразным горлом (рис. 17/1—3, 5, 6, 8).

2 тип (1 экз.). Горшок с высоким и широким воронкообразным горлом (рис. 17/4).

III отдел. Сосуды, аналогичные II отделу, но придонная часть не выделена.

1 тип (6 экз.). Горшки с коротким воронкообразным горлом (рис. 17/7, 9—13).

IV отдел. Сосуды вытянутых пропорций с максимальным диаметром в верхней трети тулова (яйцевидное тулово).

1 тип (11 экз.). Горшки с коротким воронкообразным горлом (рис. 17/14—17; 18/2—8).

2 тип. Горшок с высоким воронкообразным горлом (рис. 18/1).

3 тип. Горшок с цилиндрическим горлом и выделенным венчиком (рис. 18/9).

V отдел. Биконические сосуды с небольшими налепами-петельками по ребру.

1 тип. Сосуд с воронкообразным горлом (рис. 18/11).

2 тип. Сосуд с коротким цилиндрическим горлом (рис. 18/10).

Кувшины

Лепные кувшины индивидуальны, немногочисленны и, в силу этого, выделение их типов пока преждевременно. Кувшин из Венгеловки имеет шаровидное тулово, цилиндрическое горло, ручку, соединяющую горло с туловом, и носик-слив, оформленный в виде второй ручки (рис. 18/12). Кувшин из мог. Кривая Лука XVI также имел шаровидное тулово, сужающееся к устью, горло и ручку, прикрепленную к верхней части тулова (рис. 18/13). Кувшин из Старицы имеет округлое тулово, переходящее в цилиндрическое горло, и ручку, соединяющую верхнюю часть горловины с туловом (рис. 18/14).

Курильницы

К особой группе ритуальной посуды принадлежат лепные курильницы. Классификация сарматских курильниц разработана К.Ф. Смирновым (Смирнов К.Ф., 1973, с. 166—179). По его схеме немногочисленные курильницы Нижнего Поволжья IV—III вв. до н. э. могут относиться к типу III, т. н. бочковидной формы (рис. 18/20—22), к типу V, в виде низких цилиндрических чашечек с закругленным придоньем (рис. 18/16—18), и к типу 8, в виде чашевидных сосудиков на поддоне (рис. 18/15, 19). В сосудиках типа III и V имеются боковые отверстия.

Керамика, изготовленная на гончарном круге

Круговая посуда не была определяющей в керамическом комплексе IV—III вв. до н. э. в Нижнем Поволжье. Зачастую встречаются фрагменты красноглиняной керамики (Новая Квасниковка, кург. 1, погр. 1; Новоузенск, кург. 2, погр. 5), не позволяющие восстановить ее первоначальный облик. Те сосуды, которые сохранились полностью, демонстрируют разнообразие образцов и отсутствие повторяющихся экземпляров. Среди них можно назвать найденный в Заволжье гончарный красноглиняный кувшин с отбитой в древности ручкой (Белокаменка, кург. 6, погр. 5), дном на кольцевом поддоне, небольшим цилиндрическим горлом и характерным рубчиком под резко отогнутым венчиком (рис. 19/1). В кург. 1, погр. 1 у 15 поселка вместе с лепной керамикой находился небольшой красноглиняный сосудик с расширяющимся горлом, округлым туловом и плоским дном. По

тулову проведены две горизонтальные вдавленные бороздки. Поверхность со следами кирпично-красного ангоба (рис. 19/2). Волго-Донское междуречье, видимо, теснее связанное с производственными и торговыми центрами Причерноморья, демонстрирует большее разнообразие в круговой керамике. В ограбленном погребении из Жутово (кург. 24) найден сероглиняный лощеный кувшин с лентовидной ручкой, изготовленный на ручном гончарном круге. По наибольшему диаметру нанесены четыре вдавленных горизонтальных пояска, вдоль ручки — широкая продольная бороздка. Край сосуда был оббит в древности и заглажен (рис. 19/3). В диагональном захоронении из мог. Высочино VII встречены сероглиняная амфора и фрагментированный серолощенный кувшин без горла и ручки. Амфора — на кольцевом поддоне, ручка — с продольным желобком (рис. 19/4). В разрушенном кургане у дер. Александровка найден лепной, но подправленный на гончарном круге большой кувшин, орнаментированный по горлу горизонтальными желобчатыми линиями (рис. 19/8).

Общая характеристика других сосудов дана в опубликованных материалах по истории Подонья. Поэтому кажется достаточным дать сводный обзор конкретного материала. В погребениях из могильников Ясырев, Азов и группы «Радутка» Койсугского могильника найдены фасосская, гераклеяская, синопская, херсонесская амфоры (Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1974, с. 27, табл. IV, 7, 8; Максименко В.Е., 1983, с. 36, 37, рис. 27/1, 2, рис. 30/6). В том же погребении у Азова (кург. 2, погр. 3) найдена чернолаковая мисочка с пальметтками, украшающими дно (Максименко В.Е., 1983, с. 37, рис. 27/4). Из диагонального погребения могильника Житков происходит гончарный расписной кувшин с лощеной поверхностью, на кольцевом поддоне и с каннелированной ручкой. Сосуд расписан чешуйчатым поясом и веточками плюща (рис. 19/5).

Анализ сарматской керамики дает возможность определить хронологически значимые признаки. Одним из хроноиндикаторов, позволяющих выделить погребения IV—III вв. до н. э. в Нижнем Поволжье, следует считать наличие талька в тесте сосудов. М.Г. Мошкова, отмечая исчезновение талька в приуральских сосудах III—II вв. до н. э., тем не менее включила редкие находки такой керамики в Нижнем Поволжье в группу сосудов этого времени. Однако у нас нет ни одного сосуда в хорошо датиро-

ванных комплексах II—I вв. до н. э., которые бы включали эту примесь. Поэтому не будет большой натяжкой предположение, что сосуды в Нижнем Поволжье, имеющие приуральскую тальковую примесь в тесте, не выходят за рамки III в. до н. э. В поволжских комплексах насчитывается к настоящему времени девятнадцать целых или фрагментированных сосудов с примесью талька. Круглодонные и плоскодонные горшки, кувшин и курильницы найдены исключительно в Заволжье (Новоузенск, кург. 1, погр. 17—19, 22, кург. 2, погр. 5, 8; Кос-Оба, кург. 11, погр. 6; Лятошинка, кург. 5, погр. 10; Новая Квасниковка, кург. 1, погр. 1; Эльтон, кург. 10, погр. 2; Бережновка II, кург. 14, погр. 19, 22; Политотдельское, кург. 20, погр. 2; Торгунское, кург. 1, погр. 9; Верхний Балыклей II, кург. 5, погр. 4, кург. 8, погр. 6; 15 поселок, кург. 1, погр. 1; Кияковка, кург. 4, погр. 4). Среди них выделяется группа круглодонной керамики с воронкообразным коротким горлом и орнаментальным фризом, чаще всего из полуокружностей, заполненных прямыми или косыми линиями (рис. 15/1—6, 11—14).

Локальные традиции изготовления лепной керамики с орнаментальной спецификой конкретных районов могут при дальнейшем накоплении материалов позволить наметить исходные пункты миграции. В настоящее время круговой рисунок в виде гирлянд или волнистой линии с заштрихованным полем представлен заволжскими сосудами из Новоузенска, Лятошинки и Эльтона, а также плоскодонным сосудом из могильника Быково, кург. 26, погр. 4 (рис. 15/2—4, 11; 17/2, 10). Такой орнамент в Приуралье встречается в керамике Мечетская, Лебедевки, Покровки, Нового Кумака, в Булатовских и Ново-Мурапталовских курганах (Смирнов К.Ф., 1975, с. 133, рис. 51/6; 1977, рис. 8/9; Пшеничнюк А.Х., 1983, табл. XXIX/9; Агеев Б.Б., Рутто Н.Г., 1984, рис. 2/8; Железчиков Б.Ф., 1992, рис. 2/23). По мнению М.Г. Мошковой, такой орнамент характерен только для сарматских памятников и отсутствует в керамических орнаментах иткульской и воробьевской культур (Мошкова М.Г., 1974, рис. 10/8). Другие орнаменты, в виде горизонтальной елочки и косых штрихов, нанесенные на сосуды из Кос-Обы и Новой Квасниковки, широко распространены как в Приуралье, так и далее на восток (Мошкова М.Г., 1974, рис. 10/1, 3, 4). Следует подчеркнуть, что такая керамика в Заволжье встречена в ранне-

диагональных и дромосных могилах, а также в подбойных и катакомбных с мечами III отдела и другим инвентарем, не выходящим за хронологические рамки IV — начала III в. до н. э. То же самое можно сказать о круглодонном горшке с шаровидным туловом и горизонтальным рядом ямок по плечу (Новоузенск, кург. 1, погр. 18) и о сосуде с цилиндрическим рифленным горлом и уплощенным дном (Новоузенск, кург. 1, погр. 19). Они находят прямые аналогии в керамике из Мечетсая, соответственно, кург. 6, погр. 26 и кург. 7, погр. 9 (Смирнов К.Ф., 1975, рис. 37/7; рис. 47/1). Близок по форме последнему сосуду лепной кувшин из погр. 1, кург. 13 Ново-Кумакского могильника (Смирнов К.Ф., 1977, рис. 7/4). Все погребения с перечисленными сосудами, заволжские и приуральские, по погребальному инвентарю и обряду захоронения не выходят за пределы начала III в. до н. э.

Другие орнаменты, присущие как круглодонным, так и плоскодонным лепным сосудам, могут служить важным показателем как местных традиций, так и инноваций. В оформлении сосудов Нижнего Поволжья савроматского периода обычны жемчужный орнамент, ямки-наколы, нарезки по краю венчика, пальцевидные защипы, отпечатки ногтя, вертикальные линии по всему тулову, а также неопределенные фигуры и отдельные сюжетные рисунки. Приуральская специфика керамики скифского времени отмечена большим разнообразием орнаментов (20 по сравнению с 7 видами Поволжья) и сложными композициями фризов (Очир-Горяева М.А., 1990, с. 85—91). Если ногтевые вдавления по венчику и горлу, украшавшие сосуды из погребений могильников Высочино, Авиловский, Северный, были широко распространены в скифских, среднедонских и савромато-сарматских коллекциях керамики, то фризы из прочерченных заштрихованных треугольников, тройных углов, направленных попеременно вверх и вниз, одинарных и двойных дуг, волнистых линий, зигзагообразных поясов, фестонов с орнаментированным внутренним полем явно имеют традиционные корни в керамическом комплексе Приуралья. Приуральские мотивы просматриваются в довольно сложном орнаменте, нанесенном по плечикам сосуда из Авиловского погребения. Ниже и выше круговой прочерченной линии нанесены косые пучки, двойные и тройные углы, двойные, тройные и четверные дуги (Мордвинцева В.И., 1994, рис. 2). Орнамент из восьми арочек, нанесенных круговым

рядом по тулову горшка из кургана 7 у хут. Капитанского, находит аналогии в сосудах третьей Аланской группы северо-восточного Оренбуржья (Мошкова М.Г., 1972, с. 64, 66, рис. 8/4, 5). Опираясь на наблюдения М.А. Очир-Горяевой о разнице сюжетных рисунков Приуралья и Поволжья, к приуральской орнаментике следует отнести и сложный сюжетный рисунок на сосуде из Ясыревского погребения. К приуральским аналогиям закономерно обратилась и М.Г. Мошкова, давая характеристику ясыревскому орнаменту и отмечая его близость рисункам на керамике из могильников Бердинская гора и Пятимары I (Мошкова М.Г., 1977, с. 211).

Однако вся вышеупомянутая орнаментика, зародившись в скифское время, с теми или иными вариациями продолжала бытовать и воспроизводиться на протяжении всего раннесарматского периода (Мошкова М.Г., 1963, табл. 5—10; Скрипкин А.С., 1990б, рис. 46). Следовательно, эти орнаменты не могут определять относительно узкие временные границы. В то же время обращает на себя внимание появление одного орнаментального мотива, который является характерной особенностью именно раннесарматской культуры. Это пучки вертикальных врезанных линий, спускающихся по тулову, так называемые «полотенца». В Приуралье и Нижнем Поволжье нет ни одного случая нахождения керамики с этим орнаментом вместе с мечами I, II и III отделов, заканчивающими свое бытование к рубежу IV—III вв. до н. э. Вместе с тем орнамент «полотенца» неоднократно встречен с классическими прохоровскими мечами 2 типа, IV отдела и железными черешковыми наконечниками стрел, появившимися с конца IV — начала III в. до н. э., в сочетании с бронзовыми наконечниками стрел, зеркалом с плоским диском и плоской длинной боковой ручкой, керамикой с примесью талька, то есть с вещами неизвестными во II—I вв. до н. э. Об этом свидетельствуют находки из Питерки II, кург. 1, погр. 11 (меч 1 типа, IV отдела, бронзовые наконечники стрел), Венгеловки, кург. 2, погр. 10 (два меча этого типа, бронзовые втульчатые и железные черешковые стрелы), Киляковки, кург. 4, погр. 4 (с мечами того же типа, сосудом с тальком и с вещами из синхронного погребения 5 — бронзовым и железными наконечниками стрел) (Мыськов Е.П., 1992, с. 127—135, рис. 4/4, 5), Старицы, кург. 42, одновременные погребения 2 и 3 (с бронзовыми, железными втульчатыми и черешковыми наконечниками стрел), Журова кур-

гана, погр. 2 (с дротиками IV—III вв. до н. э., зеркалом с валиком и выпуклостью в центре), Бережновки, кург. 14, погр. 22 (с тальковым сосудиком, мечом 2 типа, IV отдела, железным наконечником стрелы и зеркалом с валиком по краю диска), Калиновки, кург. 19, погр. 17 (с мечами 2 и 3 типов, IV отдела, зеркалом с плоским диском и плоской длинной боковой ручкой). Аналогичные комплексы известны в Самарском Заволжье (Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996, рис. 9) и в Приуралье (Мещеряков Д.В., 1996, рис. 4/2). Хронологию позволяют уточнить соседние погребения, расположенные в единой кольцевой системе. В целом же такой орнамент получил большее распространение в Нижнем Поволжье, чем на соседних территориях, о чем свидетельствует сводка керамики в работе М.Г. Мошковой (Мошкова М.Г., 1963, табл. 5—10).

К особой группе ритуальной посуды принадлежат лепные курильницы. Они появились у кочевников Приуралья не позже V в. до н. э., но широкое распространение получили в сарматских могилах лишь с конца IV в. до н. э. В дальнейшем их основные формы сохранялись на протяжении всей раннесарматской культуры, спорадически встречаясь и в среднесарматское время (Мошкова М.Г., 1963, с. 29, 30; Смирнов К.Ф., 1973, с. 166—172, рис. 1—3). Для савроматов Нижнего Поволжья и Подонья такие сосудики нехарактерны, поэтому находка боченовидной курильницы в кургане 12 Аксеновского I и сосудика грушевидной формы в кургане 14 Аксеновского II могильников с боковыми отверстиями в стенках (рис. 18/21, 22), учитывая их обнаружение в яме с заплечиками и в раннедиагональном захоронении, позволяет не только наметить еще одну связь с Приуральем, но и зафиксировать появление курильниц в Волго-Донском междуречье начиная с IV в. до н. э. В Приуралье в савроматское время известно сочетание курильницы с обломком каменного жертвенника в виде блюда или плитки (Смирнов К.Ф., 1973, с. 169). В погребении из кургана 14 могильника Аксеновский II курильница стояла у плеча, а под плечом была положена плитка подпрямоугольной формы. Сочетание весьма показательное.

Импортная круговая керамика из сарматских комплексов дает возможность наметить направление связей с производственными и торговыми центрами и зафиксировать время бытования этой посуды в регионе.

Красноглиняный гончарный кувшин с отбитой в древности ручкой, с туловом яйцевидной формы на поддоне, из Белокаменки, кург. 6, погр. 5 (рис. 19/1), находит прямые аналогии среди хорошо датированных сосудов античных центров Северного Причерноморья. Он относится к типу II, выделенному С.И. Капошиной и датированному второй половиной IV в. до н. э. (Капошина С.И., 1959, с. 137, рис. 44/1—4). Материалы Ольвийского некрополя расширяют эту дату в интервале IV—III вв. до н. э. (Парович-Пешикан М.Б., 1974, с. 96—98). Найденный в погребении из Белокаменки золотой перстень с выпуклым щитком и несомкнутыми концами раскованного прутка также датируется IV—III вв. до н. э. (Петренко В.Г., 1978, с. 61, табл. 51, 31). Найденные здесь же гешировые дисковидные бусы и стеклянные бусы с внутренней позолотой, получившие широкое распространение лишь с III в. до н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 14, 28), позволяют сузить хронологические рамки погребения с кувшином до III в. до н. э.

Небольшой красноглиняный сосуд из погребения у 15 поселка, обнаруженный вместе с тальковой керамикой, находит прямые аналогии в приуральских комплексах. Такой же сосуд найден на левобережье р. Илек в погребении IV—III вв. до н. э. из могильника Черный Яр (Мещеряков Д.В., 1996, с. 51, 53, рис. 12/9). Близкий по форме и размерам, но с ушками-налепами на тулове, сосудик был обнаружен в детском погребении из Бишунгарово. Это погребение включено в кольцевую систему подкурганых захоронений и, видимо, может быть датировано по синхронному инвентарю соседних могил концом IV — III в. до н. э. (Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 21—23, рис. 6, табл. X/5).

Исходя из этой датировки, можно предположить одновременность предыдущим еще одного заволжского ограбленного погребения у пос. Раздолье, кург. 2, погр. 3. Здесь вместе с фрагментами двух раннесарматских мечей и железными наконечниками стрел с длинными черешками найден такой же гончарный сосудик с одним сохранившимся ушком-налепом (Лукашов А.В., 1986, с. 70, 71). Возможно, эти сосудики, на которых сохранились следы красноватого ангоба, происходят из среднеазиатских мастерских.

Небольшая сероглиняная амфора из мог. Высочино VIII, кург., 17 погр. 3 (рис. 19/4), хотя и не имеет точной аналогии, но

близка по форме, размерам и наличию кольцевого поддона амфоре из Сладковского кенотафа (Максименко В.Е., 1983, с. 82, рис. 14/12). В Азовском комплексе (кург. 2, погр. 3) найдена чернотаковая мисочка с пальметтками на дне, хорошо известная в аттическом импорте второй половины IV в. до н. э. Елизаветовского городища (Брашинский И.Б., 1980, с. 136, табл. XVII). Вместе с ней находились гераклейская и синопская амфоры второй половины IV в. до н. э. (Максименко В.Е., 1983, рис. 27/1, 2, 4). В погребениях у хут. Ясырев и курганной группы Радутка встречаются фасосская амфора IV в. до н. э. и амфора херсонесского типа IV — начала III в. до н. э. (Максименко В.Е., 1983, с. 36, 83, рис. 19/6, 30/6). Из Житковского погребения происходит расписной гончарный кувшин (рис. 19/5) из группы парадной столовой посуды, изготовлявшейся в Ольвии, датированный в рамках второй половины IV — начала III в. до н. э. (Зайцева К.И., 1982, с. 50—69).

Деревянные чаши

В погребениях кочевников неоднократно встречается деревянная посуда, которая, к сожалению, плохо сохраняется. Деревянные чаши с золотыми обкладками и без них имели широкое распространение в скифских, савроматских, среднедонских и приуральских памятниках ранних кочевников (Манцевич А.П., 1966, с. 23, 24; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 26/16—19, 21, 24; Смирнов К.Ф., 1964а, рис. 24, 29, 32; Максименко В.Е., 1983, с. 85—87). В раннесарматское время эти традиции не исчезают. В поволжских и левобережных донских памятниках IV—III вв. до н. э. насчитывается 16 погребений с деревянной посудой: Новоникольское, кург. 3, погр. 3; Лятошинка, кург. 1, погр. 2; Бородаевка, кург. 3, погр. 4 (золотые оковки); Усатово, кург. G5, погр. 11; Киляковка, кург. 4, погр. 5; Вертячий, кург. 6, погр. 3 (золотые оковки) (рис. 20/5—9); Житков II, кург. 3, погр. 2 (золотые оковки) (рис. 20/10—12); Жутово, кург. 24, погр. 1; Жутово, кург. 27, погр. 2; Жутово, кург. 34, погр. 4, 6 (золотые оковки) (рис. 20/1—4); Крепинский II, кург. 5, погр. 4 (золотые оковки) (Максименко В.Е., 1983, рис. 32/3, 4); Высочино VII, кург. 17, погр. 3 (золотые оковки) (рис. 20/13, 14); Кривая Лука XIV, кург. 31; Кривая Лука XVI, кург. 1, погр. 18, Старица, кург. 42, погр. 2, 3; Азов, кург. 2, погр. 3 (золотые оковки) (Мак-

сименко В.Е., 1983, рис. 27/11—15). Значительная часть золотых обкладок опубликована и проанализирована исследователями (Максименко В.Е., 1983, с. 87, рис. 27, 32; Мамонтов В.И., 1993, с. 187—193). Большинство из них хорошо известны в памятниках скифского времени на Среднем Дону. Прямоугольные золотые пластинки с изображением лежащего оленя, найденные в Житковском кургане, встречают аналогии в скифских древностях, в частности, в оковках из I Завадской Могилы (Мозолевский Б.Н., 1980, с. 105, 109, рис. 44/6, 9, 47). К ним примыкает и кольцевая золотая обкладка ритона с изображенным на ней схематизированным шествием животных, происходящая из погребения у хут. Вертячий (Игнатов В.Н., Колесник В.П., Мамонтов В.И., 1979, с. 175, 176). Отмечая причерноморские аналогии этим находкам, следует подчеркнуть, что подавляющее большинство золотых обкладок деревянных сосудов происходит с территории Волго-Донского междуречья. Лишь один случай, из Бородаевки, фиксирует заволжскую находку. Учитывая современные датировки скифских и среднедонских курганов, приводившихся в качестве аналогов (Алексеев А.Ю., 1992, с. 144—157; Полин С.В., 1989, с. 7; Медведев А.П., 1997, с. 60), следует признать, что все эти обкладки не выходят за пределы начала III в. до н. э. В погребениях Поволжья и Подонья такая датировка находит свое подтверждение. Мечи, бронзовые наконечники стрел, а также керамический комплекс Житковского, Жутовского, Крепинского, Высочинского, Вертячинского и Азовского погребений датируют золотые обкладки IV в. до н. э. Не противоречит этой датировке и бородаевская находка в разграбленной прямоугольной могиле с дромосным входом.

В определенном противоречии с этой датой находится набор золотых обкладок из погребения у Новочеркаска, датированного В.Е. Максименко концом III — началом II в. до н. э. (Максименко В.Е., 1983, с. 32, 33, 86, рис. 20). Но автор опирался на уже устаревшую датировку херсонесских амфор, предложенную И.Б. Зеест (Зеест И.Б., 1960, табл. XXI/40). В настоящее время их хронологические рамки пересмотрены в сторону удревнения и определены в границах IV — первой половины III в. до н. э. (Брашинский И.Б., 1980, с. 29, 44, 45). Таким образом, золотые обкладки деревянных сосудов также могут оцениваться как хроноиндикаторы, определяющие ранний период в комплексах IV—III вв. до н. э.

В то же время деревянная посуда не исчезла из употребления. В погребениях из Усатово (кург. G5, погр. 11), Киялковки (кург. 4, погр. 5), Кривой Луки XVI (кург. 1, погр. 18) такие сосуды найдены вместе с мечами 2 типа, IV отдела и железными черешковыми наконечниками стрел в сочетании с бронзовыми. Комплексы из Старицы (кург. 42, погр. 2, 3) и Жутово (кург. 27, погр. 2) содержали железные черешковые и бронзовые наконечники стрел, сосуды с «полотенцами» по тулову. Таким образом, эти погребения могут быть отнесены ко второму, более позднему периоду в рамках предложенных временных границ. Размеры этих сосудов достаточно вариабельны, диаметром от 26 см (Новоникольское) до 10 см (Кривая Лука), в тех случаях, когда сохранность или следы на дне позволяли произвести замер.

Чаши из панциря черепахи

К категории ритуальной посуды, возможно, следует отнести чашечки, сделанные из панциря черепахи. В заволжских погребениях они встречаются трижды: в комплексах из Лятошинки (кург. 5, погр. 8), Новоузенска (кург. 1, погр. 4 — два экз. и погр. 18), причем дважды с костяной ложечкой. Аналогичные находки известны в памятниках Южного Приуралья. Черепаховые чашечки (2 экз.) обнаружены в дромосной могиле из Мечетская, в погребении у с. Любимовка (гр. Лапасина), в Лебедевке V (Смирнов К.Ф., 1962, с. 89; 1975, с. 137—139; Железчиков Б.Ф., Кригер В.А., 1977, Отчет..., рис. 235).

Все эти погребения по инвентарю и погребальному обряду не выходят за границу IV в. до н. э.

Бронзовые котлы

К разряду престижных сосудов следует отнести бронзовые котлы, встреченные в погребениях у с. Верхний Еруслан (кург. 1, погр. 5), Белокаменка (кург. 6, погр. 5), в разрушенном кургане у дер. Александровка (погр. 1), у хут. Вертячий (кург. 6, погр. 3), в Арпачинском II могильнике (кург. 6, погр. 5) и в Азовском кургане (кург. 2, погр. 3). Их жертвенно-поминальное предназначение, отмеченное Геродотом у скифов, не вызывает сомнений (Геродот, IV, 60). Типология и хронология бронзовых котлов скифского и сарматского времени разработана достаточно полно (Боковенко Н.А., 1977, с. 228—235; 1991, с. 256—263; Ко-

сяненко В.М., Флеров В.С., 1978, с. 192—205; Демиденко С.В., 1997, с. 120—159).

В Белокаменке (кург. 6, погр. 5) найден котел с бокаловидным, чуть раздутым в центральной части, туловом и вертикальными ручками, украшенными одним отростком с гвоздевидной шляпкой. Сохранилась одна ручка, которая крепилась к котлу тремя бронзовыми заклепками. Поддон был отбит в древности (рис. 21/1). Арпачинский котел очень плохой сохранности, судя по полевой фотографии, был аналогичен предыдущему. У него сохранился конусовидный поддон. Такие котлы отнесены В.М. Косяненко и В.С. Флеровым ко 2 виду I типа котлов. Высота котла без поддона примерно равна его диаметру.

Котел из Азовского кургана имел аналогичное предыдущим тулово, но вертикальные ручки украшены тремя выступами без шляпок. Под ручками тулово украшено волUTOобразными усиками (рис. 21/4). В названных выше классификациях этот тип не представлен, но может быть отнесен к новому варианту I типа по В.М. Косяненко и В.С. Флерову или к третьему типу скифских котлов по Н.А. Боковенко (Боковенко Н.А., 1991, с. 261, рис. 34/17). Вариантом этого типа можно считать котел из погребения у хут. Вертячий с полусферической формой тулова, воронковидным поддоном и вертикальными ручками с тремя выступами-шипами (рис. 21/2).

Бронзовый литой котел из Александровки с туловом полусферической формы имел слегка отогнутый наружу венчик, утолщенный с внутренней стороны край и орнамент в виде двойной круговой веревочки по тулову. Фрагментированная ручка и низкий поддон были отлиты вместе с корпусом (рис. 21/5). По форме тулова и способу орнаментации котел отнесен автором публикации к III типу котлов Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири по типологии Н.А. Боковенко (Семенова И.В., 1996, с. 166—170, с. 174, рис. 1/1; Боковенко Н.А., 1981, с. 49).

У с. Верхний Еруслан найден котел с эллипсовидным туловом, воронковидным поддоном, вертикальными арочными ручками с тремя воронковидными выступами и рельефными раздвоенными волУтами под ручками, с орнаментом в виде опоясывающей «веревочки» (рис. 21/3) (Юдин А.И., 1997, рис. 3). Такие котлы отнесены В.М. Косяненко и В.С. Флеровым к IV типу, а в классификации котлов сарматского времени Н.А. Бо-

ковенко — ко II типу (Косяненко В.М., Флеров В.С., 1978, с. 197—199, рис. 5/1; Боковенко Н.А., 1977, с. 232, 233, рис. 3/II).

Котлы из Белокаменки и Арпачина находят аналогии в савроматских памятниках Приазовья, Поволжья и Приуралья, датирующихся V—IV вв. до н. э., но доживают до II в. до н. э. на Дону (Смирнов К.Ф., 1989, с. 167, табл. 68/1, 2, 25, 43; Косяненко В.М., Флеров В.С., 1978, с. 194, 195, 201, рис. 2; Максименко В.Е., 1983, с. 88—90, рис. 54/6—9). Арпачинский котел достаточно твердо датируется мечом синдо-меотского облика временем не позднее рубежа IV—III вв. до н. э. Котел из Белокаменки в комплексе с античным кувшином и золотым перстнем IV—III вв. до н. э. и бусами, гагатовыми дисковидными и стеклянными с внутренней позолотой, получившими распространение с начала III в. до н. э., может быть датирован III в. до н. э.

Котлы из Азова и Вертячего были распространены в скифских комплексах Северного Причерноморья, на Среднем и Нижнем Дону, а также в Средней Азии и Казахстане. Они датируются V—III вв. до н. э. (Либеров П.Д., 1965, табл. 27/5; Боковенко Н.А., 1991, с. 263).

Котел из Александровки, имеющий ряд общих черт с аналогичными сосудами тагарской культуры и приуральских комплексов, датирован И.В. Семеновой не ранее рубежа IV—III вв. до н. э. и не позднее первой половины III в. до н. э. (Семенова И.В., 1996, с. 173, 174).

Чрезвычайно интересен с точки зрения хронологии котел из Верхнего Еруслана. Такие котлы хорошо известны в Поволжье, Подонье и Прикубанье, где они датируются в интервале от I в. до н. э. до первой половины II в. н. э. (Боковенко Н.А., 1977, с. 233, рис. 4; Косяненко В.М., Флеров В.С., 1978, с. 202, 203; Раев Б.А., 1978, с. 92; Сергацков И.В., 1993, с. 84, 85, рис. 3/9). Но в погребении из Верхнего Еруслана сочетание короткого меча с прямым перекрестьем и серповидным навершием с бронзовыми втульчатými и железными, с длинным черешком, наконечниками стрел позволяет датировать весь комплекс временем не позже рубежа III—II вв. до н. э. (Юдин А.И., 1997, с. 172—177, 180, рис. 1—3). Аналогичная датировка этого котла предложена С.В. Демиденко, в типологии которого данный котел относится к типу IV, варианту 1А (Демиденко С.В., 1997, с. 125). Эта датировка может быть отнесена также к случайно обнаруженному

котлу такого же типа из ограбленного кургана мог. Пятимары I, поскольку все исследованные курганы могильника содержали комплексы только савроматского и раннепрохоровского времени (Смирнов К.Ф., 1975, с. 10, 14—36, рис. 4).

3. Конское снаряжение

Ранние сарматы, будучи кочевниками, безусловно, использовали весь сбруйный набор, в том числе удила и псалии для снаряжения коня. Но, как отмечала М.Г. Мошкова, принадлежности конской сбруи встречаются у ранних сармат достаточно редко, и то в основном в ранних прохоровских погребениях IV — начала III в. до н. э. (Мошкова М.Г., 1963, с. 36).

Находки из раннесарматских комплексов в Заволжье и Волго-Донском междуречье позволяют дополнить комплекты конского снаряжения, не выходящие за рамки уже известных типов. В Новоузенском могильнике были найдены удила и псалии, известные в скифо-савроматских древностях V—IV вв. до н. э. В кургане 1 погребения 19, рядом с мечом, колчаном и оселком был положен железный S-видный псалий с восьмерковидными отверстиями, изготовленный из круглого стержня без выделенных окончаний, длиной 19,5 см (рис. 22/1). Аналогичные псалии с расширением для двух отверстий в средней части, длиной 10 см, обнаружены в дромосной могиле из Новоузеньска (кург. 2, погр. 8) вместе с удилами, положенными в ногах ребенка (рис. 22/2). Удила двусоставные, сделанные из железного прута с загибающимися в кольца концами. Общая длина удил — 20 см. Обломок псалия найден и в заполнении могилы среди других вещей разрушенной части погребения. Среди новоузенских древностей следует отметить найденную под тазовыми костями воина бронзовую литую бляху в виде колеса с десятью спицами, насечками по ободу и круговой канавкой в центре. На внутренней плоской поверхности имела петля для крепления с продетыми сквозь нее ремешками. Диаметр бляхи 3,2 см. Аналогично этой бляхе можно обнаружить в деталях конской упряжи, найденных на скелете лошади в дромосе Сладковского кургана 4 (Смирнов К.Ф., 1982, с. 121, рис. 1—3), что позволяет связать упомянутую нами бляху с уздечным набором, установить ее дату IV в. до н. э. и наметить определенную связь с серией дромосных захоронений этого времени в междуречье Дона и Северского Донца. В кургане 13 у

озера Эльтон, видимо, в кенотафе обнаружены остатки железного уздечного набора, в составе которого были два небольших двудырчатых псалия восьмеркообразной формы с обломанными концами, длиной около 6—7 см. Один из обломков имел шишечку на конце. Видимо, таким образом были оформлены окончания псалиев. Сохранились также обломки кольчатых удил, кольца которых были загнуты на конце из стержня грызла. Здесь же лежало дополнительное кольцо диаметром 5,5 см (рис. 22/3).

Хорошо известны уздечные наборы из кенотафов у с. Старица. В кенотафе 1 лежали удила двусоставные кольчатые с дополнительным кольцом. Длина звена — 14,5 см, диаметр внешнего кольца — 3,6 см, дополнительного кольца — 3,1 см (рис. 22/4). В кенотафе 2 находились две пары железных двусоставных кольчатых удил с диаметром колец 2,8—3,4 см. Там же лежали обломки двух пар железных гвоздевидных псалиев с восьмеркообразными выступами посередине. Концы псалиев либо загнуты и расклепаны в виде овальной полусферической шляпки, либо оттянуты в виде заостренных концов. Длина сохранившихся псалиев — 16,5 см (рис. 22/5).

В кургане 2, погребении 8 курганной группы Кривая Лука XV найдены фрагментированные двусоставные удила с концами, загнутыми в виде колец (рис. 22/6).

Двусоставные кольчатые удила с роговыми двудырчатыми псалиями из кургана 3 погребения 11 Крепинского II могильника были опубликованы В.Е. Максименко (Максименко В.Е., 1983, с. 111, 112, рис. 33/2, 3). Псалии украшались продольными линиями, поле между которыми было заполнено зигзагообразной линией. На концы псалиев надевались костяные наконечники. Длина псалиев — 22 см. Удила были сделаны из квадратного в сечении стержня длиной 14 см, с диаметром кольца — 5 см (рис. 22/7). Обломки железных удил найдены в ограбленной яме погребения 2, кургана 6 у хут. Вертячий вместе с фрагментами меча.

Удила, состоящие из двух звеньев, заканчивающихся кольцами-петлями, существовали начиная с VI в. до н. э. и продолжали бытовать на протяжении всей раннесарматской эпохи (Мошкова М.Г., 1963, с. 36). В силу этого они не могут служить хроноиндикаторами во временных границах рассматриваемой темы.

В то же время железные S-видные и C-видные двудырчатые псалии с восьмеркообразной плоской средней частью и конца-

ми, увенчанными шляпками или шишечками, хорошо известны в Скифии, Прикубанье, Поволжье и Приуралье с конца VI до IV в. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1961, с. 85). Следовательно, эти типы псалиев могут очертить верхнюю границу бытования погребений, в которых они обнаружены. Характерно, что в рассматриваемых погребениях они встречены с инвентарем, не выходящим за рамки рубежа IV—III вв. до н. э. Вероятно, в использовании псалиев вышеназванных типов сохранялась традиция скифо-савроматской эпохи, сошедшая на нет в прохоровский период. Однако, если псалии с восьмеркообразным утолщением в средней части фрагментированы, то они не всегда могут служить датировочным материалом, поскольку С-видные экземпляры с аналогичной средней частью и плоскими концами в виде фигурок зверей были распространены во II—I вв. до н. э. (Полин С.В., Симоненко А.В., 1990, с. 86, 87, рис. 2/6—8).

4. Зеркала

Весьма популярными в погребальной обрядности савромато-сарматского населения были бронзовые зеркала. Исследователями создан ряд классификаций зеркал, позволяющих не только выделить характерные типы, но и наметить их хронологию (Хазанов А.М., 1963, с. 58—71; Смирнов К.Ф. и Петренко В.Г., 1963, табл. 28, 29; Смирнов К.Ф., 1964а, с. 152—160; Мошкова М.Г., 1963, с. 41—43; Скрипкин А.С., 1990б, с. 88—97, 142—156; Марченко И.И., 1996, с. 14—28).

В основу всех классификационных схем положены морфологические признаки двух частей зеркала — диска и ручки. Представляется наиболее удобным выделение отделов по форме дисков и типов по форме ручки, как это было предложено К.Ф. Смирновым и В.Г. Петренко, а затем М.Г. Мошковой и А.С. Скрипкиным. Способы орнаментации зеркал представлены как варианты признаки.

Отдел 1. Зеркала с плоским диском.

Тип 1. С отдельной ручкой (рис. 23/7, 8, 9).

Вариант 1. С неорнаментированным диском и отверстиями для крепления ручки (рис. 23/7).

Вариант 2. С циркульным орнаментом по краю и следами крепления боковой ручки (рис. 23/8, 9).

Tun 2. С плоской прямой ручкой (рис. 23/1—3, 6, 13).

Tun 3. С плоской ручкой, узкой у основания и расширяющейся книзу (рис. 23/5).

Отдел 2. Зеркала с уплощенным утолщением по краю диска.

Tun 1. С плоской прямой ручкой (рис. 23/11).

Tun 2. С плоской ручкой, расширяющейся книзу. Диск укорочен концентрическими окружностями по тыльной стороне (рис. 23/10).

Отдел 3. Зеркала с валиком по краю диска (рис. 24/1—7).

Tun 1. С клиновидной ручкой-штырем (рис. 24/2, 4, 6).

Tun 2. С прямой ручкой.

Отдел 4. Зеркала с валиком по краю и выпуклостью в центре диска.

Tun 1. С массивной прямой ручкой (рис. 24/9).

Отдел 5. Зеркала с валиком вокруг центра диска (рис. 23/12).

Отдел 6. Зеркала с наклонным бортиком по краю диска (рис. 24/8).

Зеркала типа 1.1.1 (первая цифра — отдел, вторая — тип, третья — вариант), по мнению М.Г. Мошковой, генетически связаны с савроматскими формами и бытуют в сарматских комплексах вплоть до II в. н. э. (Мошкова М.Г., 1963, с. 41). На Кубани такие зеркала датируются второй половиной IV — III в. до н. э. (Марченко И.И., 1996, с. 16, 17). Аналогичные зеркала с циркульной плетенкой, происходящие из донских комплексов мог. Холодный IV, кург. 1, погр. 2 и Северный, кург. 2, погр. 3 (тип 1.1.2), представляют часть серии зеркал, известных в Шолоховском кургане, кургане 494 у с. Волковцы, такое же зеркало датировано по греческому сопутствующему материалу второй половиной IV в. до н. э. С.И. Капошиной. Все исследователи определяют дату зеркал типа 1.1.2 в пределах IV в. до н. э. (Максименко В.Е., 1983, табл. 24/21; Капошина С.И., 1959, с. 125, 134, рис. 31; Гей А.Н., Каменецкий И.С., 1986, с. 43).

Зеркала типа 1.2 встречены в могильниках Новоузенск, кург. 2, погр. 7; Калиновка, кург. 19, погр. 17, Высочино VII, кург. 17, погр. 3; Капитанский, кург. 7, погр. 1; Крепинский II, кург. 3, погр. 11. Вероятно, к этому же типу следует отнести зеркало из Калиновского могильника, кург. 27, погр. 2. Это зеркало, видимо, в силу недоразумения попало в разряд зеркал с коротким

трапецевидным черешком-выступом, хотя плоская ручка была просто обломана в древности, что и отмечено в описании (Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, с. 33, табл. 28; Шилов В.П., 1959, с. 382, 427). Возможно, к этому же типу относилось и зеркало из Кос-Обы, кург. 11, погр. 6, которое не восстанавливается, но имеет плоский диск диаметром 12—15 см. Не исключено, что зеркало имело плоскую ручку.

Близок к вышеназванным зеркалам тип 1.3, представленный зеркалами из мог. Тузлуки, кург. 5, погр. 2 и Капитанский, кург. 7, погр. 1, с плоской, расширяющейся книзу, рукоятью.

По мнению большинства исследователей, эти типы зеркал были заимствованы на Востоке, получили распространение в Приуралье савроматского времени и прекратили свое существование в период формирования прохоровской культуры к рубежу IV—III вв. до н. э. (Скрипкин А.С., 1990б, с. 143, 150; Максименко В.Е., 1983, с. 96). Если для зеркал типа 1.3 дата IV в. до н. э. сохраняет свое значение, то фрагментированное зеркало типа 1.2 из кург. 19, погр. 17 Калиновского могильника, найденное вместе с мечами с серповидным и кольцевым навершиями и железными трехлопастными черешковыми наконечниками стрел, позволяет предположить более длительное бытование таких зеркал, заходящее в III в. до н. э.

Зеркала 2 отдела обычно не выделяются в принятых классификациях и рассматриваются как варианты типов с плоским диском и плоской длинной ручкой. В то же время все исследователи отмечают наличие углубленной центральной части, так что край зеркала получает утолщение в виде скошенного к краю валика. Зеркало типа 2.1 происходит из кург. 5, погр. 10 мог. Лятошинка, а типа 2.2 — из Новоузенского кург. 1, погр. 18. Зеркала типа 2.1 довольно широко распространены в памятниках Приуралья, датируемых IV в. до н. э., таких как Прохоровка, Веселый I, Ивановские, Альмухаметовские, Переволочанские и Муракаевские курганы (Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 28/6; Мошкова М.Г., 1963, табл. 27/19—21; Пшеничнюк А.Х., 1983, табл. XXIX/2; XXXI/2; XXXVII/2; XLVII/1; Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1977, рис. 4/2). Близок к таким зеркалам тип 2.2 с уплощенным утолщением по краю диска, концентрическими окружностями по тыльной стороне и раскованной книзу ручкой. Это зеркало имеет ряд аналогий опять же в памятниках IV в. до н. э. из Приуралья (Скрипкин А.С., 1990б, с. 150).

Таким образом, рассматриваемые нами зеркала в большей степени связаны с Востоком, конкретнее с Приуральем. Можно говорить об их переходном характере, поскольку зеркала несут на себе черты как предыдущего савроматского времени, так и элементы нового, прохоровского этапа. Наметившееся утолщение по краю, возможно, превратилось позже в характерный валик раннесарматских зеркал.

Зеркала типа 3.1 встречены в погребениях из курганных групп Венгеловка (кург. 2, погр. 10), Усатово, II гр. (кург. F19, погр. 1), Бережновка II, (кург. 14/2I), Белокаменка (кург. 6, погр. 5). Аналогичное небольшое зеркало с длиной прямой ручкой найдено в погр. 2, кург. 42 из Старицы (тип 3.2).

Как неоднократно отмечалось в литературе, зеркала несли и бытовую и культовую нагрузку, с чем связывают намеренную порчу зеркал. Причем, если зеркала 1 и 2 отделов, даже разбитые, обычно представлены полностью, то зеркала с валиком по краю очень часто клались отдельными фрагментами. Такие обломки зеркала найдены в Визенмиллере II (кург. 4, погр. 3), Бережновке, юж. гр., (кург. 2, погр. 11), Бережновке II (кург. 85, погр. 2), Киляковке (кург. 4, погр. 4), Белокаменке (кург. 1, погр. 3), Старице (кург. 42, погр. 2). Зеркала 3 отдела появляются не ранее рубежа IV—III вв. до н. э., продолжая бытовать на всем протяжении раннесарматской эпохи. Тогда же распространяется обычай класть фрагмент зеркала с валиком в могилу (Мошкова М.Г., 1963, с. 42, 43; Скрипкин А.С., 1990б, с. 150—152).

Зеркало типа 4.1 найдено в погр. 2 Журо́ва кургана с набором дротиков, датируемых IV—III вв. до н. э. Это зеркало представляет собой самый ранний экземпляр, поскольку большинство таких зеркал встречается в сарматских комплексах II—I вв. до н. э. (Скрипкин А.С., 1990б, с. 152).

Интересный образец представлен зеркалом с обломанными краями, найденным в кург. 5, погр. 26 могильника Койсуг. Сохранилась центральная часть с внутренним валиком. В.Е. Максименко отмечает необычность зеркала для Подонья (Максименко В.Е., 1983, с. 96). В то же время зеркала с наружным и внутренним валиком хорошо известны в Приуралье и Южном Казахстане. Такой валик обрамляет центральный умбон зеркала из Мечетсая (Смирнов К.Ф., 1975, рис. 57). Подобные зеркала IV—III вв. до н. э. выделяет Б.Ф. Железчиков в Илекской группе и Вос-

точном Оренбуржье (Железчиков Б.Ф., 1980, с. 108, табл. 62), а зеркало с аналогичным валиком обнаружено в знаменитом погребении «золотого человека» из кургана Иссык (Акишев К.Ф., 1978, с. 31, табл. 33). В целом эти зеркала наиболее характерны для IV в. до н. э., а происхождение зеркал, подобных койсугскому экземпляру, следует связать с востоком. Местные, донские и северопричерноморские традиции изготовления таких зеркал отсутствуют.

Зеркала с наклонным бортиком по краю диска, известные уже в савроматскую эпоху, продолжают свое бытование на протяжении всего раннесарматского времени. Среди нижневолжских погребений IV—III вв. до н. э. этот тип представлен обломком из Киляковки, кург. 4, погр. 5, не позволяющим судить о наличии или отсутствии ручки.

5. Орудия труда

В качестве сопутствующего инвентаря в раннесарматских погребениях довольно часто встречаются орудия труда, как-то: ножи, оселки, пряслица, шилья, костяные проколки. Большая часть этих предметов, видимо, в силу простоты изготовления и универсальности формы продолжали бытовать в течение длительного времени без особых изменений. Поэтому большинство типов орудий труда не могут быть использованы в хронологических построениях. М.Г. Мошкова, разделив **железные ножи** на две группы — с горбатой и прямой спинкой, отмечала, что твердой хронологической закономерности в их бытовании установить не удалось. Намечалось лишь некоторое увеличение ножей с горбатой спинкой в III—II вв. до н. э. по сравнению с IV в. до н. э., когда встречалось больше ножей с прямой спинкой. (Мошкова М.Г., 1963, с. 38). 57 целых и фрагментированных ножей из анализируемых нами погребений IV—III вв. до н. э. в Нижнем Поволжье подтверждают невозможность хронологического распределения типов, поскольку ножи обеих групп зачастую встречаются в одновременных погребениях.

Аналогичная ситуация складывается при анализе **точильных камней — оселков**, не меняющих своей формы начиная с савроматской эпохи (Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 19/13—31; Мошкова М.Г., 1963, табл. 23, с. 39). 19 оселков нашей выборки также подтверждают этот вывод.

Определенную тенденцию в развитии пряслиц можно проследить, проанализировав **13 пряслиц** нашей выборки. Из 6 пряслиц в погребениях, датируемых IV в. до н. э. (Эльтон, кург. 9, погр. 8; Новоузенск, кург. 1, погр. 4 и кург. 2, погр. 5; гр. Мошкова, кург. 3, погр. 3; Койсуг, кург. 5, погр. 26), четыре представлено дисковидными экземплярами, одно — шаровидным с выделенной верхней частью в виде горлышка сосуда, одно — биконической формы (рис. 26/10, 12—14). В погребениях с зеркалами III отдела, распространившимися в раннесарматских погребениях начиная с рубежа IV—III вв. до н. э., и мечами с прямыми перекрестьями и серповидными навершиями, бытующими с этого же времени, из 7 пряслиц лишь одно дисковидное, четыре — биконических, одно — конусовидное, одно — шаровидное с выделенными верхом и низом (Кияковка, кург. 4, погр. 4, 5; Лятошинка, кург. 1, погр. 1, 3; Старица, кург. 42, погр. 2, 3; Бережновка II, кург. 85, погр. 2) (рис. 26/15—17). Таким образом, в развитии пряслиц IV—III вв. до н. э. наблюдается постепенная смена дисковидных пряслиц биконическими. Тем не менее все типы пряслиц, известные начиная с савроматского времени, продолжают бытование на протяжении всей сарматской эпохи (Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 19/1—12; Мошкова М.Г., 1963, табл. 24). К тому же биконическое пряслице встречено вместе с уплощенным (дисковидным) в раннедиагональном погребении мог. Эльтон, кург. 9, погр. 8 (IV в. до н. э.) также, как в коллективном подбойном погребении из мог. Кияковка, кург. 4, погр. 5 (III—II вв. до н. э.) найдены одновременные биконическое и дисковидное пряслица. Следовательно, хронологической базой в решении нашей задачи эти предметы служить не могут.

Более перспективным направлением представляется изучение костяных предметов с заостренным концом, известных в литературе как **костяные проколки**. Их можно разделить на две группы:

1) проколки с широким верхним краем, зачастую необработанным, и сильно заостренным нижним концом, изготовленные из путовой кости животного (рис. 26/1—5).

2) проколки в виде круглых в сечении стержней с хорошо заполированной поверхностью, заостренным нижним концом и просверленным отверстием у верхнего края. Часто верхний край

имел вырез в виде горизонтального выступа с отверстием под ним (рис. 26/6—8).

Первая группа представлена уже в савроматских комплексах, широко распространена в раннесарматских погребениях и продолжает изредка встречаться в среднесарматский период (Мошкова М.Г., 1963, с. 39, табл. 23/28—33; Скрипкин А.С., 1990б, с. 100, 164, 165). Вторая группа получила широкое распространение в погребениях II—I вв. до н. э., продолжая бытование и в I в. н. э. (Скрипкин А.С., 1990б, с. 87, рис. 2/1—4). М.Г. Мошкова, отмечая их существование вплоть до II в. до н. э., называет более раннюю дату появления проколов второй группы — рубеж IV—III вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1963, с. 39, табл. 23/5, 20—27).

В нижневолжских погребениях IV—III вв. до н. э. костяные проколки первой группы найдены в курганных группах Лятошинка, кург. 2, погр. 5; Старица, кург. 42, погр. 2. Полированные проколки 2 группы происходят из могильников Эльтон, кург. 13, погр. 2; Ровное, кург. 4, погр. 15; Бережновка, юж. гр., кург. 2, погр. 11. Вторая группа подтверждает датировку, предложенную М.Г. Мошковой, так как в эльтонском погребении сопутствующий материал представлен бронзовыми и железными втульчатыми, а также железными черешковыми наконечниками стрел и кинжалом с прямым перекрестьем, в погребении из Ровного — набором бронзовых и железных втульчатых наконечников, в бережновском — бронзовыми втульчатыми и железными черешковыми наконечниками в сочетании с коротким мечом, имеющим кольцевидное навершие. Перечисленный инвентарь позволяет зафиксировать бытование таких проколов уже в III в. до н. э., в то время как проколки первой группы имеют гораздо более широкие хронологические рамки.

6. Костяные ложки

Предметами жертвенного ритуала в культурах скифского круга считаются костяные ложечки, которые имели, вероятно, сакральное назначение (Лукьяшко С.И., 1997а, с. 133, 134; 1997б, с. 134—142).

В нижневолжских памятниках IV—III вв. до н. э. костяные ложечки встречены в 12 погребениях. Общее количество ложек, учитывая, что в нескольких случаях в погребение было положено по две и более ложки, насчитывает 18 экземпляров. По не-

скольку ложек клали в коллективных захоронениях, мужчинам, женщинам и детям. Так, в комплексе из Лятошинки (в кург. 5, погр. 10) было две ложки на двух погребенных, в дромосной могиле из Новоузенского кургана 2, разделенной исследователем на три погребения (6—8), у четырех покойников в неразграбленной части могилы лежало 4 ложки. В подбойном захоронении из Кияковки, кург. 4, погр. 5, на пятерых погребенных приходилось две ложки, в кургане 1 Новоузенска в погр. 4 на 3 скелета — 1 ложка, в погр. 19 — на 2 скелета — 1 ложка. В остальных одиночных погребениях на одного покойника — 1 ложка. Таким образом, одному погребенному никогда не клали нескольких ложек. Следовательно, наличие двух ложек в ограбленной дромосной могиле из Новой Квасниковки (в кург. 1, погр. 1) подразумевает существование коллективного захоронения с количеством погребенных не менее двух.

М.Г. Мошкова выделила в раннесарматских комплексах два типа ложек: 1) головка ложки резко отделяется от ручки; 2) головка ложки плавно переходит в ручку. Ложки 1 типа наиболее характерны для IV и IV—III вв. до н. э., ложки 2 типа занимают господствующее положение в III—II вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1963, с. 40, 41, табл. 26).

Ложки 1 типа представлены 4 экземплярами (рис. 25/1, 9, 13, 14). Ложечка из Фриденберга имела обработанную широкую прямоугольную ручку. Ложка из Новоузенска (кург. 2, погр. 7) с длинной тонкой ручкой и круглой рабочей частью аналогична экземплярам из раннесарматских комплексов IV в. до н. э. донского левобережья (Северный, кург. 2, погр. 3 и Арпачин II, кург. 6, погр. 5). Фриденбергское погребение, новоузенское, сооруженное в дромосной могиле, северное и арпачинское датируются по сопутствующему инвентарю IV в. до н. э. Весьма вероятно, что ложки с круглыми головками не выходят за рамки IV в. до н. э.

В то же время ложки 2 типа (рис. 25/2—8, 10—12, 15—17), изготовленные обычно из лопаток мелкого рогатого скота, широко распространяются уже в IV в. до н. э., о чем свидетельствуют находки в Лятошинском комплексе (кург. 5, погр. 10) вместе с железными браслетами, ранними типами бус и круглодонным сосудом с примесью талька, в Новоквасниковской (кург. 1, погр. 1) и Новоузенской (кург. 2, погр. 6—8) дромосных могилах с тальковой круглодонной керамикой, а также в Новоузенс-

ком погр. 19, кург. 1 с оружием IV в. до н. э. Этот тип ложек сохраняется и в более позднем погребении из Киляковки (кург. 4, погр. 5), где ложки найдены вместе с мечами с прямым перекрестьем и серповидным навершием, железными черешковыми стрелами, бусами, начинающими бытование не ранее рубежа IV—III вв. до н. э.

7. Камни и каменные изделия, положенные в погребения ритуальной целью

К категории ритуальных предметов, безусловно, относятся необработанные камни и гальки, положенные в могилу. Гальки хорошо известны в савроматское время на обширной территории от Дона до Приуралья, продолжают бытовать в раннесарматских погребениях, возможно, сменяясь на определенном этапе т. н. «молоточками». Изредка они обнаруживаются со следами обжига. Иногда вместо галек или вместе с ними клали необработанные камни.

В погребениях IV—III вв. до н. э. насчитывается 19 случаев нахождения необработанных камней и галек. Датированным материалом эти предметы, видимо, служить не могут. В то же время в хронологическом отношении определенный интерес представляют плоские камни-плитки из кург. 1, погр. 4 мог. Новоузенск и из кург. 14 Аксеновского II могильника. В Новоузенском комплексе найдено несколько плиток размерами 20—30 x 10 x 3 см, положенных у входа в подбой, в Аксеновском — плитка песчаника размером 8,5 x 6 x 1—1,2 см лежала под левым плечом погребенного, положенного по диагонали могилы. А.С. Скрипкин, анализируя сарматские памятники III в. до н. э. — I в. н. э., учел 30 комплексов, в которых найдены каменные плитки. Все эти комплексы отнесены им к группе I — начала II в. н. э. Для развитого раннесарматского этапа III—I вв. до н. э. они не характерны (Скрипкин А.С., 1990б, с. 100, 101, 164). В то же время эти плиты известны в савроматских памятниках Приуралья (Смирнов К.Ф., 1975, с. 36, 37, рис. 9/III). Погребение из Новоузенска представляет собой подбойное коллективное захоронение, стратиграфически и по инвентарю датированное IV в. до н. э. Диагональное захоронение Аксеновского II могильника по вещам и обряду также не выходит за рамки IV в. до н. э. Немногочисленность материала не позволяет формулировать серьезные выводы, но дает возможность высказать предположение, обратив внима-

ние на определенное совпадение. В V—IV вв. до н. э. в Приуралье и Поволжье появляются раннедиагональные погребения. В III—I вв. до н. э. они не известны, но возрождаются в среднесарматское время. То же самое происходит с каменными плитками. Не вдаваясь в подробности этой чрезвычайно сложной проблемы, хотелось бы лишь обратить внимание на синхронность бытования указанных явлений. Если они представляют собой элементы единой ритуальной системы, логично было бы предположить, что каменные плитки не встречаются позже IV в. до н. э. вплоть до I в. н. э., а значит могут служить хроноиндикаторами для определения раннепрохоровских комплексов.

К категории ритуальных предметов следует также отнести каменные, тальковые, сланцевые и глиняные изделия с отверстием в средней части, называемые обычно «молоточками» (рис. 28/1—3). Я не могу назвать ни одного комплекса IV в. до н. э. с такими предметами. Однако в Верхнем Балыклее (кург. 5, погр. 4) и Бережновке, II гр. (кург. 14, погр. 19) они обнаружены вместе с керамикой, имевшей тальковую примесь, орнамент в виде пучков вертикальных линий, и железными черешковыми наконечниками стрел. В Джангале (оз. Сарайдин, кург. 3, погр. 2) «молоточки» находились вместе с бронзовыми наконечниками стрел и мечом с прямым перекрестьем и серповидным навершием. Аналогичные комплексы есть и в Приуралье (Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 115, табл. XIII/8—20). Бронзовые наконечники стрел и тальковая примесь в глине сосудов не характерны для II—I вв. до н. э. Мечи с прямым перекрестьем и серповидным навершием, железные черешковые наконечники стрел и упомянутый орнамент на сосудах отсутствуют в твердо датированных погребениях IV в. до н. э. Поэтому, встреченные вместе в едином комплексе, они датируют названные погребения III в. до н. э. Соответственно, «молоточки», найденные в этих погребениях, позволяют датировать данную категорию вещей начиная с III в. до н. э. В границах III—I вв. до н. э. определяет время их бытования А.С. Скрипкин (Скрипкин А.С., 1990б, с. 164).

8 Портупейная гарнитура

Деталими костюма, связанными с воинской портупейной гарнитурой, можно считать ворворки, колчаные крючки и пряжки. Их связь со снаряжением воина подтверждается системати-

ческим совпадением перечисленных предметов с оружием в погребальном инвентаре. Наиболее полно представлены **ворворки** (рис. 27), встреченные в 21 погребении в количестве 53 экземпляров. Они изготовлены из бронзы, кости, железа и камня, оформляя, по всей видимости, окончания портупейных ремней. Функционально представляя собой пронизь, ворворки достаточно разнообразны по форме. Распространены обычные конические экземпляры, но зачастую с ними соседствуют воронкообразные, полусферические, розетковидные, цилиндрические, катушковидные или в виде полого боченка. Ворворки удобны для оформления окончаний портупейных ремней. Их находят рядом с мечами, колчанами и наконечниками копий в количестве от 1 до 4, но чаще всего попарно. В погребениях Новоникольского (кург. 3, погр. 3), Эльтона (кург. 10, погр. 9), Лятошинки (кург. 1, погр. 2), Новоузенска (кург. 1, погр. 17, 19, 20), Жутово (кург. 34, погр. 4, 6), Житкова II (кург. 3, погр. 2), Крепинского II (кург. 5, погр. 4), Северного (кург. 2, погр. 3), Терновского (кург. 9, погр. 7) могильников найдено по нескольку ворворок, в погребениях Могуты (кург. 8, погр. 3 и 4), Венгеловки (кург. 2, погр. 11) — по одной бронзовой ворворке. Рядом с наконечниками стрел находят чаще костяные ворворки. В том случае, когда меч и колчан уложены рядом, трудно соотнести ворворки с мечом или колчаном. Несколько ворворок найдено рядом с наконечниками копий. Эти ворворки изготовлены из бронзы или железа (Житков II, кург. 3, погр. 2; Арпачин II, кург. 6, погр. 5; Жутово, кург. 34, погр. 6). В комплексе из Новоузенска (кург. 2, погр. 8) рядом с колчанами обнаружены две железные пронизи цилиндрической формы, видимо, того же назначения (рис. 27/20, 21). Костяные полусферические и конусовидные предметы называют также пуговицами, пронизками, трубочками, но, находясь постоянно с предметами вооружения, они, видимо, выполняли роль ворворок (рис. 27/3, 17, 22—25, 30, 38, 39, 45—48, 50).

Ворворки из бронзы, кости, железа и золота довольно обычны в скифских памятниках (Галанина Л.К., 1977, табл. 5, 11, 12, 24, 26, 28, 29), встречаются в савроматских могилах междуречья Волги и Дона (Засецкая И.П., 1977, с. 215, 216), Заволжья и Приуралья (Смирнов К.Ф., 1961, рис. 8; 1977, рис. 9). Широкое распространение они получили в погребениях формирующейся ран-

несарматской культуры IV в. до н. э. в Приуралье, например в памятниках гр. Лапасина, кург. 1, погр. 3, 4; Новый Кумак, кург. 17; Мечетсай, кург. 8, погр. 1; Покровка II, кург. 23, погр. 6 и 10; Лебедевка VI, кург. 25, погр. 2 (Смирнов К.Ф., 1962, с. 90, 91; 1975, рис. 51; 1977, рис. 8/2; Яблонский Л.Т. и др., 1994, рис. 90/1—3, 92/13; Железчиков Б.Ф., 1992, рис. 2/19—22).

Начиная с рубежа IV—III вв. до н. э. количество ворворок резко сокращается. Они уже не встречаются комплектами, появляясь лишь в качестве исключений. В сводке А.В. Лукашова, опубликовавшего значительную часть раннесарматских мужских погребений с мечами, кинжалами и наконечниками стрел, комплект ворворок присутствует лишь в погребении IV в. до н. э. как группа с подчеркнуто воинскими чертами (Лебедевка VII, кург. 19, погр. 2) и одна костяная пронизь в погребении, датированном III—II вв. до н. э. из Калиновского могильника, кург. 19, погр. 17 (Лукашов А.В., 1986, с. 69—71). В этой сводке опубликовано 25 комплексов с полным набором вооружения, следовательно, можно констатировать, что в портупейной гарнитуре воина III—I вв. до н. э. наборы ворворок практически уже не применяются. Погребения с комплектом ворворок, названные в нашей работе, также по набору вооружения не выходят за пределы IV в. до н. э. Только два погребения — Венгеловка, кург. 2, погр. 11 и Калиновка, кург. 19, погр. 17, по наличию мечей с прямым перекрестьем и серповидным навершием и железным черешковым наконечникам стрел датируются более поздним временем, а по набору бронзовых наконечников стрел и плоскому зеркалу с плоской рукоятью (тип I.2) не выходят за рубеж III—II вв. до н. э. И, что показательно, в этих погребениях найдено лишь по одной ворворке. Таким образом, наличие комплекта ворворок (не менее двух) позволяет датировать раннесарматские погребения в пределах IV в. до н. э.

В тех редких случаях, когда сохраняются ремни портупей, ворворки оформляют окончания ременных завязок. Наличие нескольких ворворок с мечом и колчаном позволяет высказать предположение о том, что пояс или перевязь могли закрепляться узлом, а в III—I вв. до н. э. на смену ременным завязкам пришли бронзовые и железные пряжки, более удобные на практике и часто встречаемые в погребениях воинской аристократии.

Пряжки традиционно делят на два отдела по способу скрепления с ремнем: пряжки с неподвижным боковым выступом или крючком и пряжки с подвижным язычком.

Поскольку вторая группа бытует без особых изменений начиная с савроматского вплоть до позднесарматского времени (Мошкова М.Г., 1963, с. 40; Скрипкин А.С., 1990б, с. 97), будет правильным остановиться на рассмотрении пряжек I отдела, взяв за основу нумерацию типов, предложенную А.С. Скрипкиным (Скрипкин А.С., 1990б, с. 97).

Тип 1. Восьмерковидные пряжки, изготовленные из бронзы и железа, 4 экз. (рис. 28/4—7).

Тип 2. Кольцевидная фигурная бронзовая пряжка, 1 экз. (рис. 28/8).

Тип 3. Кольцевидные или подтреугольные железные пряжки с крючком, расположенным в одной плоскости с кольцом, 5 экз. (рис. 28/9).

Тип 4. Квадратная бронзовая пряжка-обойма из прямоугольной, согнутой пополам пластины, с отверстиями на лицевой и обратной плоскости, 1 экз. (рис. 28/10).

Две железные пряжки, овальные, сжатые в центре в виде восьмерки с крючком-выступом (Сайхин, кург. 1, погр. 5), и фрагментированная (Киляковка, кург. 4, погр. 5) могут быть суммарно датированы IV—III вв. до н. э. М.Г. Мошкова наметила начало их бытования с рубежа IV—III вв. до н. э., как и остальных, кроме бронзовых кольцевых, с неподвижным боковым выступом (Мошкова М.Г., 1963, с. 40, табл. 25). Пряжка из Киляковки в комплексе с мечами с серповидным навершием, бронзовым и железными черешковыми наконечниками стрел соответствует такой датировке. Но пряжка из сайхинского погребения может датироваться и более ранним временем — IV в. до н. э. Наличие в этом кургане, в погр. 1, предметов вооружения IV в. до н. э., бронзовые наконечники стрел со сводчатой головкой в погр. 5 и явная антропологическая близость погр. 1 и 5* позволяют предположить начало бытования железных пряжек этого типа с IV в. до н. э.

В то же время бронзовые восьмерковидные пряжки из Ви́зенмиллера, кург. 4, погр. 3 и Кривой Луки XVI, кург. 1, погр. 18,

* Благодарю за любезную консультацию М.А. Балабанову.

в комплексе с бронзовыми втульчатыми и железными черешковыми наконечниками стрел, безусловно, подтверждают наблюдение о начале бытования этих пряжек с III в. до н. э.

Тип 2 представлен единственной пряжкой из Кривой Луки XVI, кург. 1, погр. 20, синхронного погр. 18. Бронзовая фигурная пряжка в виде кольца с выступом, выполненная в зверином стиле, демонстрирует мотив горного козла с рогами, покрытыми рубчиками. Она имеет кнопку-выступ на обратной стороне головки козла и неподвижный язычок с противоположной стороны пряжки. Такие изображения козлов и пряжки характерны для тагарских и послетагарских изделий Южной Сибири (Членова Н.А., 1967, с. 117; Мартынов А.И., 1976, рис. 1/88). В сакских древностях Уйгарака также встречаются пряжки этого типа и другие с аналогичным оформлением в виде горных козлов (Вишневская О.А., 1973, табл. I/6, 19, табл. XVII/19). В погребении из Кривой Луки набор бронзовых втульчатых и железных черешковых наконечников стрел позволяет датировать погребальный комплекс, пряжку в том числе, III — началом II в. до н. э.

Отсутствие в изучаемых памятниках Нижнего Поволжья, относящихся к IV—III вв. до н. э., обычных кольцевых пряжек с выступами-пуговками и неподвижными язычками подтверждает датировку таких пряжек II—I вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1960, с. 297).

Пряжки 3 типа обычно датируют с рубежа IV—III вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1963, с. 40; Скрипкин А.С., 1990б, с. 171). Однако наличие такой пряжки в Новоникольской катакомбе, кург. 3, погр. 3, твердо определенной в границах IV в. до н. э. по сопутствующему инвентарю (Шилов В.П., 1975, с. 117, рис. 6/1; Мошкова М.Г., 1974, с. 13), позволяет удревнить начало бытования данного типа пряжек.

Пряжка 4 типа, происходящая из мог. Арпачин II, кург. 6, погр. 5, найденная вместе с мечом синдо-меотского типа и другим выразительным инвентарем, может быть датирована IV в. до н. э. (Максименко В.Е., 1983, с. 40). Такие пряжки-обоймы не характерны для Подонья и Поволжья, но хорошо известны точнее, в Приуралье и на Алтае, в комплексах конца VI — начала IV в. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1977, с. 26, рис. 11/22; 1981, с. 78—84, рис. 7/3, 9/8; Сорокин С.С., 1974, с. 91, рис. 5/9 и 7/7).

Кроме перечисленных типов в погребениях часто встречаются фрагментированные железные кольца, находимые в области пояса и на тазовых костях. Вероятно, они могли служить портупейными кольцами, хотя не исключено, что часть из них могла относиться к одному из типов железных пряжек.

Портупейный комплект включал в себя и **колчанные крючки**. По способу скрепления колчанного крючка с портупеей и по форме М.Г. Мошкова выделила три основных варианта (Мошкова М.Г., 1963, с. 35). Мы считаем возможным сохранить последовательность и характеристику типов, уточнив лишь, что в случае отсутствия видимых элементов крепления в основу распределения следует положить форму крючка.

Тип 1. Крючки, изготовленные из железной пластины с петлей на внутренней стороне. 3 экз. (рис. 29/1—3).

Тип 2. Крючки, изготовленные из железного стержня, верхний конец которого загнут кольцом. 7 экз. (рис. 29/4—10).

Тип 3. Крючки с раскованной в пластину или расширяющейся верхней частью стержня, иногда с отверстием для продевания ремня. 3 экз. (рис. 29/11, 12).

К перечисленным типам следует добавить *тип 4* — зооморфные бронзовые крючки, хорошо известные в донских, северокавказских и прикамских древностях. 1 экз. (рис. 29/13).

К 1 типу относится массивный железный крючок из погр. 9, кург. 10 у оз. Эльтон, найденный в раннедиагональном захоронении с комплектом вооружения, не выходящего за пределы IV в. до н. э. Близкий по форме эльтонскому крючку экземпляр из Тамбовского могильника (кург. 2, погр. 6) датируется по сопутствующему инвентарю рубежом IV—III вв. до н. э. — III в. до н. э. (Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996, с. 205, рис. 9/8). Форма и размеры крючка также близки крюку из кург. 3 гр. «Частые курганы», имевшему золотую обкладку на железной основе и датированному IV—III вв. до н. э. (Либеров П.Д., 1965, с. 30, табл. 31/10, 12). В кург. 4 у с. Березовка найден пластинчатый крюк без петли. Рядом пластина с загнутым краем, возможно, фрагментированный второй экземпляр. Ортогональное положение погребенных, меч синдо-меотского типа и бронзовые втульчатые наконечники стрел датируют комплекс IV в. до н. э. (Дремов И.И., 1997, с. 161, 162, рис. 4, 5).

Наиболее представительна серия колчаных крючков 2 типа, с загибом крюка и верхнего ушка в разных плоскостях. Такие изделия найдены в погр. 19, кург. 1 из Новоузенска с мечами, наконечниками стрел, комплектом ворворок и сосудом с тальком в тесте, позволяющими датировать весь комплекс IV в. до н. э. Такие же крючки из Торгунского, Бережновки и Кривой Луки с вещами рубежа IV—III вв. до н. э. — III в. до н. э. свидетельствуют о длительности бытования этого типа крючков. Крючки из Белокаменки и Соленого Займища с обломанной верхней частью, видимо, относятся к тому же типу. Аналогичные крючки из других нижневолжских раннесарматских захоронений датируются III—II вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1963, табл. 20/6, 7).

Тип 3 представлен крючком с круглой плоской верхней частью (Крепинский II, кург. 3, погр. 11) и крючком с уплощенной, расширяющейся вокруг сквозного отверстия, средней частью (Заплавное, кург. 6, погр. 2). Оба погребения датируются IV в. до н. э. (Максименко В.Е., 1983, с. 40, 41; Мошкова М.Г., 1974, с. 15). Аналогичный Крепинскому экземпляру колчаный крючок найден в погребении IV в. до н. э. из Новопавловского могильника, кург. 10, погр. 1 (Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996, с. 201, рис. 5/3). Крючки, очень близкие заплавненскому, известны в приуральских памятниках IV—III вв. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1975, рис. 42/8; 56/3; Мошкова М.Г., 1963, табл. 20/10).

Тип 4 представлен одним экземпляром из Старицы (кург. 4, погр. 6). Здесь найден литой бронзовый крючок, корпус которого трактован в виде опущенных книзу двух морд хищников, а сам крюк — как голова и часть корпуса орлиноголового грифона. Такие крючки характерны для среднедонских курганов, которые датируются не позднее рубежа IV—III вв. до н. э. (П.Д. Либеров, 1965, табл. 31, 32). Они известны и в савроматских комплексах конца V — IV в. до н. э. (Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 15/32, 33).

9. Украшения

Украшения представлены бронзовыми и железными браслетами, височными подвесками, гривнами, перстнями и бусами. Среди украшений скифо-сарматского времени **браслеты** достаточно хорошо представлены. Классификационная схема, разработанная на основе древнерусских браслетов (Арциховский А.В.,

1930; Левашова В.П., 1967) и используемая в скифской типологии (Петренко В.Г., 1978), вполне приложима к сарматским древностям. Согласно этой схеме браслеты делятся на два отдела: I — браслеты, согнутые из толстого стержня; II — браслеты, сделанные из пластины. В каждом отделе выделяются типы на основании формы концов браслета. Различия внутри типа определяют как варианты.

В погребениях IV—III вв. до н. э., исследованных на территориях Волго-Донского междуречья и Заволжья, браслеты обнаружены в 14 комплексах и могут быть распределены по типам в двух отделах.

Отдел I. Стержневые браслеты.

Тип 1 — браслеты из бронзового стержня в два с половиной оборота с приостренными концами. 2 экз. (рис. 30/1, 2).

Тип 2 — браслет из бронзового стержня в два с половиной оборота с прямыми обрубленными концами. 1 экз. (рис. 30/4).

Тип 3 — браслеты из бронзового или железного стержня в полтора оборота или с заходящими друг на друга тупо обрезанными концами. 9 экз. (рис. 30/3, 5, 6).

Тип 4 — браслеты из железного стержня с загнутыми наружу концами. 2 экз. (рис. 30/9, 10).

Тип 5 — бронзовые браслеты из уплощенно-овального стержня, концы завершены стилизованными головками хищников. 2 экз.

Кроме того, в 5 погребениях найдены фрагменты 9 железных и бронзового браслетов (рис. 30/7, 8).

Отдел II. Пластинчатые браслеты.

Представлен одним экземпляром, изготовленным из железной пластины, видимо, с разомкнутыми концами (рис. 30/11).

Деление металлических украшений по материалу изготовления считается несущественным (Лесман Ю.М., 1991, с. 305). Действительно, одни и те же типы браслетов могут быть изготовлены из меди, серебра, золота и железа, однако в отношении железных браслетов следует отметить их широкое распространение именно в раннесарматских памятниках.

Немногочисленные железные браслеты известны в сакских погребениях Уйгарака и Сакар-чага, где найдено по одному такому браслету (Вишневская О.А., 1973, с. 82; Яблонский Л.Т., 1996, с. 32). Редко встречаются они и в савроматских памятниках.

Едва ли не единственным комплексом конца VI — V в. до н. э. с железными браслетами на все Приуралье и Поволжье остается погр. 5, кург. 4 из мог. Бережновка II. Причем все браслеты представлены вариантом с несомкнутыми концами. Вариант с заходящими друг на друга концами вообще не встречается в VI—V вв. до н. э. В скифских памятниках Поднепровья эти браслеты появляются лишь с IV—III вв. до н. э. (Петренко В.Г., 1978, с. 53).

В раннепрохоровских погребениях, известных на пространствах от Урала до Дона, ситуация иная. С полной уверенностью можно назвать не менее 31 погребения с железными браслетами (Клепиков В.М., 1998, рис. 1). Почти все они относятся к отделу стержневых. Лишь браслеты из Лятошинки (кург. 5, погр. 7) и Муракаево (кург. 2, погр. 5) принадлежат к отделу пластинчатых, которые в скифских погребениях появляются с IV—III вв. до н. э. (Петренко В.Г., 1978, с. 57). Браслет из Муракаево по бронзовым наконечникам стрел, круглодонным сосудам с тальком в тесте, зеркалу с плоским диском и длинной боковой ручкой может быть отнесен к IV в. до н. э. (Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1977, с. 57, 58), а лятошинский браслет по железным черешковым трехлопастным наконечникам стрел — ко времени не ранее рубежа IV—III вв. до н. э. (Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995, с. 34).

Многие стержневые браслеты раннепрохоровских комплексов найдены в обломках и потенциально могут быть отнесены к любому варианту. Но в погребениях из Лятошинки (кург. 5, погр. 10), Лебедевки VI (кург. 25, погр. 1), Лебедевки VII (кург. 16, погр. 5), Жарсуат I (кург. 3, погр. 1 и 3), Сибай II (кург. 7 и 23, погр. 3), Линевского одиночного кургана (погр. 4) и Варны (кург. 3), где браслеты найдены в относительно целом состоянии, все они относятся к варианту с заходящими друг на друга концами (Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995, рис. 15/5, 16/7; Железчиков Б.Ф., 1992, рис. 2/3, 6; Пшеничнюк А.Х., 1983, табл. XLII/40, с. 113; Мещеряков Д.В., 1996, с. 48, рис. 6/4; Боталов С.Г., Таиров А.Д., 1996, рис. 5/4, 5). Ни одного целого браслета с несомкнутыми концами не обнаружено. Потому кажется возможным предположение о господстве именно этого варианта железных стержневых браслетов в раннепрохоровских комплексах.

Большинство из них найдено в женских погребениях. В трех мужских захоронениях браслеты имели иную форму — в погр. 3,

кург. 5 из Лятошинки найден пластинчатый браслет, в погребениях из Жутово, кург. 34, погр. 6 и Новоникольского, кург. 3, погр. 3 обнаружены одинаковые браслеты редкой формы. Они изготовлены из железного прута сечением 1 см и диаметром браслета 10 см с загнутыми наружу концами (Шилов В.П., 1975, с. 6, рис. 5/6). Размеры и толщина стержня обычны для ножного браслета. Ручные браслеты имеют диаметр до 7,5 см, стержень сечением до 0,7 см. Аналогии Новоникольскому и Жутовскому браслетам мне неизвестны. Не исключено, что сомнения исследователей в атрибуции таких предметов, как браслеты, вполне обоснованны (Мошкова М.Г., 1974, с. 13).

Определяя хронологию железных стержневых браслетов с заходящими друг на друга концами для раннесарматских памятников, исследователи помещают их в рамки IV—III вв. до н. э. (Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 113). Сюда же относят и фрагментированные браслеты раннесарматских комплексов. Собранные вместе, эти памятники позволяют уточнить датировку. Браслеты встречены в раннедиагональных погребениях могильников Жарсуат (кург. 3, погр. 1 и 3), Леканды (кург. 4, погр. 2), НовоМурапталово VII (кург. 1, погр. 1), Филипповка (кург. 24, погр. 3), в дромосной могиле Филипповки (кург. 7), в катакомбах Новоникольского (кург. 3, погр. 3), Лятошинки (кург. 5, погр. 10), Мошкова (кург. 3, погр. 3), в подбойных захоронениях Кривой Луки XVI (кург. 10, погр. 2), Лятошинки (кург. 5, погр. 8), Мечетсая (кург. 8, погр. 2), Альмухаметово (кург. 6), в широких прямоугольных ямах с коллективными захоронениями из могильников Близнецы (кург. 1, погр. 4), Мечетсай (кург. 8, погр. 1), Сибай II (кург. 7), Муракаево (кург. 2, погр. 5), Жутово (кург. 34, погр. 4, 6), Ясырев (кург. 1, погр. 2) и в узких простых ямах с южной ориентировкой погребенных из Быково (кург. 26, погр. 4), Лебедевки VI (кург. 25, погр. 1), Лебедевки VII (кург. 16, погр. 5), Тавлыкаево IV (кург. 2) с хронологически значимым инвентарем. Это круглодонные сосуды с орнаментальным фризом по плечикам и тальком в тесте, бронзовые втульчатые наконечники стрел со сводчатой головкой, иногда бронзовые черешковые, зеркала с плоским диском и плоской же боковой ручкой, глазчатые, пирамидальные и золотые полые бусы ранних форм, дисковидные пряслица. В том случае, если в коллективном погребении находился мужчина с мечом, меч все-

гда был или с согнутым под углом перекрестьем или с прямым навершием и перекрестьем. По сопутствующему инвентарю эти погребения можно датировать преимущественно IV в. до н. э. В перечисленных погребениях нет ни одного случая нахождения мечей с прямым перекрестьем и серповидным навершием, костяных отполированных проколов с выступом и отверстием на конце, глиняных лепных сосудов с прочерченными вертикальными пучками линий, бронзовых зеркал с валиком по краю и ручкой-штырем, костяных наверший гребней, молоточковидных предметов, коралловых веточек-подвесок, дисковидных гешировых бус и бус с внутренней позолотой. Все эти предметы, характерные для раннесарматской археологической культуры начиная с III в. до н. э., не встречаются с железными браслетами, хотя сопутствующий инвентарь названных погребений отнюдь не беден. Единственным исключением из правила стало погр. 41 кург. 8 из Калиновского могильника (Шилов В.П., 1959, с. 354, 458, рис. 41/23). В узкой прямоугольной впускной яме лежал скелет женщины с железным стержневым браслетом на правом запястье и набором бус, среди которых следует выделить стеклянные с внутренней позолотой и дисковидные гешировые, известные в Северном Причерноморье с III в. до н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 14, 28). Погребение стратиграфически перекрывалось раннесарматскими захоронениями по кольцу, и может быть датировано III—II вв. до н. э. Развитая раннесарматская культура представлена в погребальных памятниках достаточно широко, но среди многочисленных погребений III—I вв. до н. э. браслет из Калиновки остается единственным экземпляром. Возможно, такие браслеты сохранялись иногда с прежних времен, может быть это дериват браслетов IV в. до н. э. Здесь важно подчеркнуть, что железные стержневые браслеты с заходящими друг на друга концами для развитой раннесарматской культуры — анахронизм, не определяющий времени бытования. Все остальные комплексы позволяют поместить этот вариант браслетов в границах IV в. до н. э. — времени формирования раннесарматской культуры.

Показателен также ареал распространения данного вида украшений. В Приуралье и Зауралье насчитывается не менее 20 памятников IV в. до н. э. с железными браслетами (мог. Лебедевка, Жарсуат, Филипповка, Линевка, Близнецы, Мечетсай, Черный Яр, Новый Кумак, Ново-Мурапталово, Тавлыкаево, Ле-

канды). В Заволжье можно назвать 6 случаев нахождения железных браслетов IV в. до н. э. (мог. Новоникольское, Быково, Лятошинка, гр. Мошкова), на правом берегу Волги — один случай (мог. Кривая Лука), на донском левобережье — два случая нахождения браслетов в погребении у хут. Ясырев (кург. 1, погр. 2) в комплексе, который связывают с проникновением «сирматского» компонента в Подонье (Мошкова М.Г., 1977, с. 208—212; Максименко В.Е., 1983, с. 127), и у пос. Жутово (кург. 34, погр. 4, б) в парном захоронении, ошибочно определенном как два погребения. В Поднепровье, где известна серия железных браслетов IV—III вв. до н. э., большинство из них представлены другими типами — с шишечками на концах, с головками змей или расплюснутыми концами. Железные стержневые браслеты с заходящими друг на друга концами на этой территории редки (Петренко В.Г., 1978, с. 49—56).

Все вышеизложенное позволяет предположить, что именно Уральские степи были той областью, где эти браслеты получили широкое распространение в IV в. до н. э. Было ли это как-то связано с процессом формирования раннесарматской культуры или на Южном Урале распространилась некая локальная мода, или же здесь функционировал определенное время какой-то ремесленный центр, специализировавшийся на изготовлении этого типа браслетов — неизвестно. В то же время железные браслеты 3 типа из раннесарматских комплексов можно достаточно уверенно датировать IV в. до н. э. К этому же времени могут быть отнесены редкие браслеты 4 типа.

Все остальные типы браслетов, как и бронзовые 3 типа, были распространены и в более позднее время, вплоть до II—IV вв. н. э. (Шилов В.П., 1959, с. 464; Симоненко А.В., 1993, с. 88, 93, 102).

Серьги или височные подвески, найденные попарно или по одной, встречены в 11 погребениях. В 10 из них подвески представлены одним типом в форме кольца с заходящими друг на друга концами или спирали в полтора оборота. Их находят обычно под височными костями погребенных. Подвески изготовлены из бронзы, серебра или золота. Различаются они и по размерам, распадаясь на две группы: 1) с диаметром колец от 2,5 до 4 см (рис. 30/12—14); 2) с диаметром 1—1,2 см (рис. 30/15, 16).

Подвески первой группы найдены в мог. Лятошинка (кург. 5, погр. 8) и гр. Мошкова (кург. 3, погр. 2) вместе с железными браслетами, в диагональном погребении из Новоузенска (кург. 1, погр. 13) с характерной для IV в. до н. э. круглодонной керамикой, мог. Тузлуки (кург. 5, погр. 2) и в погребении из Азова (кург. 2, погр. 3), с бусами, плоским зеркалом с боковой ручкой и античной керамикой, датирующейся IV в. до н. э. (Максименко В.Е., 1983, с. 37, 41, рис. 26/5, 31/19).

Подвески второй группы найдены в погребениях из Усатово, северн. гр. II (кург. F19, погр. 1), Белокаменки (кург. 1, погр. 3 и кург. 6, погр. 5) и Старицы (кург. 42, погр. 2 и 3) вместе с бронзовыми и железными черешковыми наконечниками стрел, зеркалами с валиком и ручкой-штырем, со стеклянными бусами с металлической прокладкой, гешировыми дисковидными бусами и гончарным сосудом. Все эти предметы позволяют датировать 2 группу временем с рубежа IV—III вв. до н. э. и позже. Таким образом, отчетливо прослеживается хронологическая разница размерных значений височных подвесок. Она была отмечена М.Г. Мошковой, выделившей кольца-сережки диаметром 1,9—3,4 см в рамках IV в. до н. э., а более мелкие — 1—1,5 см — начиная с конца IV—III вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1963, с. 44). Эта закономерность подтверждена последующими исследованиями как на Южном Урале (Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 112), так и на Нижнем Дону (Максименко В.Е., 1983, с. 94).

В то же время следует заметить, что, хотя крупные подвески 3—4 см диаметром действительно прекращают бытование с рубежа IV—III вв. до н. э., маленькие имеют более широкие хронологические рамки. Они изредка встречаются начиная с савроматского времени синхронно с крупными, но затем полностью сменяют их и сохраняются в погребальном инвентаре вплоть до I—II вв. н. э. (Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 25/17, 18; Смирнов К.Ф., 1975, рис. 43/2, 46/1, 47/4; Симоненко А.В., 1993, с. 70).

Иного типа бронзовая подвеска найдена в кург. 10, погр. 2 из Кривой Луки XVI, с грибовидной головкой, утолщением на стержне и длинным острым концом, согнутым в петлю (рис. 30/17). Она обнаружена у бедра погребенного, а не у виска, как остальные. Как серьга или подвеска она не имеет аналогий, но чрезвычайно близка по форме и размерам бронзовым скифским булавам (Пет-

ренко В.Г., 1978, табл. 7). В данном случае возможно как вторичное использование булавки в качестве серьги, так и ошибка в атрибуции деформированного предмета.

В трех женских погребениях найдены **гривны**. Две из них изготовлены из медной проволоки с заходящими друг на друга концами (Лятошинка, 5/8, Новоузенск, 1/18). У лятошинской гривны концы загнуты крючками для сцепления, у новоузенской концы прямые. Третья гривна (Высочино, 17/3) была изготовлена из серебряного прута с золотым покрытием, со слегка расширяющимися концами (рис. 30/18—20). Такие гривны можно отнести к разряду наиболее простых, самых распространенных типов гривен, встречаемых в скифских, савроматских и сарматских комплексах на протяжении длительного времени (Смирнов К.Ф., 1964а, с. 143; Мошкова М.Г., 1963, с. 43; Петренко В.Г., 1978, с. 46; Шилов В.П., 1959, с. 463; Гушина И.И., Засецкая И.П., 1994, с. 16).

Перстни из 6 погребений могут быть подразделены на 4 типа:

1) бронзовые кольца, изготовленные из проволоки с заходящими друг на друга концами, 2 экз. (Калиновка, кург. 27, погр. 2) (рис. 31/1, 2);

2) серебряное кольцо, изготовленное из проволоки в виде 4-витковой спирали, 1 экз. (Высочино VII, кург. 17, погр. 3) (рис. 31/3);

3) железный и бронзовый перстни с плоским овальным щитком, 2 экз. (Новоникольский, кург. 3, погр. 3; 15 поселок, кург. 1, погр. 1);

4) золотые перстни, свернутые из тонкой проволоки, концы которой заходят друг на друга, а противоположная сторона расклепана в виде овального выпуклого щитка, 3 экз. (Бережновка II, кург. 14, погр. 21; Белокаменка, кург. 6, погр. 5) (рис. 31/4, 5).

Перстни трех первых типов встречаются на протяжении раннесарматского и среднесарматского периодов (Шилов В.П., 1959, с. 438, 436; Мошкова М.Г., 1963, с. 44; Смирнов К.Ф., 1975, с. 158; Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 113; Максименко В.Е., 1983, с. 94; Гушина И.И., Засецкая И.П., 1994, с. 16). Аналогичные перстни были распространены и в скифском мире (Петренко В.Г., 1978, с. 59—62).

В то же время золотые перстни 4 типа имеют более узкие хронологические рамки. В классификации В.Г. Петренко они отнесены к отделу I, типу 6, варианту «е» и датируются IV—III вв. до н. э. (Петренко В.Г., 1978, с. 61, табл. 51/31). В заволжских погребениях перстни 4 типа также не выходят за предложенные временные границы, возможно, даже сужая их для конкретных памятников. В Бережновском и Белокаменском погребениях находились однотипные зеркала с валиком по краю и ручкой-штырем. В Белокаменке в состав инвентаря входил красноглиняный сосуд IV—III вв. до н. э. и бусы, гагатовые и с металлической прокладкой, появляющиеся не ранее рубежа IV—III вв. до н. э. Бережновское погребение стратиграфически представляется одновременным погребениям 19 и 22, где найдены сосуды с примесью талька в тесте (Мошкова М.Г., 1963, с. 24, 30, табл. 6/4, 12/26). Тальковая керамика, распространенная в приуральских комплексах IV—III вв. до н. э., в сочетании с бусами и зеркалами, бытующими с рубежа IV—III вв. до н. э., датирует данные погребения в рамках III в. до н. э.

Традиционной категорией украшений являются **бусы**, позволяющие в их сочетании видеть хронологически значимые группы. В погребениях Заволжья и Волго-Донского междуречья бусы встречены в 41 погребении.

Типология бус Северного Причерноморья фундаментально разработана Е.М. Алексеевой и вполне правомерно используется для характеристики сарматского материала, поэтому характеризуемые нами бусы будет наиболее продуктивно описывать, опираясь на существующую классификацию. При всем обилии типов и разнообразии материала временные рамки большинства бус достаточно широки, поэтому без специального технологического анализа многие хронологические построения будут малодостоверны. К тому же на начальном этапе раннесарматской культуры бусы в комплексах немногочисленны или единичны, что не позволяет выявить характер их взаимовстречаемости. В силу вышесказанного, кажется возможным дать общую характеристику бус по группам с общим орнаментом и материалом изготовления, выделяя по мере возможности те немногочисленные типы и их сочетания, которые могут служить хроноиндикаторами в рамках поставленной задачи.

Группа 1. Стекланные бусы с глазчатым орнаментом. Они представлены в 12 погребениях экземплярами зонной и цилиндрической формы, диаметром 0,9—3,8 см, длиной 0,6—2,3 см (рис. 31/6—13). В основном это синие и голубые бусы с синими глазками в белых ободках. В Старице (кург. 4, погр. 6) встречена голубая бусина с синими глазками в светло-коричневом ободке, в Высочино (кург. 17, погр. 3) найдено 7 бусин с зелеными глазками в желтых ободках. Разнообразие глазчатых орнаментов представлено в кургане у хут. Капитанский (кург. 7, погр. 1): цилиндрическая бусина с двумя перехватами из желтого непрозрачного стекла с рядами синих глазков в светлых ободках, две уплощенно-цилиндрические бусины из коричневого стекла с двумя продольными рядами глазков зеленого цвета, две зонные бусины голубоватого стекла с тремя голубыми глазками в белых одинарных и двойных ободках, голубая зонная бусина с уплощенными боками, на которых помещены желтые крупные глазки в белых ободках, аналогичные бусины из коричневого стекла с голубыми глазками в белых ободках и черным глазком с белыми точками по краям. Большинство глазчатых бус соответствует или близко типам 27в, 33а, ц, 54в, 78а, по классификации Е.М. Алексеевой, и датируются соответственно: 27в — IV—III вв. до н. э., 33а — начиная с VI—V вв. до н. э. по I в. н. э., 33ц — данных нет, 54в — IV—I вв. до н. э., с преобладанием в IV—III вв. до н. э., 78а — с V в. до н. э. по II в. н. э. (Алексеева Е.М., 1975, с. 60—62, 65, 68).

Группа 2. Стекланные бусы с фестонобразными орнаментами, найдены в 6 погребениях (рис. 31/14—16). Эти бусы имеют округлую или боченковидную форму, диаметр 0,9—1,3 см, длину 1—1,8 см, синего, черного и коричневого цветов с белыми или желтыми фестонами. Они соответствуют типам 259а, 264а и 269, датированным IV—III вв. до н. э. и III в. н. э., второй половиной VI—I вв. до н. э., IV—III вв. до н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 48).

Группа 3. Стекланные одноцветные бусы:

а) среди них выделяются изделия в виде сосудиков или кеглевидной формы, изготовленные из белого или бесцветного стекла (рис. 31/17—19). Они встречены в трех погребениях, соответствуют типу 193д и датированы IV—III вв. до н. э. и I в. н. э. Близкая им по форме бутылкообразная бусина найдена в Береж-

новке II, кург. 85, погр. 2 (рис. 31/20), тип 193г, датируемый II—I вв. до н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 74);

б) бусы пирамидальной формы с отверстием у вершины белого или синего цвета (рис. 31/21—23), найдены в трех погребениях, соответствуют типам 113, 115, датированным IV—III вв. до н. э. и IV в. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 69);

в) бусы топориковидной формы синего цвета (рис. 31/24, 25). Аналогичные, но полихромные бусы учтены Е.М. Алексеевой, тип 184, датированный временем позднего эллинизма (Алексеева Е.М., 1978, с. 42, 43);

г) удлинённые подвески синего стекла, близкие по форме типам 164, 165 (рис. 31/26), датированы соответственно IV—III вв. до н. э. и I в. н. э., а также II в. до н. э., I—III вв. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 72);

д) бусы в форме параллелепипедов из бесцветного стекла из 2-х погребений (рис. 31/27, 28), тип 111, дата III в. до н. э. — III в. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 69).

Кроме того, встречается много одноцветных стеклянных бус мелких размеров, яйцевидной, округлой, кольцевидной, боченковидной, цилиндрической форм белого глухого и прозрачного, коричневого, синего, желтого, зеленого цветов, широко распространенных на протяжении всей савромато-сарматской эпохи. К ним примыкает бисер, тип 166 (Алексеева Е.М., 1978, с. 72).

Группа 4. Стеклянные бусы с внутренней металлической прокладкой найдены в трех погребениях (рис. 31/29, 30). Они округлые, диаметром 3—6 мм, тип 1а, бытуют с III в. до н. э. по IV в. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 29).

Группа 5. Короткоцилиндрические, дисковидные бусы из гагата (рис. 31/31, 32), найденные в шести погребениях, имеют диаметр 3—7 мм, соответствуют типу 27а и датируются в хронологических рамках III в. до н. э. — IV в. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 14).

Группа 6. В данную группу объединены бусы и подвески, изготовленные из полудрагоценных камней и прочих редких материалов:

а) округлые бусы из сердолика (рис. 31/33) найдены в погребении из Старицы (кург. 4, погр. 6), наиболее близки типу 2а и датируются III в. до н. э. — III в. н. э. (Алексеева Е.М., 1982, с. 15);

б) бусы из агата, найденные в Усатово (кург. F19, погр. 1), в публикации не описаны (Синицын И.В., 1947, с. 62), но, по мнению Е.М. Алексеевой, в целом агатовые бусы и пронизи характерны для памятников второй половины IV — III в. до н. э. и I—III вв. н. э. (Алексеева Е.М., 1982, с. 20);

в) каменные бусы (песчаник, мергель), украшенные продольными и круговыми бороздками в виде сетки (рис. 31/34, 35), в классификации Е.М. Алексеевой отсутствуют. В то же время песчаниковая фрагментированная бусина, окрашенная зеленой краской, диаметром 2,2 см, и бусина из мергеля диаметром 1,2 см, найденные в Жутово (кург. 34, погр. 6) и в Старице (кург. 4, погр. 6), могут быть датированы по сопутствующему инвентарю IV в. до н. э.;

г) коралловая веточка — подвеска, найденная в Белокаменке (кург. 1, погр. 3), соответствует типу 9 и датируется с III—II вв. до н. э. по III в. н. э. (Алексеева Е.М., 1982, с. 30).

В этих наборах бус большинство типов не могут служить хроноиндикаторами. Однако следует отметить тот факт, что стеклянные бусы с внутренней позолотой, агатовые дисковидные бусы и коралловые веточки-подвески не известны в комплексах IV в. до н. э., начинают бытовать с III в. до н. э., а следовательно могут быть использованы для выделения памятников III в. до н. э.

Сложнее с сердоликовыми бусами. Они найдены в комплексе с бронзовым зооморфным крючком, время бытования которого не выходит за пределы рубежа IV—III вв. до н. э. (см. выше). Е.М. Алексеева отметила отсутствие сердоликовых бус типа 2а в IV в. до н. э. в некрополях Северного Причерноморья. Однако бытование бус типа 2г фиксируется с конца VI — V в. до н. э. вплоть до эпохи эллинизма (Алексеева Е.М., 1982, с. 14—16). Вполне возможно, что и близкие им бусы типа 2а начинают использоваться ранее отмеченного рубежа.

Следует также уточнить время бытования бус-подвесок т. н. кеглевидной формы (тип 193д), датируемых Е.М. Алексеевой IV—III вв. до н. э. М.Г. Мошкова отметила их нахождение в комплексе IV в. до н. э. в Приуралье (Мошкова М.Г., 1963, с. 45, табл. 31/30, 31). В.Е. Максименко расширил время существования таких бус с V по III—II вв. до н. э., сославшись на материалы Беглицкого некрополя и сарматские комплексы, опубликованные в вышеупомянутой работе М.Г. Мошковой (Максименко В.Е., 1983, с. 93).

Но погребение 10 Беглицкого некрополя с такими бусами датировано самим автором по гераклейской амфоре первой половины III в. до н. э., а в подписи под рисунком — IV в. до н. э. (Максименко В.Е., 1983, с. 34, рис. 21). К тому же его ссылка на поздние сарматские комплексы неверна, т. к. имеется ввиду Матвеевский курган 3, уверенно датированный М.Г. Мошковой IV в. до н. э. (Мошкова М.Г., 1963, с. 18). Кроме того, гераклейские амфоры с клеймами IV—V групп по классификации И.Б. Брашинского к настоящему времени передатированы в сторону удешевления и определены в границах конца IV — первой четверти III в. до н. э. (Брашинский И.Б., 1980, с. 39). Датировка Е.М. Алексеевой также основана на материалах погребения 10 Беглицкого некрополя и погр. 2, кург. 3 мог. Бранное поле с аналогичной гераклейской клейменной амфорой (Алексеева Е.М., 1978, с. 74, 76; Яковенко Э.В., Черненко Е.В., Корпусова В.Н., 1970, с. 138—140, рис. 2/6, 3/2). Учитывая резкое сокращение гераклейского импорта в Северное Причерноморье на рубеже IV—III вв. до н. э. (Брашинский И.Б., 1980, с. 40; 1984, с. 152—154), логично предположить, что и бусы типа 193д, встреченные вместе с амфорным материалом, не выходят за пределы начала III в. до н. э. Этот вывод подтверждается опубликованным новым раннесарматским материалом Приуралья и Нижнего Поволжья (Мошкова М.Г., Кушаев Г.В., 1973, рис. 4/5; Смирнов К.Ф., 1975, рис. 31/1, 2; Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995, рис. 16/5, 6; Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., Малашев В.Ю., 1996, рис. 70/7; Мещеряков Д.В., 1996, рис. 13/12). Таким образом, бусы-подвески в виде сосудиков кеглевидной формы типа 193д могут служить хроноиндикаторами для выделения раннесарматских комплексов IV — начала III в. до н. э. Следует также отметить, что ни в одном погребении развитой раннесарматской культуры такие бусы уже не встречаются. Не позже рубежа IV—III вв. до н. э. датируются эти бусы и в комплексах кобанской культуры на Кавказе (Козенкова В.И., 1982, с. 63, 65, табл. XXXIX/34).

ГЛАВА II.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ IV—III ВВ. ДО Н. Э.

Основные категории вещей начального этапа раннесарматской культуры традиционно датируются в границах IV—III вв. до н. э. При этом ряд вещей достаточно определенно используется как хроноиндикатор IV в. до н. э., чему в немалой степени способствует передатирование скифских комплексов эталонного характера с IV—III вв. до н. э. на IV в. до н. э. (Алексеев А.Ю., 1992, с. 144—157). Но эта же причина лишает III в. до н. э. в раннесарматской хронологической шкале прочного фундамента, который восстанавливается в памятниках начиная лишь со II в. до н. э. (Полин С.В., 1989, с. 6—9, 15; Полин С.В., Симоненко А.В., 1990, с. 76—93; Симоненко А.В., 1993, с. 20—29, 104—112).

Проблема выделения памятников III в. до н. э., как представляется, связана не с отсутствием самих памятников III в. до н. э., а с тем обстоятельством, что обрядовый погребальный комплекс раннесарматской культуры окончательно сложился уже к концу IV в. до н. э. (Мошкова М.Г., 1974, с. 10, 47) и без кардинальных изменений практиковался на протяжении всего раннесарматского времени. Большинство вещей, производимых в собственно сарматской среде, продолжали бытовать на протяжении нескольких веков, сохраняя традиционный облик и технологию. Античные же вещи, служащие основой для датировок, в кризисной ситуации начала — первой половины III в. до н. э. в Северном Причерноморье (Марченко К.К., 1996, с. 71) проникали в быт новой волны кочевников крайне нерегулярно, пока сарматы не освоили степи Северного Причерноморья и не наступил очередной этап стабилизации. В такой ситуации поиски эталонных памятников III в. до н. э. кажутся бессмысленными.

В этих условиях единственно возможным представляется использование т. н. метода «зажатых» датировок, поскольку существуют хорошо датированные вещевые комплексы IV и II—I вв. до н. э. При сравнительном анализе этих хронологических пластов можно выделить категории вещей, которые представлены в IV в. до н. э., но отсутствуют во II—I вв. до н. э., и наоборот. Если вещи первого списка встречаются в комплексе с вещами второго списка, логично предположить возможность прекращения бытования первых и появления вторых в нефиксируемом промежутке III в. до н. э. Следовательно, сочетание в закрытом комплексе вещей раннего и позднего этапов раннесарматской культуры позволяет выделять конкретные памятники III в. до н. э. (рис. 34, 35).

Список вещей IV в. до н. э., неизвестных в хорошо датированных памятниках II—I вв. до н. э., может быть представлен следующей номенклатурой:

1) мечи и кинжалы 1 и 2 типов I отдела, все типы мечей II и III отделов и 1 типа IV отдела; 2) железные дротики с коротким треугольным и жаловидным пером и удлиненной втулкой; 3) железные втоки копий; 4) бронзовые трехгранные и трехлопастные втульчатые наконечники стрел; 5) железные втульчатые наконечники стрел I отдела; 6) железные черешковые наконечники стрел I отдела; 7) костяные втульчатые и плоские черешковые наконечники стрел; 8) лепная керамика с тальком в тесте; 9) лепная круглодонная керамика; 10) античные гончарные кувшины IV—III вв. до н. э.; 11) деревянные сосуды с золотыми обкладками; 12) железные S- и C-видные двудырчатые псалии с восьмеркообразной плоской средней частью и шишечками или шляпками на концах; 13) бронзовые зеркала I, II и V отделов; 14) костяные ложки 1 типа; 15) плоские камни-плитки; 16) бронзовые ворворки; 17) бронзовые пряжки 4 типа; 18) колчаные крючки 1, 3 и 4 типов; 19) железные браслеты 3 и 4 типов; 20) височные подвески 1 группы; 21) золотые перстни 4 типа; 22) бусы групп 3а (тип 193д), 3б (тип 113), 6в (рис. 33а, б).

Список вещей, известных в датированных комплексах II—I вв. до н. э., которые могли появиться и в III в. до н. э., но не представлены в погребениях IV в. до н. э.:

1) мечи и кинжалы 3 типа I отдела, 2, 3 и 4 типов IV отдела; 2) железные черешковые наконечники стрел II отдела; 3) лепные раннесарматские сосуды, орнаментированные по ту-

лову пучками вертикальных линий (т. н. «полотенцами»); 4) бронзовые зеркала III и IV отделов; 5) костяные проколки 2 группы; 6) каменные, сланцевые, тальковые и глиняные изделия (т. н. «молоточки»); 7) бронзовые пряжки 1 типа; 8) бусы групп 4 (тип 1а), 5 (тип 27а), 6г (рис. 33в).

Таблица взаимовстречаемости вещей первого и второго списков в погребениях IV—III вв. до н. э., где по вертикали расположены погребальные комплексы этого времени, а по горизонтали последовательно категории вещей первого и второго списков, позволяет выделить список погребений, датируемых преимущественно III в. до н. э. (рис. 32), а также в номенклатуре первого списка определить ту часть, которая не выходит за пределы IV в. до н. э. (рис. 33а).

Для того чтобы логика выделения памятников III в. до н. э. была более наглядной, следует привести ряд примеров. В 1984 г. у оз. Эльтон был раскопан курган 13, где в подбойном погребении 2 головой на ЮЮЗ лежал скелет мужчины. Вдоль правого бедра был положен железный кинжал с прямым перекрестьем. Наверх не сохранилось. У колена левой ноги найден пучок бронзовых и железных наконечников стрел: 3 бронзовых трехлопастных с треугольной головкой, внутренней втулкой и опущенными вниз жальцами, 18 железных трехлопастных с длинным черешком и 8—9 железных трехлопастных втульчатых с массивной сводчатой головкой. Во втулки вставлены длинные железные стержни (т. н. «утяжелители древков»). Рядом лежала полированная костяная проковка с Г-образным выступом на тупом конце и сквозным отверстием. В ногах обнаружен развал лепного сосуда. Сочетание наконечников стрел в наборе позволяет датировать погребение III в. до н. э. Следует указать, что в насыпи кургана вместе с обломками плоскодонного лепного сосуда найдены остатки железного уздечного набора, в составе которого были два двудырчатых псаля с восьмерковидной уплощенной средней частью. В 1987 г. у с. Белокаменка в кург. 3, погр. 7 было исследовано захоронение в подбое. У погребенного мужчины, ориентированного головой на СЗ, рядом с левым коленом лежал набор стрел: 5 бронзовых трехлопастных с внутренней втулкой, 1 трехгранный с короткой выступающей втулкой и 5 железных трехлопастных черешковых. В том же могильнике, кург. 6, погр. 5, в подбойной могиле найден женский костяк, ориентированный на

ВЮВ. У головы погребенной стоял красноглиняный гончарный кувшин, под шейными позвонками лежало бронзовое зеркало с боковой ручкой-штырем и валиком по краю, на пальцах правой руки — золотой перстень из раскованного прута с овальным щитком и несомкнутыми концами, на шее, вокруг запястий и стоп собраны гешировые дисковидные и стеклянные с внутренней позолотой бусы, в ногах — бронзовый котел. Красноглиняный гончарный кувшин с туловом яйцевидной формы на поддоне не находит прямые аналогии среди хорошо датированных сосудов античных центров Северного Причерноморья. Он относится к типу II, выделенному С.И. Капошиной и датированному второй половиной IV в. до н. э. (Капошина С.И., 1959, с. 137, рис. 44/1—4). Материалы Ольвийского некрополя расширяют эту дату в интервале IV—III вв. до н. э. (Парович-Пешикан М.Б., 1974, с. 96—98). Найденный в погребении из Белокаменки золотой перстень также датируется IV—III вв. до н. э. (Петренко В.Г., 1978, с. 61, табл. 51, 31). Найденные здесь же гешировые дисковидные бусы и стеклянные бусы с внутренней позолотой, получившие широкое распространение лишь с III в. до н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 14, 28), и зеркало с валиком и ручкой-штырем позволяют сузить хронологические рамки погребения до III в. до н. э. Котлы с бокаловидным туловом и вертикальными ручками, украшенными одним гвоздевидным отростком, имеют аналогии в савроматских памятниках Приазовья, Поволжья и Приуралья V—IV вв. до н. э., но бытуют вплоть до II в. до н. э.

Золотые перстни, аналогичные вышеописанному, найдены в Бережновке II, кург. 14, погр. 21, вместе с зеркалом, однотипным Белокаменскому (Синицын И.В., 1960, с. 25, 27, рис. 7/8, 8/4). Такое сочетание позволяет датировать Бережновское погребение также III в. до н. э.

Примером выделения комплексов IV в. до н. э. могут служить недавно опубликованные материалы из Заволжья и Волго-Донского междуречья (Клепиков В.М., 1999, с. 62—74).

В то же время следует подчеркнуть, что распределение их на IV и III вв. до н. э. приблизительно и скорее может выглядеть следующим образом: первый этап — IV — начало III в. до н. э., второй — III — начало II в. до н. э. (Клепиков В.М., Скрипкин А.С., 1997, с. 38). Обоснование таких временных рамок будет дано ниже.

Включение в раннюю и позднюю группу погребений, не имеющих «узкой» датировки, но стратиграфически определяемых как одновременные, позволяет составить списки памятников для их сравнительной характеристики (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

Список погребений IV в. до н. э.

№ п/п	Памятник	№№ курганов и погребений	Литература, архивные материалы
1	2	3	4
1	Новоникольское	к. 3, п. 3	Шилов В.П., 1975
2	Сайхин (сев.-вост. гр.)	к. 1, п. 1	Синицын И.В., 1959
3	Сайхин (сев.-вост. гр.)	к. 1, п. 5	Синицын И.В., 1959
4	Молчановка I	к. 5, п. 1	Синицын И.В., 1959
5	Калиновка	к. 27, п. 2	Шилов В.П., 1959
6	Фриденберг I	к. 5, п. 2	Рыков П.С., 1926
7	Могута	к. 8, п. 3	Скрипкин А.С., 1976, Отчет...
8	Могута	к. 8, п. 4	Скрипкин А.С., 1976, Отчет...
9	Новая Квасниковка	к. 1, п. 1	Ляхов С.В., 1994, 1997
10	Бородаевка	к. 3, п. 4	Ляхов С.В., 1994, 1997
11	Эльтон	к. 10, п. 2	Лукашов А.В., 1983, Отчет...
12	Эльтон	к. 10, п. 8	Лукашов А.В., 1983, Отчет...
13	Эльтон	к. 10, п. 9	Лукашов А.В., 1983, Отчет...
14	Лятошинка	к. 1, п. 2	Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995
15	Лятошинка	к. 1, п. 4	Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995
16	Лятошинка	к. 5, п. 8	Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995
17	Лятошинка	к. 5, п. 10	Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995
18	Новоузенск	к. 1, п. 4	Ким М.Г., 1977, Отчет...
19	Новоузенск	к. 1, п. 13	Ким М.Г., 1977, Отчет...
20	Новоузенск	к. 1, п. 14	Ким М.Г., 1977, Отчет...
21	Новоузенск	к. 1, п. 17	Ким М.Г., 1977, Отчет...
22	Новоузенск	к. 1, п. 18	Ким М.Г., 1977, Отчет...
23	Новоузенск	к. 1, п. 19	Ким М.Г., 1977, Отчет...
24	Новоузенск	к. 1, п. 20	Ким М.Г., 1977, Отчет...
25	Новоузенск	к. 1, п. 22	Ким М.Г., 1977, Отчет...
26	Новоузенск	к. 2, п. 5	Ким М.Г., 1977, Отчет...
27	Новоузенск	к. 2, п. 6–8	Ким М.Г., 1977, Отчет...
28	Яблоня I	к. 3, п. 4	Юдин А.И., 1988, Отчет...
29	Мошков	к. 3, п. 1	Мельник В.И., 1979, Отчет...
30	Мошков	к. 3, п. 2	Мельник В.И., 1979, Отчет...
31	Мошков	к. 3, п. 3	Мельник В.И., 1979, Отчет...
32	Кос-Оба	к. 11, п. 6	Железчиков Б.Ф., Кригер В.А., 1977, Отчет...
33	Джангала (оз. Сарайдин)	к. 1, п. 3	Синицын И.В., 1956
34	Джангала (оз. Сарайдин)	к. 1, п. 4	Синицын И.В., 1956
35	Джангала (оз. Сарайдин)	к. 1, п. 5	Синицын И.В., 1956
36	Березовка	к. 4, п. 1	Дремов И.И., 1997
37	Быково	к. 26, п. 4	Мерперт Н.Я., 1957, Отчет...
38	Заплавное	к. 6, п. 2	Шилов В.П., 1958, Отчет...
39	15 поселок	к. 1, п. 5	Шилов В.П., 1958, Отчет...

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
40	Бахтияровка II	к. 55, п. 4	Кригер В.А., 1983, Отчет...
41	Барановка	к. 27, п. 1	Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989
42	Капитанский	к. 7, п. 1	Шилов В.П., 1964, Отчет...
43	Старица	к. 4, п. 6	Шилов В.П., 1960, Отчет...
44	Старица	к. 4, п. 9	Шилов В.П., 1960, Отчет...
45	Кривая Лука XIV	к. 31, п. 1	Федоров-Давыдов Г.А., 1975, Отчет...
46	Кривая Лука XIV	к. 33, п. 1	Федоров-Давыдов Г.А., 1975, Отчет...
47	Кривая Лука XVI	к. 10, п. 2	Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1976, Отчет...
48	Кривая Лука XXXV	к. 1, п. 7	Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1981, Отчет...
49	Усть-Погожье	к. 2, п. 3	Сергацков И.В., 1992
50	Авиловский	к. 18, п. 2	Мордвинцева В.И., 1994
51	Вертячий	к. 6, п. 2	Мамонтов В.И., 1993
52	Вертячий	к. 6, п. 3	Мамонтов В.И., 1993
53	Вертячий	к. 6, п. 4	Мамонтов В.И., 1993
54	Попов	к. 58, п. 26	Иессен А.А., 1954
55	Жугово	к. 24, п. 1	Шилов В.П., 1964, Отчет...
56	Жугово	к. 34, п. 4, 6	Мамонтов В.И., 1965, Отчет...
57	Жугово	к. 63, п. 1	Мамонтов В.И., 1974, Отчет...
58	Аксеновский I	к. 11, п. 1	Шилов В.П., Очир-Горяева М.А., 1997
59	Аксеновский I	к. 12, п. 1	Шилов В.П., Очир-Горяева М.А., 1997
60	Аксеновский II	к. 14, п. 1	Шилов В.П., Очир-Горяева М.А., 1997
61	Ясырев I	к. 1, п. 2	Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1974
62	Холодный (Дубенцовская III)	к. 1, п. 2	Максименко В.Е., 1983; Копылов В.П., Лукьяшко С.И., 1995
63	Северный	к. 2, п. 3	Максименко В.Е., 1983
64	Житков II	к. 3, п. 2	Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1986, Отчет...
65	Тузлуки	к. 5, п. 2	Максименко В.Е., 1983
66	Крепинский II	к. 3, п. 11	Максименко В.Е., 1983
67	Крепинский II	к. 5, п. 4	Максименко В.Е., 1983
68	Арпачин II	к. 6, п. 5	Максименко В.Е., 1983
69	Высочино VII	к. 17, п. 3	Беспалый Е.И., 1981, Отчет...
70	Радутка	к. 2, п. 32	Максименко В.Е., 1983
71	Койсуг	к. 5, п. 26	Максименко В.Е., 1983
72	Азов	к. 2, п. 3	Максименко В.Е., 1983

Таблица 2

Список погребений III в. до н.э

№ п/п	Памятник	№№ курганов и погребений	Литература, архивные материалы
1	2	3	4
1	Визенмиллер II	к. 4, п. 3	Рыков П.С., 1926
2	Усатово	к. G5, п. 9	Синицын И.В., 1947
3	Усатово	к. G5, п. 11	Синицын И.В., 1947
4	Усатово II	к. F19, п. 1	Синицын И.В., 1947
5	Усатово II	к. F19, п. 2	Синицын И.В., 1947
6	Усатово II	к. F19, п. 3	Синицын И.В., 1947

Продолжение табл. 2

1	2	3	4
7	Венгеловка	к. 2, п. 10	<i>Лукашов А.В., 1982, Отчет...</i>
8	Венгеловка	к. 2, п. 11	<i>Лукашов А.В., 1982, Отчет...</i>
9	Эльтон	к. 13, п. 2	<i>Лукашов А.В., 1984, Отчет...</i>
10	Александровка	разр. к. п. 1	Семенова И.В., 1996
11	Новоузенск	к. 2, п. 4	<i>Ким М.Г., 1977, Отчет...</i>
12	Ровное	к. 4, п. 15	Синицын И.В., 1966
13	Торгунское	к. 1, п. 1	<i>Лукашов А.В., 1982, Отчет...</i>
14	Торгунское	к. 1, п. 9	<i>Лукашов А.В., 1982, Отчет...</i>
15	Бережновка (южная гр.)	к. 2, п. 11	Синицын И.В., 1959
16	Бережновка II	к. 14, п. 19	Синицын И.В., 1960
17	Бережновка II	к. 14, п. 21	Синицын И.В., 1960
18	Бережновка II	к. 14, п. 22	Синицын И.В., 1960
19	Бережновка II	к. 85, п. 2	Синицын И.В., 1960
20	Калиновка	к. 19, п. 17	Шилов В.П., 1959
21	Джангала (оз. Сарайдин)	к. 3, п. 2	Синицын И.В., 1956
22	Джангала (оз. Сарайдин)	к. 4, п. 2	Синицын И.В., 1956
23	Джангала (оз. Сарайдин)	к. 4, п. 3	Синицын И.В., 1956
24	Могута	к. 11, п. 2	<i>Скрипкин А.С., 1976, Отчет...</i>
25	Могута	к. 14, п. 2	<i>Скрипкин А.С., 1976, Отчет...</i>
26	Верхний Еруслан	к. 1, п. 5	Юдин А.И., 1997
27	Верхний Балыклей II	к. 5, п. 4	<i>Скрипкин А.С., 1980, Отчет...</i>
28	Верхний Балыклей II	к. 8, п. 6	<i>Скрипкин А.С., 1980, Отчет...</i>
29	Белокаменка	к. 1, п. 3	<i>Лукашов А.В., 1987, Отчет...</i>
30	Белокаменка	к. 3, п. 7	<i>Лукашов А.В., 1987, Отчет...</i>
31	Белокаменка	к. 6, п. 5	<i>Лукашов А.В., 1987, Отчет...</i>
32	Красная Деревня	к. 7, п. 6	<i>Лукашов А.В., 1981, Отчет...</i>
33	Питерка II	к. 1, п. 11	<i>Галкин А.Л., 1976, Отчет...</i>
34	Лятошинка	к. 1, п. 1	Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995
35	Лятошинка	к. 1, п. 3	Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995
36	Лятошинка	к. 5, п. 1	Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995
37	Лятошинка	к. 5, п. 2	Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995
38	Лятошинка	к. 5, п. 3	Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995
39	Лятошинка	к. 5, п. 4	Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995
40	Лятошинка	к. 5, п. 5	Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995
41	Лятошинка	к. 5, п. 6	Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995
42	Лятошинка	к. 5, п. 7	Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995
43	Рыбный	к. 2, п. 19	<i>Скрипкин А.С., 1976, Отчет...</i>
44	Политотдельское	к. 20, п. 2	Смирнов К.Ф., 1959
45	Верхнепогромное	к. 3, п. 9	Шилов В.П., 1975
46	Быково (1977 г.)	к. 6, п. 2	<i>Скрипкин А.С., 1977, Отчет...</i>
47	15 поселок	к. 1, п. 1	<i>Шилов В.П., 1958, Отчет...</i>
48	Ленинск	к. 3, п. 16	<i>Шилов В.П., 1956, Отчет...</i>
49	Журов курган	п. 2	Лукашов А.В., 1979
50	Кияжовка	к. 4, п. 4	Мыськов Е.П., 1992
51	Кияжовка	к. 4, п. 5	Мыськов Е.П., 1992
52	Соленое Займище	к. 10, п. 7	Дьяченко А.Н., Железчиков Б.Ф., 1995
53	Старица	к. 42, п. 2, 3	<i>Шилов В.П., 1961, Отчет...</i>
54	Кривая Лука XV	к. 2, п. 4	<i>Федоров-Давыдов Г.А., 1975, Отчет...</i>
55	Кривая Лука XV	к. 2, п. 8	<i>Федоров-Давыдов Г.А., 1975, Отчет...</i>
56	Кривая Лука XV	к. 2, п. 17	<i>Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1975, Отчет...</i>
57	Кривая Лука XVI	к. 1, п. 11	<i>Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1976, Отчет...</i>
58	Кривая Лука XVI	к. 1, п. 18	<i>Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1976, Отчет...</i>
59	Кривая Лука XVI	к. 1, п. 20	<i>Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1976, Отчет...</i>
60	Кривая Лука XVI	к. 6, п. 4	<i>Федоров-Давыдов Г.А. и др., 1976, Отчет...</i>
61	Жутово	к. 27, п. 2	<i>Шилов В.П., 1964, Отчет...</i>
62	Терновский	к. 9, п. 7	<i>Шилов В.П., 1966, Отчет...</i>

ГЛАВА III.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА РАННЕСАРМАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

1. Топография памятников

Нижневолжские памятники IV—III вв. до н. э. известны в двух крупных ландшафтно-климатических областях — на территориях Заволжья и Волго-Донского междуречья (рис. 36, 37). Заволжские курганные группы приурочены к областям, обладающим повышенными кормовыми и водными ресурсами на фоне общего распространения глинистых полупустынных и почти безводных пространств Северного Прикаспия. Значимые для кочевого хозяйства территории представляют собой цепь экологических ниш, связывающих между собой скотоводческие области Приуралья и Заволжья через систему рек, лиманов и палин. Могильники Джангала (оз. Сарайдин) и Кос-Оба возникли в области Камыш-Самарской многоозерной депрессии, куда сбрасываются весенние паводковые воды рек Большой и Малый Узень. Камыш-Самарские озера связаны с бассейнами рек Кушум и Урал через подсистему Чижинского-Балыктинских лиманов и с левобережьем Волги через Узенскую пойменно-лиманную подсистему, в верховьях которой были сооружены курганы у Новоузенска, Мошкова и Питерки. Эта область, в свою очередь, соседствует с Ерусланско-Торгунской равниной, дренированной притоком Волги Ерусланом и его рукавами. На этой равнине

размещены могильники Усатово, Верхний Еруслан, Лятошинка, Визенмиллер, Новая Квасниковка, Фриденберг, Торгунское, Бережновка, Молчановка.

По левобережью Волги расположены с севера на юг могильники: Бородаевка, Березовка, Ровное, Белокаменка, Политотдальское, Рыбный, Быково, Верхний Балыклей, Новоникольское, Калиновка, Верхнепогромное, Киляковка, Заплавное, 15 поселок, Бахтияровка, Ленинск, Журов курган. К востоку от них в бассейнах замкнутых лиманов Волго-Уральского междуречья находились могильники Могута (Пришиб-Могутинские лиманы), Венгеловка, Красная Деревня, Эльтон (Эльтонская равнина с серией озерных террас и лиманов) и Сайхин (оз. Боткуль и Сайхинский лиман). Таким образом, все заволжские курганы расположены по наиболее благоприятному маршруту движения из Приуралья в Поволжье через Волго-Уральскую равнину.

Фиксация сарматов античными авторами в Подонье подразумевает форсирование кочевниками Волги. Переправы с большим количеством скота традиционно происходили зимой по льду. Так переправлялись скифы в землю синдов (Геродот, IV, 28), так же пересекали Волгу татары (Рубрук, 49). Иными словами, пересечение водных преград происходило вблизи зимников. При меридиональных перекочевках по волжскому левобережью такие зимники находились в низовьях, о чем свидетельствует тот же пассаж Рубрука. Учитывая экологическую детерминированность кочевых маршрутов, логично предположить тот же путь для раннесарматских мигрантов. И действительно, раннесарматские погребения встречаются на правом берегу Волги в низовьях — мог. Барановка, Кривая Лука, Старица, Капитанский, Соленое Займище. Все остальные памятники Волго-Донского междуречья, интерпретируемые как раннесарматские IV—III вв. до н. э., тяготеют к левому берегу Дона и его притокам — Усть-Погожье, Авиллов, Вертячий, Жутово, Аксеновский I—II, Терновский, Попов, Ясырев, Холодный, Северный, Житков, Тузулки, Крепинский, Арпачин, Высочино, Радутка, Койсуг, Азов. В засушливой степной и полупустынной зоне Прикаспия, несмотря на значительный потенциальный запас пресной воды, изменчивость климатических условий и нестабильность пастбищных экосистем ведет к многообразию методов выпаса и значительной вариативности маршрутов (Шишлина Н.И., 1997, с. 107, 108). В та-

ких условиях традиционные клановые кладбища должны были располагаться в стабильных районах, не подверженных экологическим катаклизмам, то есть по берегам крупных пресных водоемов, Волги и Дона.

Разница в топографии памятников IV и III вв. до н. э. заключается лишь в ареале распространения по левому берегу Дона, где памятники IV в. до н. э. фиксируются вплоть до дельты Дона (рис. 36), а погребения III в. до н. э. не известны ниже Жутово и Терновского (рис. 37).

2. Сравнительная характеристика погребального обряда ранних сарматов IV и III вв. до н. э.

Раннесарматский погребальный обряд как комплекс диагностирующих признаков достаточно подробно описан и проанализирован в многочисленных исследованиях. Поэтому в задачу данной работы входит лишь сравнительная характеристика комплексов, различающихся хронологически и регионально в границах Нижнего Поволжья.

Возможность разделения первого периода раннесарматской культуры (IV—III вв. до н. э.) на памятники IV и III вв. до н. э. по вещевому инвентарю подразумевает и сравнение таких памятников по основным признакам погребального обряда. Для анализа привлечено 72 комплекса из 51 кургана IV в. до н. э. и 62 комплекса из 41 кургана III в. до н. э.

Земляную насыпь имели 92,2 % курганов IV в. до н. э., лишь 7,8 % насыпей включали в свою структуру куски песчаника (Аксеновский I, кург. 11 и 12, Аксеновский II, кург. 14, Жутово, кург. 24, погр. 1). Для курганов III в. до н. э. характерны только земляные насыпи.

Для погребений IV в. до н. э. характерно господство одиночных захоронений в курганах (76,5 %), два одновременных погребения под одной насыпью представлены в 9,8 % случаев, а три и более одновременных найдены в 13,7 % насыпей. В то же время памятники III в. до н. э. демонстрируют довольно значительное увеличение количества одновременных захоронений под одной насыпью, соответственно 56 % одиночных и по 22 % имеющих два, три и более погребения.

Время сооружения насыпи также позволяет определить тенденцию в хронологических рамках двух этапов изучаемого пери-

ода. Если в IV в. до н. э. 47,1 % погребений были впушены в ранее существовавшую насыпь, а 45,1 % были совершены в одновременном им кургане, то к III в. до н. э. доля погребений в курганах эпохи бронзы и савроматского времени возросла до 75,6 %, а доля одновременных кургану сократилась до 17,1 %. Остальные насыпи не определены в силу разрушенности основного погребения.

Данную тенденцию усугубляет соотношение количества основных и впускных захоронений. Если для первого этапа характерно наличие 33,3 % основных погребений при 66,7 % впускных, то для второго, соответственно, 6,5 % и 93,5 %. При этом на первом и втором этапах господствуют могилы, сооруженные в материке — 94,4 % и 95,2 %. Однако следует учитывать, что захоронения в насыпи, как требующие меньших трудовых затрат, относятся к бедной части населения, сопровождаются скромным инвентарем и в гораздо меньшей степени поддаются датировке. От IV в. до н. э. к III в. до н. э. с 13,9 % до 35,5 % возрастает количество зафиксированных случаев перекрытия могил деревом. В формах могильных ям в целом сохраняется преобладание — прямоугольных могил, соответственно, 47,2 % и 41,9 %, подбоев 27,8 и 35,5 %, катакомб 11,1 % и 11,3 %. В то же время увеличивается число ям с заплечиками с 1,4 % до 4,8 % при полном исчезновении к III в. до н. э. широких ям с дромосом и диагональных погребений.

К III в. до н. э. по сравнению с IV в. до н. э. увеличивается число ям с меридиональной ориентировкой с 43 % до 61,3 % при одновременном сокращении могил, вытянутых длинной осью в широтном направлении с 27,8 % до 9,7 %, при равном соотношении могил с промежуточной ориентацией СВ-ЮЗ и СЗ-ЮВ — 27,8 % и 27,4 %. Наличие подстилки на дне могилы (23,9 % и 29 %), ритуальных веществ, включающих реальгар, мел, ярозит, угольки (23,6 % и 33,9 %), количество погребенных в могиле (одиночные — 72,2 % и 79 %, парные — 12,5 % и 11,3 %, по три и более покойников — 8,3 % и 8,1 %) свидетельствуют о сохранении традиций в устройстве захоронений. В то же время весьма существенным представляется резкое увеличение в III в. до н. э. числа погребений с гробовыми конструкциями (от 1,4 до 27,45 %). В подавляющем большинстве они относятся к типу решетчатых гробов. К тому же, единственное раннее погребение в гробу (Старица, кург. 4, погр. 9) хотя стратиграфически и по

набору наконечников стрел ближе к комплексам IV в. до н. э., но твердо датированных вещей не имеет и может быть суммарно определено IV—III вв. до н. э. Ориентировка погребенных в южный сектор в памятниках IV в. до н. э. составляет 40,3 %, возрастающая к следующему столетию до 51,6 %. Но если в эту группу включать и ориентировки к ЮЗ и ЮВ (суммарно 20,9 % на первом этапе и 11,3 % — на втором), разница нивелируется. При этом отчетливо фиксируется сокращение ориентировок в широтном направлении с 23,7 % до 8 %, что может быть объяснено изживанием традиций савроматского времени. Наличие северных ориентировок крайне незначительно, хотя и несколько увеличивается со временем (с 1,4 % до 3,2 %).

При минимуме погребений с ортогональным положением костяков (Березовка, кург. 4, погр. 1 и, вероятно, Жутово, кург. 34, погр. 4 и 6 — на первом этапе и Киляковка, кург. 4, погр. 5, Старица, кург. 42, погр. 2, 3 — на втором) сложно говорить о наличии закономерности. Однако можно отметить для раннего периода ортогональное положение взрослых погребенных, сменяющееся затем помещением в ноги у взрослых останков ребенка. Кроме того, в одном случае (Бережновка II, кург. 14, погр. 21) ребенок был положен головой в противоположную по сравнению со взрослым сторону. Это не характерно для предыдущего времени, но периодически фиксируется в комплексах развитого этапа раннесарматской культуры.

Признаком, безусловно, не выходящим за рубеж IV—III вв. до н. э., следует считать диагональное положение погребенного в могиле, поскольку в погребениях такого рода встречается вещевой инвентарь, датируемый IV в. до н. э. Нет ни одного случая нахождения в этих комплексах вещей развитой раннесарматской культуры.

Абсолютное большинство погребенных было уложено вытянуто на спине. При этом преобладает положение рук вытянуто вдоль туловища (65,3 % — в IV в. до н. э. и 64,5 % — в III в. до н. э.) Иные положения рук имеют незначительные показатели, не выходящие за 10 % каждый. Аналогичная ситуация фиксируется в показателе «вытянутое параллельное положение ног» — 75 % для IV в. до н. э. и 83,9 % для следующего века, причем разница, возможно, заключена в несколько большем проценте неопределенного положения ног для первого периода, чем для второго — 18,1 % и 9,7 %.

В одном случае, в погребении IV в. до н. э. (Эльтон, кург. 10, погр. 2), кости человека были аккуратно сложены, а следы ограбления отсутствовали.

Напутственная пища играла важную роль в погребальной обрядности скифо-сарматского мира. Видовой состав животных представлен костями овцы, крупных домашних животных (КДЖ) и, изредка, диких животных, птиц и рыб. Отсутствие квалифицированных определений костных остатков коровы, лошади, верблюда во многих отчетах позволяет лишь совокупно называть эту категорию домашнего скота.

Для IV в. до н. э. характерно гораздо большее видовое разнообразие животных, нежели для более позднего времени. Напутственная пища встречается в 75 % исследованных погребений этого времени. При этом в 42,6 % они представлены костями овцы, в 29,6 % — крупных домашних животных, а в 27,8 % случаев — сочетанием костей овцы и крупных животных. Полный скелет овцы найден лишь в одном случае (1,9 %), полная тушка без головы, характерная для савроматских комплексов, ни разу, зато сочетание ног и ребер составляет 53,7 %, причем в половине случаев это были передние ноги с лопатками. На втором месте (24,1 %) по распространенности находятся кости ног животных без лопаток, далее, по мере убывания, ребра (13 %) и ноги с лопатками (5,6 %), причем учитывались кости мелкого рогатого скота и крупных домашних животных вместе. Доминировали в последнем случае кости овцы. Местоположение костей животных в могиле не позволяет судить о роли этого признака в погребальном обряде. Большая часть напутственной пищи (37 %) зафиксирована в ногах, далее следует положение справа (33,3 %), затем слева (25,9 %), в головах (22,2 %) и во входной яме (7,4 %). Однако следует также отметить различные сочетания — в головах и справа, в головах и ногах, в головах и слева, в ногах и справа, в ногах и слева, в ногах и во входной яме, справа и слева, слева и во входной яме.

К следующему столетию соотношение меняется весьма определенно. Кости животных отсутствуют в 27,4 % погребений. В остальных захоронениях 91,1 % костей животных принадлежит овце, не считая тех экземпляров, которые встречаются вместе с костями крупных домашних животных. Резко сократились случаи положения в могилу мяса только крупного домашнего скота

(до 4,4 %). В то же время ощутимо выросло число случаев положения в могилу передней ноги овцы с лопаткой (до 35,6 %). Однако господствующей осталась традиция совместного положения ног овцы с ребрами (46,6 %), причем лишь несколько раз ноги овцы не сопровождалась лопаткой. Гораздо реже встречаются ноги овцы без лопаток (6,7 %) по сравнению с предыдущим столетием. В одном случае найдены задние ноги овцы с тазовыми костями, один случай — скелет целой тушки овцы без головы. Положение костей в могиле столь же разнообразно, как и прежде: 42,2 % — в ногах, 31,1 % — в головах, 22,2 % — справа, 8,9 % — слева, 4,4 % — во входной яме. Также как и прежде фиксируется сочетание положений напутственной пищи в разных частях могилы.

Вещевой комплекс в погребении является не только сопутствующим инвентарем, но и маркирует социальное положение покойника. В кочевых обществах социальный и военный статус взаимосвязаны и взаимообусловлены. Поэтому наличие в захоронении определенных видов вооружения и их сочетание, повторяющееся систематически, представляется элементом погребального обряда, определяющим место погребенного в воинской иерархии и социальной структуре.

В 72 погребениях IV в. до н. э. встречено 55 костяков, сопровождаемых оружием. В четырех погребениях найдено несколько покойников с вооружением. В 62 погребениях III в. до н. э. учтено 58 погребенных с оружием, в четырех случаях — несколько вооруженных в одной могиле.

В комплексах IV в. до н. э. наиболее представительной группой выглядят погребенные в сопровождении наконечников стрел (32,7 %). На втором месте — с мечом или кинжалом и наконечниками стрел (29,1 %). Далее — с мечом, копьем и колчаном (21,8 %). Остальные сочетания предметов вооружения весьма малочисленны: с мечом или кинжалом — 7,3 %, с кинжалом и стрелами, а также с мечом и копьем — по 1,8 %.

В погребениях III в. до н. э. последовательность такова: только в комплексах с наконечниками стрел — 44,8 % погребенных; с мечом и стрелами — 27,6 %; вооруженных только мечом или кинжалом — 13,8 %; мечом, кинжалом и стрелами — 10,3 %. По 1,7 % приходится на сочетания меча, кинжала, копья и колчана и колчана с копьем. Анализ полученных результатов не позволя-

ет судить об удельном весе погребенных с оружием в социальной структуре, поскольку выборка погребений связана с выделением только датированных комплексов и оставляет без внимания памятники с нечеткими датами. В то же время очевидно, что погребальные группы с наконечниками стрел имели наибольшее распространение в IV—III вв. до н. э., за ними располагаются группы, вооруженные мечом и стрелами. Однако погребенные с мечом или кинжалом в IV в. до н. э. составляют небольшой процент, который несколько возрастает к III в. до н. э.

Однако наиболее отчетливо различия проявляются в погребальных комплексах высшего воинского статуса, отраженного в максимальном наборе вооружения. В 12 погребениях этот набор представлен мечом, тяжелым массивным копьем и колчаном со стрелами. Следует отметить, что именно такая паноупия была характерна для скифских и савроматских воинов, представлявших ударный кулак кочевнической конницы. Их можно с определенной степенью условности отнести к погребениям воинской аристократии. Особое внимание следует обратить на то обстоятельство, что копия представлены тяжелыми наконечниками, предназначенными для удара с коня, а не для метания, мечи длинные или средние, но близкие к длинным, соответственно, также предназначенные для рубки с коня. Колчаны полны стрел, достигая по количеству 191 наконечника (Житков II, кург. 3, погр. 2), а в среднем — 84 наконечника на колчан.

Но символика высшей воинской иерархии, отраженная в наборе — меч, кинжал, колчан и хорошо представленная в классических раннесарматских комплексах (Лукашов А.В., 1986, с. 66—82), еще не получила распространения в Нижнем Поволжье IV в. до н. э., хотя была уже известна к этому времени в Приуралье и сопредельных областях (Муракаево, кург. 4, погр. 3; кург. Иссук).

Смена паноупии приходится на следующее столетие, что нашло свое отражение в воинском инвентаре элиты III в. до н. э. Копье уже не играет решающей роли, хотя изредка еще встречается. Набор — длинный и короткий мечи, колчан — маркирует высший воинский статус и встречается в 12 % погребений с оружием. Такой удельный вес этой группы сохраняется на протяжении всей раннесарматской эпохи (Лукашов А.В., 1986, с. 72).

В ряде погребений III в. до н. э. (Александровка, одиноч. кург., погр. 1; Ленинск, кург. 3, погр. 16) усиление вооружения

достигается добавлением еще одного меча (Семенова И.В., 1996, с. 166—170, 173, 174; Шилов В.П., 1956, Отчет..., рис. 9/1). При этом заметно сократилось количество стрел в колчане, хотя точное число определить невозможно, т. к. господствующим типом наконечников стрел становятся железные черешковые. Они очень плохо сохраняются, превращаясь за давностью в «спекшуюся» массу.

Расположение предметов вооружения относительно погребенного также позволяет выявить некоторые тенденции. Так, если на первом этапе положение меча слева (35,3 %) и справа (26,5 %) демонстрирует отсутствие прочной регламентации, а на третьем месте — положение меча на поясе наискось (17,6 %), характерное для савроматской эпохи, то к третьему веку прослеживается традиция укладывать меч справа от покойника (64,5 %) или слева и справа при наличии двух мечей (9,7 %). Находки мечей слева от костяка сократились до 16,1 %. К тому же находки меча на поясе практически неизвестны для этого времени.

Положение колчана или пучка стрел более традиционно для всего рассматриваемого периода и распределяется по следующим параметрам для IV и III вв. соответственно: слева — 51 % и 59,2 %, справа — 15,7 % и 20,4 %, в головах — 2 % и 4,1 %, в ногах — 9,8 % и 10,2 %. Однако при наличии и меча и стрел, их взаиморасположение в комплексах IV в. отчетливо разнится от положения в III в. до н. э. Так, если в первом случае более характерно положение меча и стрел с одной стороны от погребенного (51,8 % от всех погребений с мечами и стрелами), то в дальнейшем погребальная традиция отдавала предпочтение симметричному, слева и справа от погребенного, расположению оружия (65,2 %, не считая комплексов, в которых несколько мечей лежали у покойного с двух сторон). На оставшуюся часть приходится все многообразие положения оружия в ногах, головах, на поясе и неопределенное по причине ограбления.

Сравнительная емкость колчанов, характерная для воинской элиты, адекватно отражена и в количестве наконечников у воинов, похороненных с мечом и стрелами: до сотни и более — в IV в. до н. э. и максимум несколько десятков — в следующем столетии.

Сосуды в сарматских погребениях как элемент погребального обряда достаточно полно анализировались во всех исследо-

ваниях, посвященных данной теме. Поэтому, не касаясь всех аспектов проблемы, остановимся только на сравнительной характеристике в хронологических границах двух этапов. Для первого этапа наличие сосудов в погребениях зафиксировано в 61,1 % комплексов, для второго — в 66,1 %. Для IV и III вв. до н. э. характерно преобладание лепной керамики (88,6 % и 97,6 %). Гончарная керамика, представленная целыми экземплярами и фрагментами, более характерна для IV (18,2 %), чем для III в. до н. э. (4,9 %). Но связана эта разница, видимо, не с предпочтениями сарматского населения, а с возможностями доступа к рынкам ремесленных центров. К III в. до н. э. уменьшается число деревянных чаш (с 25 % до 9,8 %), причем золотые обкладки этих чаш окончательно выходят из употребления к началу III в. до н. э. Тогда же исчезают из погребального инвентаря чаши, изготовленные из панциря черепахи, изредка встречаемые (6,8 %) в предыдущее время.

Расположение сосудов рядом с погребенным остается традиционным в течение двух столетий: в ногах — 22,7 % в IV в. до н. э. и 34,1 % — в III в. до н. э., в головах, соответственно, — 18,2 % и 19,5 %, в сочетании у головы и ног — 6,8 % и 9,8 %. В то же время заметно сокращение количества сосудов, поставленных слева и справа от погребенного с 29,6 % до 7,3 %. Иные сочетания положения сосудов в могильной яме не показательны, поскольку не выходят за 5 %-й барьер.

К изменениям в погребальных традициях следует отнести и смену каменных плиток каменными, глиняными, сланцевыми или тальковыми молоточками. Эти ритуальные предметы, возможно, не связаны между собой функционально, но хронологически следуют друг за другом, не встречаясь вместе.

3. Сравнительная характеристика погребального обряда в Заволжье и Волго-Донском междуречье

Памятники IV—III вв. до н. э. различаются не только хронологически, но и регионально. Крупные реки для кочевых обществ не только играли роль водоемов, но и служили естественными границами между племенными объединениями. Поэтому мигранты, пересекая водную преграду, могли оказаться в такой среде, где миграционный процесс приобретал иную форму. Исходя из этого, следует оценить особенности погребального обря-

да в Заволжье и Волго-Донском междуречье отдельно для IV и III вв. до н. э.

Таблица 3

Характеристика курганов

Признаки	Насыпь		Находки в насыпи	Кол-во одновременных погребений			Время сооружения курганов	
	земл.	с кам.		1	2	3 и более	бронз., савр.	р/сарм.
Заволжье	100 %	0 %	18,2 %	59,1 %	18,2 %	22,7 %	50 %	36,4 %
Междуречье	86,2 %	13,8 %	17,2 %	89,7 %	3,4 %	6,9 %	44,8 %	51,7 %

Очевиден высокий процент групп одновременных захоронений под насыпями более древних курганов, характерный для Заволжья. К тому же в нескольких курганах отмечено их расположение по кольцу. Все это позволяет говорить о проникновении в заволжские степи традиции сооружения курганов-кладбищ начиная с IV в. до н. э. Для Волго-Донского междуречья предпочтительным остается одиночное погребение под индивидуальной насыпью, что свидетельствует о влиянии традиций савроматского времени.

Таблица 4

Характеристика погребальных сооружений

Признаки	Осн.	Впускн.	Центр. Периф.		Матер. Насыпь		Дерев. перекрыт.	Органич. подстил.
			45 %	55 %	97,5 %	2,5 %		
Заволжье	22,5 %	77,5 %	45 %	55 %	97,5 %	2,5 %	7,5 %	37,5 %
Междуречье	46,9 %	53,1 %	59,4 %	40,6 %	90,6 %	9,4 %	25 %	25 %

Продолжение табл. 4

Признаки	Форма могильной ямы					Ориентировка ямы			
	прям.	подб.	кат.	с дром.	запеч.	С-Ю	В-З	СВ-ЮЗ	СЗ-ЮВ
Заволжье	42,5 %	30 %	15 %	7,5 %	0 %	47,5 %	20 %	7,5 %	22,5 %
Междуречье	53,1 %	25 %	3,1 %	6,2 %	3,1 %	37,5 %	37,5 %	12,5 %	12,5 %

Продолжение табл. 4

Признаки	Ритуал. вещ-ва	Количество погребенных в яме		
		1	2	3 и более
Заволжье	27,5 %	72,5 %	12,5 %	10 %
Междуречье	21,9 %	71,8 %	12,5 %	6,3 %

Сравнение погребальных сооружений двух территорий также свидетельствует о близости показателей при большей значимости впускных периферийных могильных ям, ориентированных по линии СЮ с отклонениями, для Заволжья. Преобладание основных центральных ям с высоким удельным весом прямоугольных, ориентированных в широтном направлении, в междуречье Волги и Дона, видимо, также следует интерпретировать как влияние савроматского мира.

Таблица 5

Ориентировка погребенных

Признаки	Ю, ЮЮВ, ЮЮЗ	З, ЮЗЗ, СЗЗ	В, ЮВВ, СВВ	С, ССВ, ССЗ	ЮВ, ЮЗ	Ортогонал.
Заволжье	42,5 %	10 %	2,5 %	0 %	30 %	2,5 %
Междуречье	37,5 %	15,6 %	18,8 %	3,1 %	9,4 %	3,1 % (?)

Господство ориентировок в южный сектор, характерное для Заволжья, не столь заметно в Волго-Донье, где значительная часть погребенных была ориентирована головой в широтном диапазоне. Если согласиться с возможностью ортогонального положения костяков в частично разрушенном комплексе из Жutowского могильника (кург. 34, погр. 4, 6), то соотношение в данной позиции представляется весьма близким.

Таблица 6

Характеристика напутственной пищи

Признаки	овца	КДЖ	овца и КДЖ	полный скелет	ноги	ноги с лопатками	ребра	ноги и ребра
Заволжье	55,2 %	20,7 %	24,1 %	0 %	37,9 %	3,4 %	17,2 %	41,4 %
Междуречье	28 %	40 %	32 %	4 %	8 %	12 %	8 %	68 %

Продолжение табл. 6

Признаки	в головах	в ногах	справа	слева	во входн. яме
Заволжье	20,7 %	34,5 %	34,5 %	24,1 %	13,8 %
Междуречье	24 %	40 %	32 %	28 %	8 %

Приведенные данные свидетельствуют о преобладании костей овцы в Заволжье и крупных домашних животных (КДЖ) в междуречье при относительно частом сочетании этих признаков на всей рассматриваемой территории. Ноги и бок жертвенного животного в качестве напутственной пищи, видимо, следует считать общей традицией для Нижнего Поволжья в IV в. до н. э. Местоположение костей животных также позволяет предполагать единство ритуала. Поскольку зачастую кости находились сразу в нескольких местах, суммарное число в графе расположения пищи превышает 100 %.

Таблица 7

Оружие в погребениях

Признаки	меч	стрелы	меч и стрелы	меч, стрелы и копье	меч и копье	стрелы и копье
Заволжье	7,1 %	42,9 %	28,6 %	14,3 %	0 %	7,1 %
Междуречье	7,4 %	22,2 %	29,6 %	29,6 %	3,7 %	3,7 %

Продолжение табл. 7

Признаки	слева		справа		в головах		в ногах		на поясе	
	меч	стрелы	меч	стрелы	меч	стрелы	меч	стрелы	меч	стрелы
Заволжье	21,4 %	46,2 %	50 %	29,6 %	0 %	0 %	0 %	11,8 %	28,6 %	0 %
Междуречье	45 %	57,7 %	10 %	4 %	15 %	8 %	0 %	8 %	10 %	0 %

Различия в сочетании видов оружия могут объясняться и разным удельным весом отдельных социальных групп, и влиянием случайности выборки, связанной с неравномерным исследованием территорий. Однако анализ расположения оружия в погребениях позволяет наметить тенденцию, совпадающую с предыдущими наблюдениями. Если для Волго-Донского междуречья господствующим следует признать положение меча и стрел слева от погребенного, то в Заволжье мечи предпочитали класть справа, а наконечники стрел слева, как это было принято в раннесарматскую эпоху.

Таблица 8

Сосуды

Признаки	лепные	гончарные	деревянные	из черепахового панциря
Заволжье	87 %	8,7 %	13 %	13 %
Междуречье	90,5 %	28,6 %	38,1 %	0 %

Продолжение табл. 8

Признаки	в головах	в ногах	справа	слева	во входной яме
Заволжье	34,8 %	26 %	13 %	17,4 %	8,7 %
Междуречье	23,8 %	38,1 %	33,3 %	14,3 %	4,8 %

Сосуды в погребениях обеих территорий представлены прежде всего лепными экземплярами. Значительный процент гончарной керамики в междуречье Волги и Дона объясняется не ритуальными предпочтениями населения, а близостью к причерноморским рынкам. Преобладание деревянных чаш с золотыми обкладками в Волго-Донье, возможно, следует связать со скифо-сарматским влиянием.

Анализируя две выборки по регионам, необходимо объективно оценить степень сходства между ними. Для этих целей можно воспользоваться методикой В.Ф. Генинга и В.А. Борзунова (Генинг В.Ф., Бунатян Е.П. и др., 1990, с. 80—91). В таблице 9

приведен список признаков и коэффициенты степени сходства по совокупностям.

Таблица 9

Степень сходства памятников Заволжья и Волго-Донского междуречья (IV в. до н. э.)

Категория	Единица совокупности	Признаки	Степень сходства по совокупности, %
1	2	3	4
Характеристика кургана	Структура насыпи	Земляная. Смешанная с камнем	86,2
	Находки в насыпи	Есть. Нет	99,0
	Кол-во одновременных погребений в кургане	Одно. Два. Три и более	69,4
	Время сооружения кургана	Эпоха бронзы и савроматское. Раннесарматское	81,2
Характеристика погребального сооружения	Последовательность захоронения	Основное. Впускное	75,6
	Местоположение в кургане	В центре. На периферии	85,6
	Размещение	Материк. Насыпь	93,1
	Деревянное перекрытие	Есть. Нет	82,5
	Органическая подстилка	Есть. Нет	87,5
	Форма могильной ямы	Подбой. Прямоугольная. Катакомба. Яма с дромосом. Яма с заплечиками	76,8
	Ориентировка ямы	С-Ю, В-З, СВ-ЮЗ, СЗ-ЮВ	77,5
	Ритуальные вещества	Есть. Нет	94,4
	Количество погребенных в яме	Один. Два. Три и более	90,6
	Ориентировка погребенных	Ю, З, В, С, ЮВ, ЮЗ	61,9
Напутственная пища	Наличие жертвенной пищи	Есть. Нет	94,4
	Видовой состав	Овца. КДЖ. Овца и КДЖ	72,8
	Часть туши	Полный скелет. Ноги. Ноги с лопатками. Ребра. Ноги и ребра	60,8
	Размещение в яме	В головах. В ногах. Справа. Слева. Во входной яме. В нескольких местах	71
Инвентарь	Оружие	Меч. Стрелы. Меч и стрелы. Меч, стрелы, копье. Меч и копье. Стрелы и копье	75,9
	Расположение меча	Слева. Справа. В головах. В ногах. На поясе	41,4
	Расположение стрел	Слева. Справа. В головах. В ногах	58,2
	Сосуды	Лепные. Гончарные. Деревянные. Из черепахового панциря. Сочетания	83,5
	Размещение сосудов в могильной яме	В головах. В ногах. Справа. Слева. Сочетания	57,7

Абсолютная степень сходства между двумя выборками, вычисляемая как среднеарифметическое показателей сходства всех единиц совокупностей, составила 77,3 %. Для конкретизации результатов следует выявить общие и особенные черты каждой выборки, учитывая тенденции признаков. Всеобщие признаки,

относительно равномерно распределенные по обеим территориям, выделяются по тенденции от 0,8 до 1,2:

Таблица 10

Всеобщие признаки

Признак 1	Заволжье		Междуречье	
	% 2	тенденция 3	% 4	тенденция 5
1. Земляная насыпь	100,0	1,1	86,2	0,9
2. Находки в насыпи	18,2	1,0	17,2	1,0
3. Одно погреб-е IV в. до н. э. в кургане	59,1	0,8	89,7	1,2
4. Время сооружения кургана – эпоха бронз., савр.	50,0	1,1	44,8	0,9
5. Время сооружения кургана – раннесарматское	36,4	0,8	51,7	1,2
6. Впускные погребения	77,5	1,2	53,1	0,8
7. Погребение в центре кургана	45,0	0,9	59,4	1,1
8. Погребение на периферии кургана	55,0	1,2	40,6	0,8
9. Погребение в материке	97,5	1,0	90,6	1,0
10. Органическая подстилка	37,5	1,2	25,0	0,8
11. Прямоугольная яма	42,5	0,9	53,1	1,1
12. Подбой	30,0	1,1	25,0	0,9
13. Яма с дромосом	7,5	1,1	6,2	0,9
14. Ориентировка ямы С-Ю	47,5	1,1	37,5	0,9
15. Ориентировка ямы СВ-ЮЗ	7,5	0,8	12,5	1,2
16. Ритуальные вещества	27,5	1,1	21,9	0,9
17. Один погребенный в яме	72,5	1,0	71,8	1,0
18. Два погребенных в яме	12,5	1,0	12,5	1,0
19. Три и более в яме	10,0	1,2	6,3	0,8
20. Ориентировка погребенного к Ю	42,5	1,1	37,5	0,9
21. Ориентировка погребенного к З	10,0	0,8	15,6	1,2
22. Ортогональное положение погребенных	2,5	0,9	3,1	1,1
23. Наличие жертвенной пищи	72,5	1,0	78,1	1,0
24. Кости овцы и КДЖ	24,1	0,9	32,0	1,1
25. Кости ног и ребра животных	41,4	0,8	68,0	1,2
26. Жертвенная пища в головах	6,9	0,9	8,0	1,1
27. Жертвенная пища в ногах	24,1	1,2	16,0	0,8
28. Жертвенная пища справа	27,6	1,1	24,0	0,9
29. Жертвенная пища в нескольких местах	24,1	0,8	40,0	1,2
30. Меч	7,1	1,0	7,4	1,0
31. Меч и стрелы	28,6	1,0	29,6	1,0
32. Стрелы слева	46,2	0,9	57,7	1,1
33. Стрелы в ногах	11,8	1,2	8,0	0,8
34. Лепные сосуды	87,0	1,0	90,5	1,0
35. Сосуды в ногах	21,7	1,0	23,8	1,0

Частные признаки, преобладающие в одной группе, но встречаемые в небольшом количестве и в другой, выделены по тенденции 1,3—1,8:

Таблица 11

Частные признаки по тенденции

Признак	Заволжье		Междуречье	
	%	тенденция	%	тенденция
1	2	3	4	5
1. Два погр-я IV в. до н. э. в кургане	18,2	1,7	3,4	0,3
2. Три и более погр-й IV в. до н. э. в кургане	22,7	1,5	6,9	0,5
3. Катакомба	15,0	1,6	3,1	0,4
4. Ориентировка ямы СЗ-ЮВ	22,5	1,3	12,5	0,7
5. Ориентировка погребенного к ЮВ и ЮЗ	30,0	1,5	9,4	0,5
6. Кости овцы в погребении	55,2	1,3	28,0	0,7
7. Кости ног животного	37,9	1,7	8,0	0,3
8. Ребра животного	17,2	1,4	8,0	0,6
9. Стрелы	42,9	1,3	22,2	0,7
10. Стрелы и копьё	7,1	1,3	3,7	0,7
11. Меч справа	50,0	1,7	10,0	0,3
12. Меч на поясе	28,6	1,5	10,0	0,5
13. Стрелы справа	29,6	1,8	4,0	0,2
14. Сосуды в головах	26,1	1,5	9,5	0,5
15. Сосуды слева	17,4	1,6	4,8	0,4
16. Основные погребения	22,5	0,6	46,9	1,4
17. Погребения в насыпи	2,5	0,4	9,4	1,6
18. Деревянное перекрытие	7,5	0,5	25,0	1,5
19. Ориентировка ямы В-З	20,0	0,7	37,5	1,3
20. Ориентировка погребенного к В.	2,5	0,2	18,8	1,8
21. Кости КДЖ	20,7	0,7	40,0	1,3
22. Меч, стрелы, копьё	14,3	0,7	29,6	1,3
23. Меч слева	21,4	0,6	45,0	1,4
24. Гончарные круговые сосуды	8,7	0,5	28,6	1,5
25. Деревянные сосуды	13,0	0,5	38,1	1,5
26. Несколько сосудов в сочетании (лепн., гонч., дер.)	21,7	0,7	38,1	1,3
27. Сосуды справа	13,0	0,7	23,8	1,3
28. Сосуды в нескольких местах ямы	8,7	0,6	19,0	1,4
29. Кости ног с лопатками	3,4	0,4	12,0	1,6

Кроме перечисленных выделяются «чистые» частные признаки, встречаемые только в одной группе (см. табл. 12):

Таблица 12

«Чистые» частные признаки

Признак	Заволжье, %	Междуречье, %
1	2	3
1. Кости животных слева	17,2	
2. Чаши из панциря черепахи	13,0	
3. Насыпь, смешанная с камнем		13,8
4. Яма с заплечиками		3,1
5. Ориентировка погребенного к С		3,1
6. Полный скелет жертвенного животного		4,0
7. Кости животных во входной яме		4,0
8. Меч и копьё		3,7
9. Меч в головах		15,0
10. Стрелы в головах		8,0

Сравнивая погребальные комплексы двух регионов Нижнего Поволжья в IV в. до н. э., следует отметить гораздо больший удельный вес раннепрохоровских черт в Заволжье и значительное влияние савроматских традиций в синкретическом погребальном ритуале Волго-Донского междуречья. Вероятно, в относительно слабо заселенном к IV в. до н. э. Заволжье мигрировавшие из Приуралья кочевые группировки смогли закрепиться, о чем свидетельствует сооружение курганов-кладбищ с расположенными по кругу погребениями IV в. до н. э. (Новоузенск, Лятошинка, Эльтон), а также преобладание частных признаков (1, 2). В междуречье Волги и Дона, где местные кочевые сообщества были более многочисленными, такие погребения встречаются разрозненно, чаще являются основными (частный признак 16) и фиксируются в курганных группах субстратного населения. Например, в Аксеновских могильниках, оставленных компактной группой нижневолжских кочевников, именно в могильных ямах с заплечиками и с диагональным положением покойника найдены типично прохоровские курительницы с боковыми отверстиями (Шилов В.П., Очир-Горяева М.А., 1997, с. 135, 143). Если для IV в. до н. э. выборки двух регионов примерно равны, то для памятников III в. до н. э. приходится работать с неравными по объему выборками. Имеющийся в распоряжении материал представлен 51 погребением из 34 курганов Заволжья и 11 погребениями из 7 курганов Волго-Донского междуречья, поэтому для уравнивания выборки особенно важен подсчет процентного распределения признака в совокупности и вычисление тенденции признака (Генинг В.Ф., Бунатян Е.П. и др., 1990, с. 74).

Средний коэффициент сходства по всем совокупностям, именуемый также абсолютной степенью сходства между выборками, составил 78,3 %, что несколько выше аналогичного показателя IV в. до н. э. Конкретизация этих данных (выявление всеобщих и частных признаков) опирается на ту же методику распределения признаков по тенденции, что была использована для материалов IV в. до н. э.

Таблица 13

**Степень сходства памятников Заволжья и Волго-Донского
междуречья (III в. до н. э.)**

Категория	Единица совокупности	Признаки	Степень сходства по совокупности, %
1	2	3	4
Характеристика кургана	Структура насыпи	Земляная. Смешанная с камнем	100,0
	Находки в насыпи	Есть. Нет.	91,2
	Количество одновременных погребений в кургане	Одно. Два. Три и более.	90,8
	Время сооружения кургана	Эпоха бронзы и савроматск. Р/сарм.	70,6
Характеристика погребального сооружения	Последовательность захоронения	Основное. Впускное.	92,2
	Местоположение в кургане	В центре. На периферии.	98,9
	Размещение	Материк. Насыпь.	94,8
	Деревянное перекрытие	Есть. Нет.	76,8
	Органическая подстилка	Есть. Нет.	71,0
	Форма могильной ямы	Прямоугольная. Подбой. Катакомба. Яма с заплечиками.	73,6
	Ориентировка могильной ямы	С-Ю. В-З. СВ-ЮЗ. СЗ-ЮВ.	78,6
	Гробище	Есть. Нет.	78,0
	Ритуальные вещества	Есть. Нет.	74,9
	Количество погребенных в яме	Один. Два. Три и более.	87,7
Ориентировка погребенных	Ю. З. В. С. ЮВ/ЮЗ.	84,1	
Напутственная пища	Наличие жертвенной пищи	Есть. Нет.	99,8
	Видовой состав	Овца. КДЖ. Овца и КДЖ.	90,2
	Часть туши	Туша без головы. Ноги. Ноги с лопатками. Ноги и ребра.	68,2
	Размещение в яме	В головах. В ногах. Справа. Слева. Во входной яме.	86,8
Инвентарь	Оружие	Меч. Стрелы. Меч и стрелы. Меч, кинжал, стрелы и копье. стрелы и копье.	72,5
	Расположение мечей	Слева. Справа. слева и справа.	77,9
	Расположение стрел	Слева. Справа. В головах. В ногах	76,3
	Сосуды	Лепные. Деревянные. Сочетания лепных с гончарными и деревянными.	76,5
	Размещение сосудов в яме	В головах. В ногах. справа. слева. В нескольких местах.	58,8

Таблица 14

Всеобщие признаки

Признак	Заволжье		Междуречье	
	%	тенденция	%	тенденция
1	2	3	4	5
1. Земляная насыпь	100	1	100	1
2. Одно погребение III в. до н. э. в кургане	55,9	1	57,1	1
3. Два одновременных погребения	23,5	1,2	14,3	0,8
4. Три и более одновременных погребений	20,6	0,8	28,6	1,2
5. Время сооруж. кург. - эпоха бронз. и савром.	70,6	0,8	100	1,2
6. Впускные погребения	92,2	1	100	1
7. Погребение в центре кургана	35,3	1	36,4	1
8. Погребение на периферии кургана	64,7	1	63,6	1
9. Погребение в материке	96,1	1	90,9	1
10. Прямоугольная яма	45,1	1,2	27,3	0,8
11. Подбой	33,3	0,8	45,5	1,2
12. Катакомба	11,8	1,1	9,1	0,9
13. Ориентировка ямы С-Ю	62,7	1,1	54,5	0,9
14. Ориентировка ямы СВ-ЮЗ	9,8	1	9,1	1
15. Один погребенный в яме	80,4	1,1	72,7	0,9
16. Два погребенных в яме	11,8	1,1	9,1	0,9
17. Ориентировка погребенного к Ю	52,9	1	54,5	1
18. Ориентировка погребенного к ЮВ/ЮЗ	29,4	1	27,3	1
19. Наличие жертвенной пищи	72,5	1	72,7	1
20. Кости овцы	91,9	1	87,5	1
21. Кости ног и ребра животных	43,2	0,8	62,5	1,2
22. Жертвенная пища в головах	32,4	1,1	25	0,9
23. Жертвенная пища в ногах	43,2	1,1	37,5	0,9
24. Жертвенная пища слева	8,1	0,8	12,5	1,2
25. Стрелы	41,2	1	45,4	1
26. Меч справа	66,7	1,1	57,1	0,9
27. Стрелы слева	55,3	0,9	66,7	1,1
28. Стрелы справа	18,4	0,8	25	1,2
29. Лепные сосуды	90,3	1,1	70	0,9
30. Сосуды в головах	19,4	1	20	1
31. Сосуды в нескольких местах могилы	19,4	0,8	30	1,2

По 12 совокупностям из 24 коэффициент сходства выше среднего, составляя от 100 % до 78,6 %, в среднем 91,3 % (табл. 13). Наибольшее сходство наблюдается по совокупностям: структура насыпи, находки в насыпи, количество одновременных погребений в кургане, последовательность захоронения, местоположение в кургане, размещение в материке, ориентировка могильной ямы, количество погребенных в могиле, их ориентировка, наличие и видовой состав жертвенной пищи, а также ее размещение в яме. Те совокупности, которые располагаются ниже границы среднего коэффициента, также близки к нему, поскольку находятся в интервале от 78 % до 58,8 %, то есть в среднем —

73,2 %. Фактически это свидетельствует о высокой степени сходства по всем основным элементам погребального обряда. Иными словами, можно сделать вывод о распространении в III в. до н. э. единообразной археологической культуры по обе стороны Волги.

Таблица 15

Частные признаки по тенденциям

Признак	Заволжье		Междуречье	
	%	тенденция	%	тенденция
1	2	3	4	5
1. Ориентировка ямы СЗ-СВ	19,6	1,4	9,1	0,6
2. Кости ног и лопатки животных	43,2	1,3	25	0,7
3. Сосуды в ногах	38,7	1,3	20	0,7
4. Погребение в насыпи	3,9	0,6	9,1	1,4
5. Деревянное перекрытие	31,4	0,7	54,5	1,3
6. Органическая подстилка	25,5	0,6	54,5	1,4
7. Яма с заплечиками	3,9	0,6	9,1	1,4
8. Ориентировка ямы В-З	5,9	0,4	27,3	1,6
9. Наличие гробовища	23,5	0,7	45,5	1,3
10. Ритуальные вещества	29,4	0,7	54,5	1,3
11. Три и более погребенных в яме	5,9	0,5	18,2	1,5
12. Ориентировка погребенного к В	3,9	0,6	9,1	1,4
13. КДЖ	2,7	0,4	12,5	1,6
14. Кости животных справа	16,2	0,5	50	1,5
15. Меч и стрелы	23,5	0,7	45,4	1,3
16. Меч, кинжал и стрелы	7,8	0,6	18,2	1,4
17. Меч слева	12,5	0,6	28,6	1,4
18. Мечи слева и справа	8,3	0,7	14,3	1,3
19. Стрелы в головах	2,6	0,5	8,3	1,5
20. Сочетание лепных сосудов с гончарными и деревянными	6,5	0,4	30	1,6

Локальные различия могут быть охарактеризованы посредством частных признаков, как «чистых», так и по тенденции. При этом следует остановиться лишь на тех признаках, которые имеют двузначные процентные показатели. Остальные признаки в силу их небольших числовых значений могут быть недостаточно достоверны из-за весьма ограниченной представительности волго-донской выборки. Их достоверность может быть определена только с дальнейшим накоплением материала. Для заволжских погребений фиксируется гораздо больший удельный вес раннесарматского времени сооружения кургана (20,6 %) и связанного с ним признака «основное погребение», ориентировки ямы по линии СЗ-ЮВ (19,6 %), наличие ноги животного в качестве жертвенной пищи, с лопаткой (43,2 %) и без нее (10,8 %), на-

хождение мечей без сопровождения других видов оружия (15,7 %), расположение стрел в ногах погребенного (13,2 %).

Таблица 16

«Чистые» частные признаки

Признак	Заволжье, %	Междуречье, %
1	2	3
1. Находки в насыпи	11,8	
2. Время сооружения кургана раннесарматское	20,6	
3. Основное погребение	7,8	
4. Ориентировка погребенного к С	5,9	
5. Овца и КДЖ	5,4	
6. Туша животного без головы	2,7	
7. Кости ног животного	10,8	
8. Кости животных во входной яме	5,4	
9. Меч	15,7	
10. Стрелы и копье	2	
11. Стрелы в ногах	13,2	
12. Деревянные чаши	3,2	
13. Сосуды слева	3,2	
14. Ориентировка погребенных к З		27,3
15. Меч, кинжал, стрелы и копье		9,1
16. Сосуды справа		20

Значимыми признаками погребального обряда Волго-Донского междуречья по процентному преобладанию могут считаться: наличие деревянного перекрытия (54,5 %), органической подстилки (54,5 %), гробовищ (45,5 %), ритуальные вещества (54,5 %), ориентировки ям (27,3 %) и погребенных (36,4 %) в широтном направлении, три и более погребенных в одной могильной яме (18,2 %), расположение костей животных (50 %) и сосудов (20 %) справа от покойника, большой удельный вес погребений с набором из нескольких видов оружия (меч, стрелы — 45,4 %, меч, кинжал, стрелы — 18,2 %, меч, кинжал, стрелы, копье — 9,1 %), расположение меча слева (28,6 %) или нескольких мечей по бокам погребенного (14,3 %), а также большая значимость признака «гончарные и деревянные сосуды в комплекте с лепными» (30 %).

При всей сложности объяснения локальных различий обращает на себя внимание сохранение элементов савроматских традиций на правом берегу Волги при более акцентированных раннесарматских чертах в Заволжье. Возможным объяснением этому

может служить предположение об относительно растянутом во времени продвижении на запад, которое не носило характера единовременной акции. Однако преобладание погребений с оружием на западном берегу, при наличии нескольких предметов вооружения в одном комплексе, позволяет думать о весьма напряженной обстановке в области освоения новых территорий. Весьма знаменательно, что именно здесь преобладает набор вооружения, маркирующий высокий «дружинный» статус погребенных. Возможно, сама незначительность числа погребений III в. до н. э. на этой территории не случайна.

Преобладание деревянных перекрытий и грововищ на западном берегу Волги может найти свое объяснение в естественной разнице геобиоценозов двух смежных регионов. Для правобережья более характерна лесистость, нежели для Заволжья. Такое положение было присуще анализируемым территориям не только в современности, но и в более удаленные от нас эпохи (Демкин В.А., Иванов И.В., 1985, с. 11, 12; Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995, с. 24—26; Кременецкий К.В., 1997, с. 30—44).

Преобладание гончарных сосудов в комплексах с деревянными чашами и лепной керамикой кажется вполне объяснимым, учитывая возможности кочевых маршрутов Волго-Донского междуречья в сторону земледельческого населения.

Специфика археологического материала не позволяет однозначно воспринимать предложенные реконструкции, однако из множества других именно они кажутся мне наиболее правдоподобными. Сложившиеся к настоящему времени в отечественной историографии представления о начале, формах и особенностях миграционного процесса приуральских кочевников вместе с предложенным выше анализом памятников IV—III вв. до н. э. в Нижнем Поволжье дают возможность изложить свой взгляд на проблему и уточнить хронологические позиции изучаемого периода.

ГЛАВА IV.

ПЕРВЫЕ САРМАТСКИЕ МИГРАЦИИ В НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ

Анализ погребального обряда и сопутствующего инвентаря раннесарматских погребений IV—III вв. до н. э. в Нижнем Поволжье позволяет констатировать несомненную связь этих комплексов с синхронными памятниками Приуралья, которую можно объяснить как следствие миграционных процессов.

Под миграцией принято понимать процесс перемещения населения с одной территории на другую вне зависимости от масштаба или интенсивности этого явления. В отечественной литературе неоднократно дискутировалась проблема отражения миграций в археологическом материале (Клейн Л.С., 1973; Мерперт Н.Я., 1978; Титов В.С., 1982; Мошкова М.Г., 1997). Результатом может считаться формулирование ряда критериев, при наличии которых миграция может быть признана имеющей место (Титов В.С., 1982, с. 92):

1) Территориальный критерий, по которому мигрирующая культура должна иметь точки соприкосновения между исходной и новой территорией. В этом смысле Приуралье и Нижнее Поволжье не вызывают сомнений.

2) Хронологический критерий, согласно которому в районе происхождения мигрирующая культура существовала раньше. Формирование раннесарматского археологического комплекса в Приуралье в V—IV вв. до н. э. и сохранение классических сарматских погребений в IV в. до н. э. в Поволжье также хорошо известно.

3) Критерий локальности, согласно которому мигрирующая культура на новом месте должна как бы быть сделанной по

лекалу, то есть сохранить весь комплекс черт, известных на прежней территории. При всей синкретичности волго-донских погребений доминирование инноваций в Нижнем Поволжье позволяет утверждать такую близость.

В то же время следует учитывать априорность вышеперечисленных критериев и сложность чисто археологической идентификации при скудности письменных свидетельств, оставляющих всегда место для сомнений.

Еще более сложным является выявление конкретных форм миграции, будь то инфильтрация, диффузия или инвазия. Под инфильтрацией понимается «просачивание» отдельных групп населения в массу местного без серьезного изменения основных элементов аборигенной культуры. Под диффузией подразумевается постепенное смешение субстратной и суперстратной культур с формированием синкретичной новой культуры, зачастую с доминированием того или другого компонента. Инвазия как насильственное вторжение, относительно быстротечное и массовое перемещение населения с перенесением суперстратной культуры на новую территорию есть еще одна форма миграции. В зависимости от степени катастрофичности ситуации в исходной области миграция может принимать характер как переселения, так и расселения.

Многовариантность влияний различных факторов, как-то: разница или сходство в уровнях культур, в хозяйственном укладе, интенсивность домиграционных связей, торговая инфраструктура, степень этнической, языковой, религиозной близости, маршруты и интенсивность перекочевков и многое другое, — все это при известной ограниченности источников позволяет видеть в предложенных формах миграции лишь модель или преобладающую тенденцию. Реальный процесс, безусловно, был сложнее и мог включать в себя сочетания разных моделей в различных пропорциях. Тем не менее появление в IV в. до н. э. в степях Заволжья раннепрохоровских погребений и их проникновение затем в Волго-Донское междуречье требует объяснения причин этого явления.

В литературе причины раннепрохоровской миграции на запад обозначены достаточно обще (Смирнов К.Ф., 1984, с. 116, 117), поскольку отсутствие письменных источников и специфика археологического материала не позволяют уверенно назвать

конкретные поводы, стимулировавшие движение кочевников. В этой связи кажется важным обратить внимание на одновременность целого ряда новых явлений, фиксируемых в Приуралье IV в. до н. э. Здесь формируется раннесарматская археологическая культура, появляются богатейшие «царские» курганы типа Филипповки, широко распространяется комплекс вооружения, состоящий из копья, длинного меча и колчана, емкость которого увеличивается. Тогда же получает распространение специфическая лепная круглодонная керамика с богатым орнаментальным фризом и тальком в тесте, известная в V—IV вв. до н. э. у населения Южного Урала. В то же время появляется обычай располагать впускные погребения в кургане вокруг центрального. На IV—III вв. до н. э. приходится и аридизация приуральских степей, оцениваемая исследователями в интервале от резкой до умеренной (Иванов И.В., 1994, с. 86; Демкин В.А., Рысков Я.Г., 1996, с. 31, 32).

Инновации в погребальном обряде и вещевом инвентаре Приуралья V—IV вв. до н. э. неоднократно анализировались исследователями. Картина формирования прохоровской культуры суммарно выглядит следующим образом: племена дахо-массагетского мира, оставившие т. н. «савроматскую» археологическую культуру Приуралья, в V в. до н. э. переживали эпоху расцвета. Благоприятная экологическая ситуация с большим, по сравнению с современностью, количеством атмосферных осадков и мягкими зимами приводила к увеличению продуктивности пастбищ, а следовательно к росту количества скота и демографическому подъему (Демкин В.А., Лукашов А.В., 1993, с. 50, 51). Именно в это время внутри общества кочевников происходят сложные изменения, отразившиеся в появлении коллективных захоронений в камерах с дромосом-входом для длительного использования склепа и в сосредоточении богатств в руках наиболее мощных общественных групп, маркирующих свой статус богатым погребальным инвентарем. Сильные и богатые родовые коллективы, имея возможность кочевать на большие расстояния, перенимали новые черты обряда и некоторые элементы материальной культуры как у северных, так и у южных соседей (Железчиков Б.Ф., 1994а, с. 124, 125; Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х., 1994, с. 8).

Близкие условия сложились и на соседней территории — в Зауралье, где благоприятные экологические условия также способствовали подъему экономики и росту населения. Но сложные взаимоотношения племен, оставивших иткульскую, гороховскую и саргатскую археологические культуры, в конце V — начале IV в. до н. э. усугубились резко наступившей аридизацией в Южном Зауралье. Демографическая напряженность, наложившись на экологический кризис и межплеменную борьбу, стимулировала передвижение части зауральских кочевников и других, инкорпорированных в их среду племен, на запад в Приуралье, добавив новые черты в формирующуюся раннесарматскую археологическую культуру (Мошкова М.Г., 1974, с. 36—38; Таиров А.Д., 1995, с. 90—93). Одновременно в Южных Кызылкумах, Средней Азии и Казахстане складываются пустынные и полупустынные почвенно-ландшафтные условия, а в пределах Южного Урала сохранялась степная и сухостепная природная обстановка (Демкин В.А., 1994, с. 111; Демкин В.А., Рысков Я.Г., 1996, с. 33). Все это неизбежно должно было сократить возможности маневра и определить направление миграции. Пришельцы не только приносили свои элементы в культуру, но и неизбежно усугубляли демографическую и экономическую обстановку, обостряя борьбу за передел пастбищных территорий. К тому же, достигшая к IV в. до н. э. Приуралья, умеренная аридизация уменьшала кормовую и продовольственную базу кочевого населения.

Этнографические и исторические параллели свидетельствуют, что в таких условиях активизируется борьба за пастбища не только с мигрантами, но и внутри самих гентильных организаций. При отсутствии норм юридического характера на первый план выступает обычное право, в родо-племенных структурах традиционно опирающееся на отношения родства. Демографический рост вел к разрастанию гентильных групп и более четкому определению прав близких и дальних родственников. Но особенно активным этот процесс становится в условиях нехватки земли и пастбищ. Этнографические подробности процесса социальной стратификации савромато-сарматского общества античными авторами не зафиксированы. Поэтому кажется логичным воспользоваться свидетельствами истории того общества, которое отразило интересующее нас явление в своей традиции. В Древнем Риме именно в связи с нехваткой земли роды приобрели

генеалогическую определенность. В составе общины весь комплекс прав, в первую очередь на землю, сохранили за собой лишь агнаты до 6—7 степени родства. Роды, оказавшиеся за пределами близкородственных коллективов, земли не получали и искали лучшей доли на других территориях, в случае удачи создавая новые родовые группы и самостоятельные хозяйственные единицы. Но между старыми и новыми сегментами сохранялись постоянные контакты на уровне клановых связей и сакрального единства. Выведенные из «списка» близких родственников продолжали входить в один из больших кланов и подчинялись его главе (Коптев А.В., 1992, с. 9, 10). Если столь плотные связи сохранялись в земледельческой среде, то в кочевнической, традиционно более приверженной родовой организации, это еще более вероятно. У средневековых кочевников аналогичная сегментация родовых коллективов тоже вела к перераспределению прав в пользу старших родов. При этом младшие родственники сохраняли память об общем предке, родовое имя и культивировали свою родословную, даже попав в зависимость или кочуя с чужими родами (Владимирцов Б.Я., 1934, с. 46, 47, 63—65; Султанов Т.И., 1982, с. 7—14). Типологической особенностью родоплеменных культов является замкнутость основных обрядов (в том числе погребальных) в рамках общинно-родового клана (Герасимова К.С., 1992, с. 154). Поэтому кажется возможным экстраполировать модель сегментации родового общества на кочевую среду конца V — IV в. до н. э.

Этот процесс отразился, как мне кажется, в бытовавших в это время погребальных сооружениях: дромосных коллективных захоронениях и связанных с ними подбойных, катакомбных, диагональных и простых могилах. Уже неоднократно отмечалось, что зачастую разница между такими погребениями лишь в форме могильных ям. Обряд, сопутствующий инвентарь, ориентировка, хронологические рамки не позволяют развести эти памятники по разным этническим группам. Иными словами, погребальные комплексы отражают некие социальные статусы в рамках общей гентильной организации. Дромосные могилы, представляющие собой погребальные сооружения для коллективного и многократного захоронения, в этой системе выглядят склепами для близких родственников — агнатов, сохранявших в рамках родства права на родовые пастбища и маршруты. В такой

интерпретации показательна предложенная К.Ф. Смирновым аналогия дромосной могилы форме жилища, прямоугольной землянки с длинным коридором, известной у соседнего сарматам населения лесостепного Зауралья (Смирнов К.Ф., 1975, с. 160). Жилище в погребальной обрядности вполне могло служить символом дома близкородственного коллектива. Отделившиеся родственники дальнего окружения сохраняют память, обряды и, видимо, связь с нуклеарным родом, а значит и с кладбищем этой гентильной группы, но в погребальный «дом» уже не допускаются. Этнографические наблюдения позволяют говорить о том, что кладбища были обычно не родовыми, а клановыми, включавшими в себя несколько линиджей (Грачева Г.Н., 1975, с. 128, 129). Формы впускных погребальных сооружений вокруг центрального коллективного захоронения в таком случае могли маркировать разные внутриклановые подразделения или статусы. Не исключено, что часть адаптированных в клан «фиктивных» родственников сохраняла свои прежние погребальные традиции, в том числе и погребальные сооружения. Но для нас важно отметить, что в склеп с дромосом-входом, то есть возможностью неоднократного подзахоронения, они не допускались, а располагались вокруг, демонстрируя связь с центральным захоронением нуклеарного рода, но не входя в него.

Кочевники, выведенные за рамки близкого родства и лишённые права пользоваться пастбищной территорией нуклеарного рода, должны были уходить на отдалённые пастбища. Особенно расстояния увеличивались зимой, когда в поисках хороших зимников родовые коллективы делились на более мелкие единицы. Расстояние до кладбищ клана становилось в зимнее время серьёзным препятствием. Мерзлый грунт (средняя глубина промерзания грунта в Приуралье — около 1,5 м) также осложнял захоронение покойника. Если в дромосную могилу можно было проникнуть в любое время года, то сооружение могилы в насыпи кургана зимой требовало интенсивного прогрева земли. Явный недостаток топлива в степи ещё более осложнял эту задачу. Поскольку зимой кочевники расходятся в поисках ниш для зимовок довольно далеко друг от друга, надежда на взаимопомощь весьма призрачна. В этих условиях выполнение погребальных традиций клана должно было привести к необходимости сохранять тело покойника до весны, а затем доставлять с даль-

них пастбищ и хоронить всех умерших в зиму относительно одновременно. В этом случае становится понятным единообразный порядок захоронений в круговой системе или параллельно друг другу без нарушения соседних могил. Ряд факторов, засвидетельствованных исследователями, может служить косвенным подтверждением такого предположения. Количество раннесарматских погребений, расположенных вокруг центральной могилы в концентрической системе, последовательно снижается с востока на запад в направлении смягчения континентальности климата, где проблема промерзания земли перед участниками погребального ритуала не стояла. В Южном Приуралье таких погребений 78,1 %, в Заволжье — 56,7 %, на правобережье Волги — 46,2 %, на Нижнем Дону — 34 %, в Калмыкии — 14 %, а на Кубани и в Ставрополье — 0 (Скрипкин А.С., 1997а, с. 182). В насыпях таких курганов не прослеживаются и следы искусственного оттаивания грунта. Палеокриогенный анализ стенок глубоких могильных ям раннесарматского времени, проведенный почвоведом в Поволжье, позволил констатировать, что все исследованные захоронения производились в теплое время года (Демкин В.А., 1994, с. 110). Изучение археозоологического материала из могильников Покровка I, II и VIII позволило на основании возраста забитых животных прийти к выводу, что нет ни одной особи, достоверно забитой зимой. Овцы принесены в жертву весной, летом или осенью (Косинцев П.А., 1995, с. 93). Сохранение умерших до весны известно в скифо-сарматское время у населения Минусинской котловины и встречается в погребальной практике племен Саяно-Алтая (Кузьмин Н.Ю., 1985, с. 47, 48; Вадецкая Э.Б., 1992, с. 239). Предположение о совершении похорон только в теплое время года высказывалось и в отношении населения, оставившего ямную археологическую культуру (Шевченко А.В., 1986, с. 137—139).

В такой интерпретации находят свое объяснение встречающиеся изредка в неограбленных сарматских захоронениях разрозненные кости погребенных (Эльтон, кург. 10, погр. 2; Кос-Оба, кург. 11, погр. 6). Сохранение останков до захоронения имело некоторые неудобства, в силу чего приходилось иногда хоронить уже распавшиеся части покойников. От соблазна трактовать эти погребения как некую погребальную традицию вторичных захоронений, должно, на наш взгляд, предостеречь то обстоятель-

ство, что подобные случаи редки и не демонстрируют единообразия в ритуале. Таким же образом трактуются захоронения разрозненных костей в погребениях сарагашенского времени Минусинской котловины и в курганах Горного Алтая и Тувы (Кузьмин Н.Ю., 1985, с. 47, 48).

Следовательно, в курганах с центральной дромосной могилой и впускными, относительно одновременными погребениями, с большой долей вероятности можно видеть отражение процесса перестройки и сегментации родовых институтов в IV в. до н. э. Этот процесс дал начало новой традиции расположения впускных погребений вокруг центрального, просуществовавшей несколько столетий.

Хорошо известно, что социальная и политическая организация кочевников традиционно детерминирована конкретными историческими и политическими условиями. Относительно мирная обстановка продуцировала общинно-кочевую социальную структуру с известной самостоятельностью не только племенных сегментов, но и отдельных семей. Политическая организация в такие периоды характеризовалась аморфностью и слабостью военной и гражданской власти. Возникшая напряженность, связанная с войнами, миграциями, обострением политической ситуации, стимулировала сложение военно-кочевого уклада с более упорядоченной военной и политической структурой, возросшей властью вождей, кочевыми группами и специальными отрядами, организованными по-военному (Марков Г.Е., 1980, с. 28, 29). В свете этих общих положений показательна перестройка военной организации раннесарматского кочевого общества. Систематически встречающиеся в IV в. до н. э. погребения с набором вооружения, состоящим из тяжелого копья, длинного меча и колчана большой емкости, свидетельствует о появлении в сарматском войске «ударного кулака» в виде тяжеловооруженного конного подразделения. История военного дела показывает, что такие отряды были традиционны для кочевников древности и Средневековья с развитой военной организацией и необходимы для борьбы против организованных боевых порядков противника (Хазанов А.М., 1971, с. 74; Худяков Ю.С., 1976, с. 101, 102). В скоротечных немногочисленных схватках или при набегах они не имели смысла. В.Н. Васильев связывает «военную реформу» сарматов IV в. до н. э. с их участием в персидской армии, в антима-

кедонском движении и индийском походе Александра (Васильев В.Н., 1995, с. 16—18). Не отрицая участия кочевников Приуралья в делах Ирано-Среднеазиатского региона, следует вспомнить, что именно в это время формируются мощные племенные образования в самом Приуралье. Свидетельством тому являются «царские» курганы Филипповки. Допустимо предположить, что политическая, демографическая и экологическая ситуации послужили могучим катализатором этого процесса. В таких условиях тяжеловооруженная конница была жизненно необходима в борьбе за контроль над пастбищными территориями. Неизбежные в этой борьбе поражения или отказ от борьбы вынуждали часть населения покидать традиционные зоны кочевания и искать незанятые экологически благоприятные ниши в Заволжье. Именно с этим можно связать появление раннепрохоровских погребений в районе Камыш-Самарских озер, в Узенской пойме, у Могутинского и Сайхинского лиманов и по левобережью Волги. Здесь встречаются дромосные могилы и круговая система захоронений, не обязательно объединенные в общем кургане (Новоузенск, Лятошинка, Эльтон, Новая Квасниковка, Бородаевка). Значительная часть раннесарматских комплексов представлена одиночными погребениями. Вторым направлением раннепрохоровской миграции в Заволжье был путь по долине р. Самары с притоками, выведивший мигрантов в Среднее Поволжье (Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996, с. 210).

Процесс миграции IV в. до н. э. имел характер переселения избыточной части населения в свободные области. Надо полагать, отдельные группы приуральских кочевников sporadически появлялись в Нижнем Поволжье и раньше (Мошкова М.Г., 1997, с. 70, 71). Учитывая незначительную заселенность и относительную бедность савроматского Заволжья (Железчиков Б.Ф., 1994б, с. 138, 139), можно предположить, что процесс освоения этой территории протекал достаточно мирно.

В междуречье Волги и Дона, где местное население было представлено не только многочисленными, но и хорошо вооруженными родо-племенными объединениями, раннепрохоровская миграция, по нашему мнению, приняла форму диффузии. Результатом этого процесса стало формирование смешанного савромато-сарматского населения, отразившееся в синкретическом облике археологической культуры IV в. до н. э. (Очир-Горяева

М.А., 1988, с. 17; Максименко В.Е., 1990, с. 22, 23). Процесс диффузии нашел отражение в антропологических характеристиках ранних сарматов IV—III вв. до н. э. в Нижнем Поволжье. В состав краниологических серий вошли савроматские компоненты Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Причем наличие альтернативных типов свидетельствует о ненаступивших еще процессах интеграции и ассимиляции. При этом ранние сарматы Волго-Донского междуречья занимают особое место, поскольку их своеобразие подразумевает более активное участие в расогенезе местного, досарматского населения, сходного по краниотипу с европейскими скифами (Балабанова М.А., 1998, с. 8, 9, 20, 21). В такой интерпретации находит свое компромиссное разрешение традиционное противопоставление автохтонистского и миграционного взглядов на проблему происхождения раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье.

Видимо, с этой группировкой можно связать попавший в поле зрения античных авторов в IV в. до н. э. этноним «сирматы». Локализация его исключительно на правом берегу Дона отнюдь не вытекает из текста источника (Псевдо-Скилак, 68) и может оцениваться только как логическое допущение, что уже отмечалось С.В. Полиным и А.В. Симоненко (Полин С.В., Симоненко А.В., 1997, с. 90). Перипл Псевдо-Скилака, будучи географическим описанием побережья Черного моря и следуя своему предназначению, перечисляет племена по берегам Меотиды и Понта, игнорируя экскурсы вглубь территории (Псевдо-Скилак, 68—88). Поэтому савроматы локализованы как первое племя на азиатском берегу Понта, что отнюдь не означает обязательного восточного соседства с сирматами по всему руслу Танаиса. В то же время археологическое единство памятников по обоим берегам Дона ни у кого не вызывает сомнений.

Надо полагать, проникновение нового компонента в Подонье было относительно мирным и не привело к серьезной дестабилизации обстановки, которая всегда сопровождает массовые вторжения (Марченко К.К., 1996, с. 70, 71). Однако и преувеличивать мирный характер формирующейся новой этнополитической группировки не следует. Иначе становится непонятным беспокойство жителей Елизаветовского городища, в середине IV в. до н. э. соорудивших сразу две линии обороны, а вскоре после их разрушения около третьей четверти IV в. до н. э., создавших но-

вые укрепления (Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я., 1997, с. 9, 10).

Дальнейшая судьба сирматского объединения, вероятно, была определена новым миграционным импульсом заволжских и приуральских кочевников на рубеже IV—III вв. или в начале III в. до н. э. Напор с востока вынудил прежнее население продвигаться дальше на запад, свидетельством чему могут служить отчетливые следы гибели Семилукского, Коломакского в других лесостепных скифоидных городищ Среднего Дона и пресечение традиций скифской эпохи в Днепро-Донском междуречье. К тому же появилась возможность зафиксировать археологически проникновение савромато-сирматского населения на рубеже IV—III вв. до н. э. в среднедонскую лесостепь (Медведев А.П., 1997, с. 50—64). Одновременно жители Елизаветовского городища покидают дельту Дона, не оказывая сопротивления, а боспорский эмпорий, выведенный сюда же, продержался не более 10—15 лет и прекратил существование к концу первой четверти III в. до н. э. (Горончаровский В.А., 1987, с. 10, 11; Копылов В.П., 1987, с. 13, 15). Интенсивные контакты Елизаветовского торжища с боспорскими купцами не позволяют назвать виновником гибели Елизаветовского городища Боспорское царство (Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я., 1997, с. 10, 11), а следов носителей раннесарматской (прохоровской) культуры в ее классическом варианте на Дону в это время не обнаружено. Сирматское (савромато-сарматское по археологическому облику) население представляется в таких условиях наиболее вероятным участником событий. Отрицая участие сарматов в процессах, принесших гибель «Великой Скифии», С.В. Полин и А.В. Симоненко убедительно доказали отсутствие памятников прохоровской культуры в Северном Причерноморье вплоть до середины II в. до н. э. Но и они не отрицают наличия поздних савроматов по берегам Танаиса (Полин С.В., Симоненко А.В., 1990, с. 76—93; 1997, с. 87—96). Я далек от мысли считать сирматов главным и единственным виновником дестабилизации во всем Северном Причерноморье. Гораздо убедительней выглядит картина, отражающая многообразие процессов, происходящих в Северном Причерноморье. Не в равной мере, но сыграла свою роль и внутренняя нестабильность в степной Скифии, усугубленная экологическими изменениями, и активизация в связи с этим восточных и западных

соседей. Во всяком случае, называемые в нынешней оживленной полемике причины гибели «Великой Скифии» отнюдь не выглядят альтернативными.

Другим направлением миграции волго-донских кочевников следует назвать Прикубанье. Появление в этом регионе в конце IV — первой половине III в. до н. э. памятников с чертами савроматской археологической культуры Поволжья и Приуралья и некоторыми раннерохоровскими элементами (Марченко И.И., 1988, с. 10—13; Ждановский А.М., 1990, с. 36, 37) соответствует такому предположению. Разумеется, сформировавшийся в северокавказских степях сиракский племенной союз нельзя сводить к одному этнониму, ибо такого рода процессы втягивали в свою орбиту как близкородственные племена, так и аборигенное население. Однако сохранившиеся в памяти сираков легенды о савроматских корнях сиракской племенной верхушки (Виноградов В.Б., 1966, с. 48; Марченко И.И., 1996, с. 115, 116) и упоминание о бегстве сираков «из среды живущих выше народов...» (Страбон, XI, V, 8) позволяют предположить наличие сирматского компонента в сиракской «родословной».

Памятники Волго-Донского междуречья, синкретически сочетающие в себе савромато-сарматские черты, традиционно с опорой на скифскую хронологию датируются IV в. до н. э. Но учитывая, что дестабилизационные процессы в Северном Причерноморье, по мнению исследователей, приходится на начало — первую половину III в. до н. э., причем негативные тенденции нарастают в направлении с востока на запад (Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1991, с. 30; Марченко К.К., 1996, с. 70—73), представляется возможным несколько расширить хронологические рамки бытования упомянутых памятников, определив их в интервале IV — начала III в. до н. э.

Следующий миграционный импульс связан с усилением заволжских кочевых группировок за счет притока приуральских кочевников. Количественное соотношение сарматских погребений в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье отчетливо и резко начинает меняться в пользу западного региона (Мошкова М.Г., 1997, с. 47; Железчиков Б.Ф., Скрипкин А.С., 1997, с. 214, 215). На рубеже IV—III вв. до н. э. в Приуралье прекращается функционирование большинства известных могильников, начинается заселение более северных, лесостепных областей за пределами тра-

диционных территорий. Ряд курганных кладбищ, видимо, продолжает использоваться до конца III в. до н. э., но и они к началу II в. до н. э. уже не действуют (Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 130; Железчиков Б.Ф., 1997, с. 27). Столь явное сокращение населения в Южном Приуралье в условиях нарастающей аридизации свидетельствует о том, что миграция кочевников стала принимать форму переселения.

В Заволжье выделенные нами памятники III в. до н. э. не позволяют говорить о демографическом перенапряжении. Однако следует учесть, что вместе с комплексами, датированными этим временем, в одних и тех же курганах, зачастую в общей кольцевой системе, постоянно присутствуют погребения, в силу малой хронологической информативности инвентаря определяемые совокупно III—I вв. до н. э. Вероятно, какая-то их часть должна относиться к III в. до н. э. Большее количество памятников III в. до н. э. сосредоточено в Заволжье, причем иногда эти погребения соседствуют в общих курганах-кладбищах с комплексами IV в. до н. э. и также располагаются по кольцу вокруг центра. Разница, наблюдаемая в сопутствующем инвентаре, свидетельствует о хронологических различиях, но соблюдение единых правил в погребальном ритуале общего кладбища не позволяет говорить о сколь-нибудь значимом временном интервале между ними. Учитывая то, что раннесарматская археологическая культура в своих классических чертах сложилась в Приуралье к концу IV в. до н. э. (Мошкова М.Г., 1974, с. 10), можно предположить появление части погребений, датированных нами III в. до н. э., в заволжских курганах уже в конце IV или на рубеже IV—III вв. до н. э. Надо полагать, что сам процесс миграции в Заволжье на протяжении двух столетий был относительно непрерывным.

В Волго-Донском междуречье, однако, нет ни одного памятника с таким сочетанием погребений IV и III вв. до н. э. под одной насыпью. Учитывая время начала дестабилизационных процессов в Северном Причерноморье и иную этнополитическую обстановку в междуречье Волги и Дона, логично предположить, что для переселения на волжское правобережье и освоения волго-донских степей из Заволжья понадобилось некоторое время. Высокий удельный вес погребений III в. до н. э. с оружием на правом берегу Волги и уход прежнего населения с традиционных пастбищ свидетельствует о немирной, но успешной оккупации новых областей.

Общее число погребений, оставленных новой миграционной волной, невелико, даже учитывая невыразительные комплексы, датируемые в широком интервале III—I вв. до н. э. Следует согласиться с мнением А.С. Скрипкина, отметившим слабую заселенность Нижнего Поволжья в постсавроматское время вплоть до II в. до н. э. (Скрипкин А.С., 1992а, с. 35). Поэтому представление о новом населении как о могучей силе, которая привела к опустошению северопричерноморских степей, неубедительно. Большие пространства Нижнего Поволжья и отсутствие следов демографического напряжения позволяют предположить наступление периода стабильности в этом регионе на протяжении III в. до н. э.

Резкое увеличение числа памятников раннесарматской культуры в Поволжье и распространение их в Северном Причерноморье приходится на II в. до н. э. А.С. Скрипкин приводит обширный список инноваций, имеющих аналогии в среднеазиатских, минусинских, алтайских и ордосских древностях, и связывает их появление в западных районах Евразии с бурными событиями конца III — II в. до н. э. на западных границах Китая и в Центральной Азии. Столкновение между хунну и юэджями, падение Греко-Бактрии, образование государств Кангюй и Янцай в бассейне Сыр-Дарьи и в Приаралье привели к активизации кочевого элемента и инициировали мощное движение в западном направлении. Именно в это время значительно обновилась и обогатилась этническая номенклатура Северного Причерноморья (Скрипкин А.С., 1997б, с. 12—14; 20—22). С этой новой волной восточных кочевников связывает исследователь появление вместе с сатархами-тохарами, роксоланами и другими восточными народами аорсов, сомневаясь в традиционном отождествлении последнего этнонима с памятниками прохоровской культуры. Перечисляя инновации в погребальном обряде, автор называет преобладание узких ям с подбоями и без них, господство впускных погребений в насыпях курганов эпохи бронзы, расположение по кругу. Сюда же включена лепная плоскодонная посуда, зеркала с валиком, железные черешковые наконечники стрел и мечи с кольцевым навершием (Скрипкин А.С., 1997б, с. 12). Однако весь этот список известен начиная с III в. до н. э. и фиксируется в приуральских комплексах прохоровской культуры. Иными словами, гипотеза К.Ф. Смирнова о связи аорсов с

прохоровской культурой кажется по-прежнему вполне жизнеспособной (Смирнов К.Ф., 1964а, с. 286—290), с тем лишь уточнением, что под, собственно, аорсами в Поволжье, вероятно, следует понимать заволжские памятники IV—III вв. до н. э., распространившиеся к III в. до н. э. по обе стороны Волги. Миграционная волна II в. до н. э. была представлена более сложным конгломератом племен, включавшим в себя как среднеазиатские и более восточные компоненты, так и родственное предыдущим мигрантам приуральское население.

В этой интерпретации находит свое объяснение связь и противопоставление этнонимов «аорсы» и «верхние аорсы». С продвижением миграционной волны II в. до н. э. прежние аорсы были, видимо, оттеснены к Дону, став, следом за сираками, изгнанниками племен, живущих выше (Страбон, XI, V, 8). Родственная им часть приуральского населения, переселившегося во II в. до н. э., заняла Поволжье и стала географически, а возможно и политически определяться как «верхние аорсы». Конечно, следует оговориться, что такие этнонимы обычно покрывали значительные близкородственные, а то и гетерогенные объединения, скрывая под общим именем самоназвания племенных сегментов.

Уточняя верхнюю границу бытования памятников III в. до н. э., следует отметить, что большинство исследователей, писавших о ранних сарматах в Северном Причерноморье, фиксируют массовый приток нового населения на рубеже III—II вв. или во II в. до н. э. (Максименко В.Е., 1983, с. 128, 129; Медведев А.П., 1990, с. 181; Скрипкин А.С., 1990б, с. 192; Симоненко А.В., 1993, с. 122; Марченко И.И., 1996, с. 122). Для более точной датировки начала миграции II в. до н. э. хроноиндикаторы практически отсутствуют. Исключение составляют фибулы среднелатенской схемы, датированные со второй половины II в. до н. э. (Скрипкин А.С., 1992а, с. 7; 1992б, с. 7, 8), но их использование сарматами не может служить показателем начала освоения территории. Однако ряд исследователей, исходя из совокупного анализа письменных источников и археологического материала, предполагают занятие сарматами Скифии не ранее середины II в. до н. э. (Полин С.В., 1989, с. 15; Скрипкин А.С., 1992а, с. 19; Полин С.В., Симоненко А.В., 1997, с. 93—96). Учитывая постепенность процесса освоения новой территории и его направленность с востока на запад, следует предложить несколько более

раннюю дату для Нижнего Поволжья. Поэтому второй этап раннесарматской миграции в Нижнем Поволжье предполагает хронологические рамки с начала III в. до н. э. до начала или первой половины II в. до н. э. Определение верхней границы этапа отнюдь не означает исчезновения предыдущего этноса с исторической арены. Преемственность в погребальном обряде, практика миграций, включавших часть субстратного населения в интеграционные процессы, упоминание аорсов в событиях 49 г. н. э. на Кубани (Тацит, *Анналы*, XII, 15—21) позволяют проследить дальнейшую судьбу этого кочевого объединения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало сарматской истории в Нижнем Поволжье представляет собой чрезвычайно фрагментированную картину в силу малой информативности письменных источников и немногочисленности археологических памятников. Поэтому история региона долгое время рассматривалась лишь в контексте общей истории евразийских степей от Урала до Дона и Днепра. Однако накопление нового материала и плодотворная исследовательская работа в регионах постепенно создают условия для разработки шкал относительной хронологии и реконструкции основных этнополитических процессов в границах отдельных областей. В этом же направлении ориентирована представленная работа.

Анализ вещевого комплекса позволил выделить два списка хронологически значимых вещей сопутствующего инвентаря, одни из которых хорошо известны в погребениях IV в. до н. э., но отсутствуют в памятниках II—I вв. до н. э., другие широко распространены во II—I вв. до н. э. (что предполагает возможность их появления еще в III в. до н. э.), но не встречаются в ранних погребениях. Выявление памятников, где эти вещи встречены в общем наборе, позволило выделить два этапа, ранний и поздний, в рамках периода IV—III вв. до н. э. в Нижнем Поволжье, и предложить более дробную хронологию. Такой анализ позволил, в свою очередь, сравнить погребальный обряд раннего и позднего этапов и выделить специфические черты, характеризующие особенности каждого.

Первая активизация племен, имеющих отношение к сарматской предыстории, приходится, видимо, на IV в. до н. э. К этому времени относится появление в письменных источниках нового этнонима «сирматы», приуроченного к Дону и отчетливо противопоставленного савроматам (Эвдокс Книдский, Псевдо-Скилак). Появление в письменных свидетельствах античных авторов нового этнонима хронологически совпадает с распространением на Дону и в Нижнем Поволжье инноваций, засвидетель-

ствованных археологическими исследованиями. Прежде всего они отразились в новых формах погребальных сооружений и обрядности, среди которых наиболее показательны дромосные и простые прямоугольные ямы с южной ориентировкой костяков, диагональное положение погребенных в прямоугольных ямах, подбой и катакомбы, не характерные для местного савроматского населения. Генезис этих черт в Южном Приуралье убедительно прослежен на материалах погребений с конца VI в. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1975, с. 157—175; Мошкова М.Г., 1974, с. 10—28; Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 83; Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988, с. 141—152).

Погребения в ямах с дромосами появляются в Заволжье, в междуречье Волги и Дона, на правом берегу Дона. Совместно с ними распространяются и погребения в подквадратных ямах с диагональным положением костяков. Они известны как в Заволжье, так и в волго-донских могильниках. В тех же местах встречаются и подбойно-катакомбные захоронения с инвентарем IV в. до н. э., а также прямоугольные ямы с южной и ортогональной ориентировкой костяков в коллективных захоронениях.

На южноуральское происхождение этих памятников указывает прежде всего круглодонная керамика с примесью талька в тесте, которая встречается в заволжских погребениях. Аналогичные формы попадают и в междуречье, но без талька. Как в заволжских, так и в волго-донских комплексах обнаружены мечи с дуговидным или сломанным под тупым углом перекрестьем. Появляются нехарактерные для савроматов Нижнего Поволжья небольшие курильницы с боковым отверстием, известные в Приуралье в более раннее время. Сюда же можно добавить некоторые типы бронзовых наконечников стрел, в том числе черешковых, железные стержневые браслеты с заходящими друг на друга концами южноуральского происхождения. Обращает на себя внимание устойчивое сочетание в погребениях IV в. до н. э. в Нижнем Поволжье костей лошади и овцы, что наиболее типично для погребений савроматского времени Южного Приуралья. В IV в. до н. э. у кочевников Приуралья происходят перемены в военном деле, отразившиеся в стандартизации вооружения, состоящего из длинного меча, тяжелого копья и колчана большой емкости. Тот же комплект вооружения получает распространение и в памятниках этого времени в Нижнем Поволжье.

Основательно новое население закрепляется в Заволжье, о чем свидетельствует появление здесь курганов-кладбищ с погребениями IV в. до н. э. В междуречье Волги и Дона такие погребения встречаются разрозненно, что говорит о постепенном «диффузном» процессе миграции. Для этого района в большей степени характерно наличие синкретических савромато-сарматских черт, отразивших смешение местного и пришлого населения. Возможно, именно с этими памятниками следует связать этноним «сирматы». Характер рассматриваемой здесь миграции в большей мере реконструируется на основе археологического материала, что, конечно, не может создать достаточно полной картины всех событий этого процесса. Создается впечатление, что шла она как бы по затухающей от Южного Приуралья к Дону и Северному Кавказу. Проникновение нового кочевого населения на Волгу, Дон и Прикубанье в IV в. до н. э. не привело к серьезной дестабилизации обстановки в Северном Причерноморье в целом, за исключением, вероятно, низовий Дона и земледельческой части Кубани, где потребовалось время на урегулирование отношений местного населения с изменившейся кочевнической номенклатурой.

Рассматриваемые погребальные памятники кочевников IV в. до н. э. несли в себе ряд новых черт в погребальной обрядности и вещевом материале, которые станут характерными для племен III—I вв. до н. э. Они отражали начальную стадию формирования раннесарматской археологической культуры. Ее становление в междуречье Волги и Дона, по сравнению с Заволжьем и Южным Приуральем, имело свои особенности из-за влияния весьма сильных савроматских традиций.

Волго-донские кочевые группировки, демонстрирующие специфические особенности в погребальной обрядности, вероятно, и в политическом отношении были самостоятельным объединением. Во всяком случае, если погребальные комплексы Заволжья свидетельствуют о непрерывности спонтанных и миграционных явлений, в результате чего к рубежу IV—III вв. до н. э. здесь сформировались все основные черты классической раннесарматской культуры, то в междуречье эти процессы явно носили дискретный характер.

К началу III в. до н. э. клановые курганы-кладбища распространяются по обе стороны Волги, что свидетельствует о признании мигрантами III в. до н. э. земель в междуречье Волги и

Дона, по крайней мере их части, своими. Очевидно, что освоение сарматами волго-донских степей шло из-за Волги. Вероятно, это были те кочевники, которые освоили Заволжье еще в IV в. до н. э., вместе с отдельными южноуральскими группировками. В некоторой степени об этом может свидетельствовать появление в Нижнем Поволжье погребений военной знати, датируемых не ранее III в. до н. э., с новым набором оружия, состоявшего из меча, кинжала и колчана. В Приуралье такие погребения появляются с IV—III вв. до н. э.

В целом археологический материал в рамках IV—III вв. до н. э. позволяет говорить о постепенном смещении населения на запад и юго-запад в пределах региона, охватывающего Южное Приуралье, Нижнее Поволжье и Нижний Дон, а также Северный Кавказ, и постепенной концентрации новых кочевых группировок к востоку от Дона.

Упомянутые выше сирматы, засвидетельствовавшие появление новых кочевников на Дону в IV в. до н. э., были, по всей видимости, связаны с сарматами, по крайней мере, они предопределили появление здесь сарматов. Во-первых, потому что примерно в это же время в письменных источниках появляется топоним «Сарматия» как область обитания сарматов. Во-вторых, этноним «сарматы», достаточно уверенно засвидетельствованный с III в. до н. э. (Деметрий Каллатийский в передаче Псевдо-Скимна) и имеющий отношение к населению, обитавшему в Подонье, позволяет называть этим именем тех кочевников, которые с III в. до н. э. закрепляются в междуречье Дона и Волги и в Поволжье и которые своим происхождением связаны с Южным Приуральем. Собираемый термин «сарматы», возможно, скрывал под собой и локальный этноним «аорсы», с которым К.Ф. Смирнов связывал памятники прохоровской культуры Приуралья и Поволжья. Этот миграционный импульс вытеснил сирматов с их территорий, что и могло послужить одной из причин дестабилизации в ослабленной восточной части «Великой Скифии». Можно допустить, что именно о сирматах, синкретичном савромато-сарматском объединении, писал Диодор Сицилийский, отождествляя их с савроматами: «Эти последние много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (Диодор, II, 43, 7). Во всяком

случае перед аорсами, вытеснившими сирматов, в III в. до н. э. вопрос о непосредственном заселении северопричерноморских земель к западу от Дона не стоял. Об этом, в частности, свидетельствует и то, что насыщенность сарматскими памятниками этого времени Волго-Донского междуречья и Заволжья была не столь велика, чтобы вызвать здесь демографическую напряженность. В то же время они вполне могли быть силой, дестабилизирующей положение в Скифии.

Ситуация резко меняется во II в. до н. э., когда в Поволжье начинают формироваться крупные курганные могильники, насчитывающие по нескольку десятков погребений в каждом. Если передвижения кочевнических группировок в IV и III вв. до н. э. имели локальный характер, то миграции II в. до н. э. в Нижнем Поволжье выглядят звеном в цепи событий, охвативших обширный степной регион, включая западное пограничье Китая, Среднюю Азию, Приуралье и Северное Причерноморье, и вызвавших значительные переселения и перегруппировки. В этих этнически пестрых миграционных потоках нашли свое место уходящие из Приуралья племена, родственные поволжским кочевникам. Возможно, именно эти мигранты получили имя «верхние аорсы» и остались на Прикаспийской территории, вытеснив в свою очередь аорсов к Танаису, как те когда-то оттеснили сираков на запад и юго-запад, в северо-кавказские степи.

Все приведенные здесь даты начала этапов в значительной степени приблизительны при отсутствии четких хронологических привязок. В целом продолжительность их может быть определена в следующих интервалах:

- первый этап — IV — начало III в. до н. э.;
- второй этап — III — начало II в. до н. э.

Изменения, происходившие на каждом из этих этапов, во многом связаны с миграционными процессами, постоянно воспроизводившимися в степном поясе Евразии. Однако следует подчеркнуть и важность спонтанных изменений, обусловленных внутренним социальным развитием кочевых обществ. Это направление в исследовании представляется актуальной перспективой дальнейшей работы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКМ —	Азовский краеведческий музей
АГОИАМЗ —	Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник
АСГЭ —	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ —	Вестник древней истории
ВолГУ —	Волгоградский государственный университет
ВОКМ —	Волгоградский областной краеведческий музей
ГИМ —	Государственный исторический музей
ИА РАН —	Институт археологии Российской академии наук
ИИАЭ АН КазССР —	Институт истории, археологии, этнографии Академии наук Казахской ССР
ИИМК —	Институт истории материальной культуры
КАРОС —	Калмыцко-Астраханская рисовая оросительная система
КСИА —	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МИА —	Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР —	Материалы и исследования по археологии России
НАВ —	Нижеволжский археологический вестник
ПАВ —	Петербургский археологический вестник
РАНИОН —	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

СА —	Советская археология
САИ —	Свод археологических источников
Тр. АС —	Труды Археологического съезда
ЧИНИИ —	Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт АН СССР
ESA —	Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki

ИЛЮСТРАЦИИ

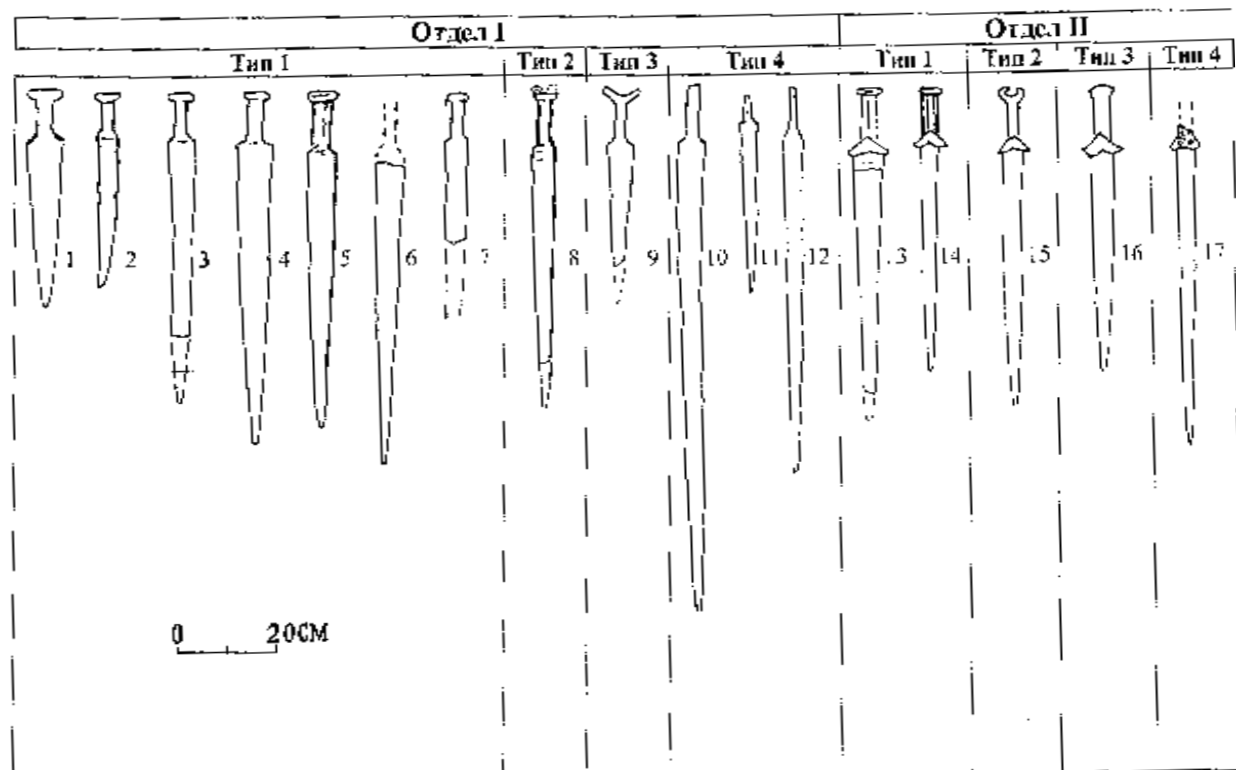

Рис. 1

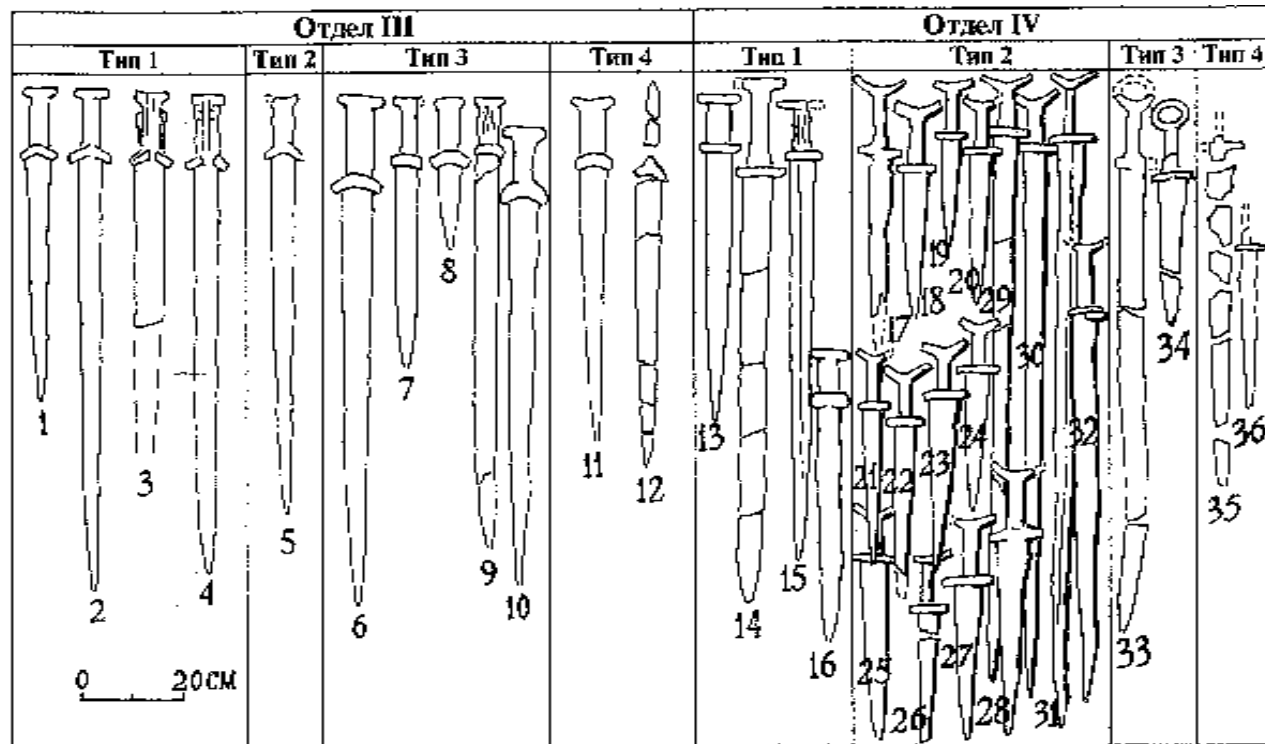

Рис. 2

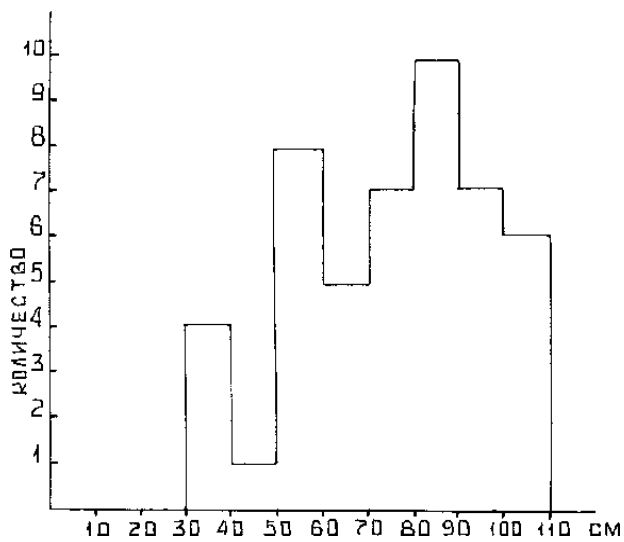

Рис. 3

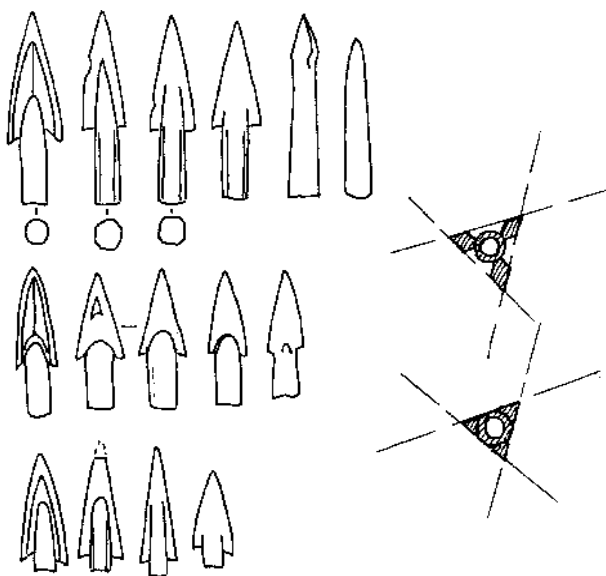

Рис. 4

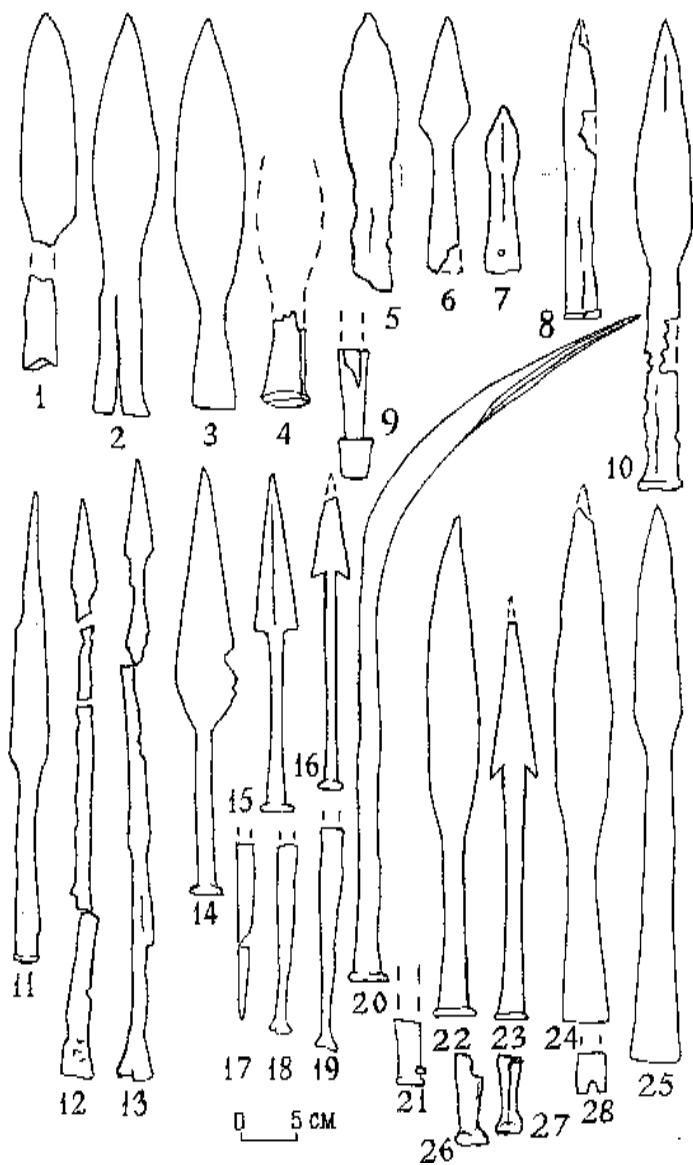

Рис. 5

1. БРОНЗОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ С ВНУТРЕННЕЙ ВТУЛКОЙ											
1. СВОДЧАТАЯ ГОЛОВКА						2. ТРЕУГОЛЬНАЯ ГОЛОВКА					
а	б	в	г	д	е	а	б	в	г	д	е
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Рис. 6

II. БРОНЗОВЫЕ НАКОПЕЧНИКИ СРЕЛ С КОРОТКОЙ ВТУЛКОЙ											
1. СВОДЧАТАЯ ГОЛОВКА						2. ТРЕУГОЛЬНАЯ ГОЛОВКА					
а	б	в	г	д	е	а	б	в	г	д	е
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
1	8	9	16	21		22	29	35	41		46
2		10	17			23	30	36	42		
3		11	18			24	31	37	43		
4		12	19			25	32	38	44		
5		13	20			26	33	39	45		
6		14				27	34	40			
7		15				28					

0 2cm

Рис. 7

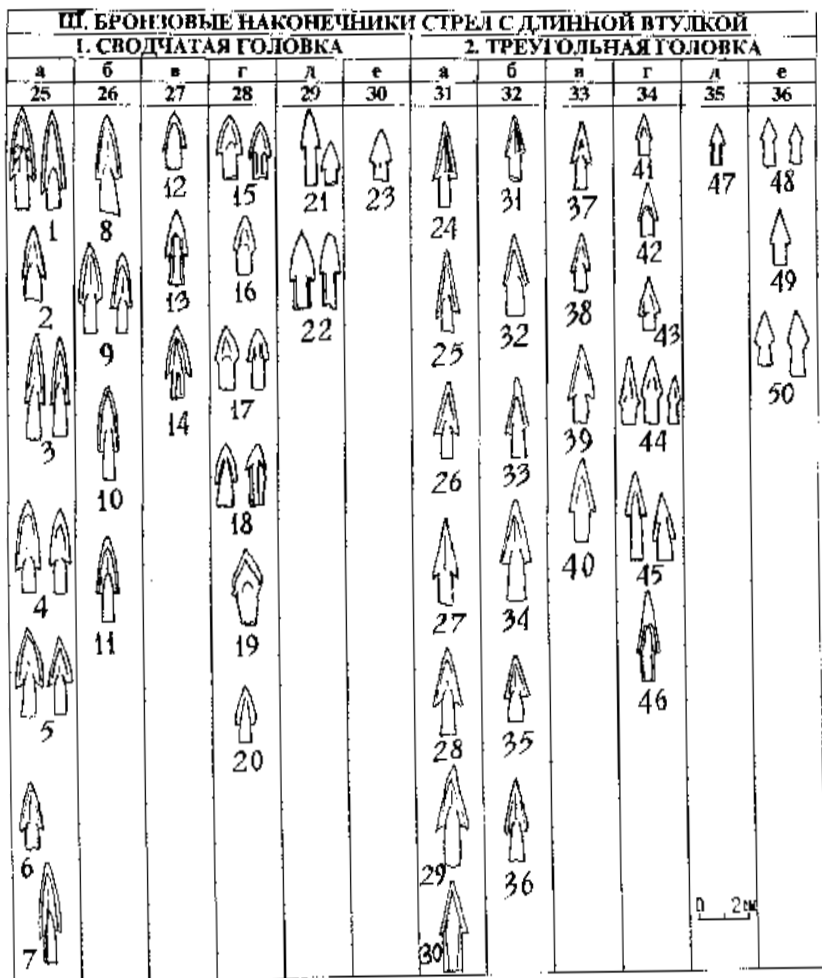

Рис. 8

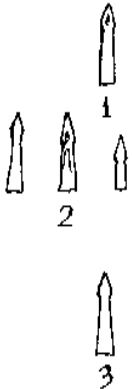
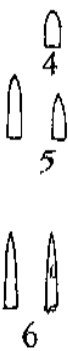
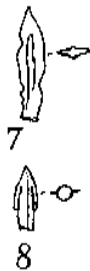
IV. БРОЙЮЩИЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ НЕСТАНДАРТНЫХ ФОРМ		
1. НЕПРОФИЛИРОВАННАЯ ГОЛОВКА	2. ПУЛЕВИДНАЯ ГОЛОВКА	3. АРХАИЧЕСКИЕ ТИПЫ
37	38	39
1 2 3	4 5 6	7 8 0 2 CM

Рис. 9

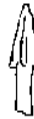

ЖЕЛЕЗНЫЕ ВТУЛЧАТЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ			
I. ДВУХЛОПАСТНЫЕ	II. ТРЕХГРАННО-ТРЕХЛОПАСТНЫЕ		
1. ДЛИННАЯ ВТУЛКА	1. ВНУТРЕННЯЯ ВТУЛКА	2. КОРОТКАЯ ВТУЛКА	3. ДЛИННАЯ ВТУЛКА
40	41	42	43
1 2 0 2 см	3	4 5 6 7 8 9 10 11	12 13 14 15 16 17 18 19 20 21

Рис. 10

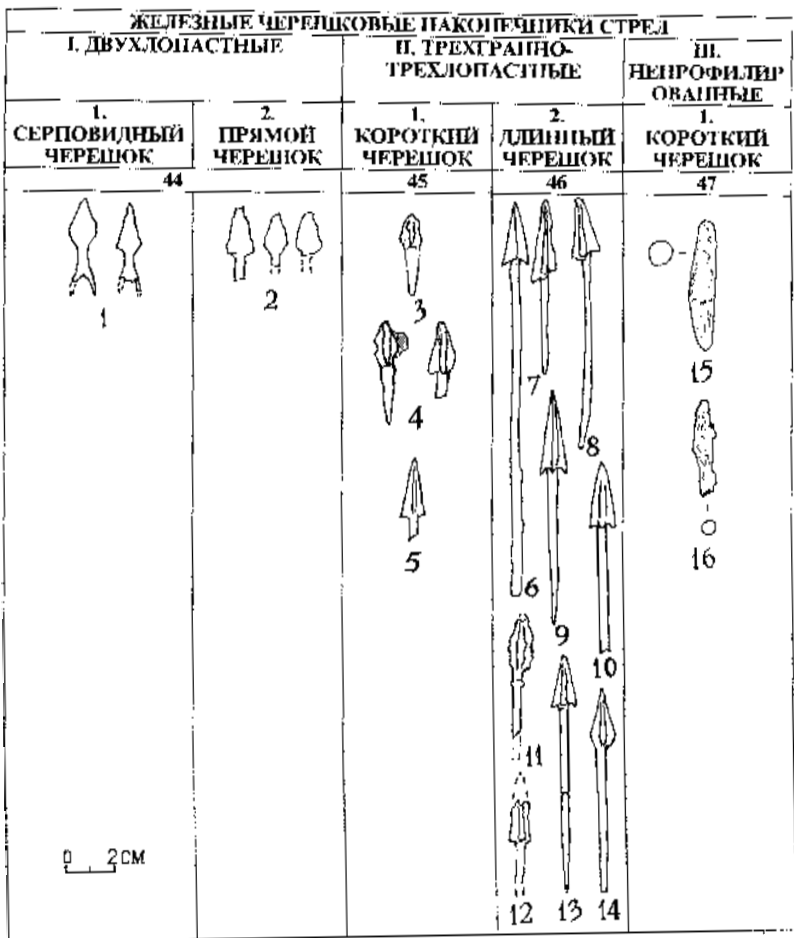

Рис. 11

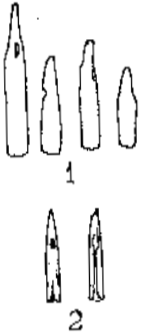
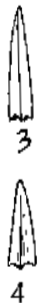

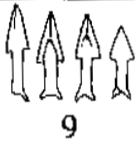

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ С ВНУТРЕННЕЙ ВТУЛКОЙ				
I. ПУЛЕ- ВИДНЫЕ	II. ТРЕХ- ГРАННЫЕ	III. ЧЕТЫРЕХ- ГРАННЫЕ	IV. ШЕСТИ- ГРАННЫЕ	ЧЕРЕШКОВЫЕ I. ДВУХ- ЛОПАСТНЫЕ
48	49	50	51	52
1 2	3 4	5 6 7	8	9
				2 см

Рис. 12

<i>ПАМЯТНИКИ</i>		ТИПЫ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ IV В. ДО Н. Э.																												
		1	2	3	4	10	14	15	16	17	25	26	27	28	29	30	31	32	34	36	37	38	39	40	44	47	48	49	50	52
1	Новоникольское 3/3	+	+	+	+			+			+			+	+										+					
2	Сайхин 1/1										+	+																		
3	Сайхин 1/5	+																												
4	Мошков 3/1	+		+							+																			
5	Могуа 8/3	+																			+									
6	Джангала 1/4																		+										+	
7	Эльтон 10/9	+															+	+												
8	Лятошинка 1/2	+		+							+		+	+			+	+	+											
9	Лятошинка 1/4			+							+	+		+			+	+	+	+	+									
10	Новоузенск 1/17	+															+													
11	Новоузенск 1/19	+															+						+							
12	Новоузенск 1/20										+						+													
13	Новоузенск 1/22	+																+												
14	Новоузенск 2/6-8																	+	+	+									+	
15	Яблоня 3/4													+														+		
16	Березовка 4/1	+		+													+	+					+				+			
17	Заплавное 6/2										+							+												
18	15 поселок 1/5	+						+																						
19	Старца 4/9			+	+													+												
20	Кривая Лука XIV 33/1							+																						
21	Усть-Погожье 2/3			+																										
22	Вертячий 6/3										+												+							
23	Барановка 27/1						+	+		+						+		+	+	+	+							+	+	
24	Житков 3/2	+									+													+						
25	Крепинский 3/11	+																												
26	Крепинский 5/4																												+	
27	Дорофеевский 14/1	+					+	+				+	+					+				+								
28	Аксеновский 11/1	+		+	+			+	+	+																		+		
29	Аксеновский 12/1			+			+		+																					
30	Жугово 24/1																													+
31	Жугово 34/4,6		+			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+			+			+	+					+	+	+	
32	Жугово 63/1						+						+																	
33	Ясырев 1/2																												+	

Рис. 13

	ПАМЯТНИКИ	ТИПЫ НАКОНЕЧНИКОВ СРЕЛ															Ш В.		
		IV Ш ВВ. ДО Н. Э.															ДО Н. Э.		
		5	7	8	9	11	12	13	19	20	21	22	33	42	43	45	46	51	
1	Новоникольское 3/3			+	+	+		+	+								+	+	
2	Мошков 3/1							+									+		
3	Джангала 1/3							+	+										
4	Джангала 1/4							+	+										
5	Могута 8/3							+											
6	Могута 8/4		+								+						+		
7	Эльтон 10/9			+													+		
8	Лятошинка 1/2	+						+											
9	Лятошинка 1/4				+	+													
10	Лятошинка 5/10	+																	
11	Новоузенск 1/17		+			+													
12	Новоузенск 1/19							+									+		
13	Новоузенск 1/20			+														+	
14	Новоузенск 1/22		+							+	+						+		
15	Новоузенск 2/6-8			+													+		
16	Березовка 4/1								+			+							
17	Быково 26/4											+	+						
18	Барановка 27/1				+			+			+	+	+						
19	Старица 4/6																+		
20	Старица 4/9			+													+		
21	Кривая Лука XXXV 1/7																+		
22	Усть-Погожье 2/3		+							+		+							
23	Вертячий 6/3							+				+		+					
24	Дорофеевский 14/1							+											
25	Аксеновский 11/1							+			+						+		
26	Аксеновский 12/1												+						
27	Жутово 24/1										+						+		
28	Жутово 34/4,6				+			+				+		+					
29	Жутово 63/1							+											
30	Ясарев 1/2																+		
31	Житков II 3/2				+			+			+						+		
32	Крепинский 3/11																+		
33	Крепинский II 5/4																+		
34	Арпачин II 6/5																+	+	
35	Северный 2/3																+	+	
36	Ралутка 2/32																+	+	
37	Койсуг 5/26																+		
38	Азов 2/3																+		

IV В. ДО Н. Э.

Рис. 14

ПАМЯТНИКИ	ТИПЫ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ IV Ш ВВ.																Ш В.		
	ДО Н. Э.																ДО Н. Э.		
	5	7	8	9	11	12	13	19	20	21	22	33	42	43	45	46	51		
39	Визенмиллер II 4/3		+	+			+			+		+					+		
40	Джангала 3/2		+					+		+									
41	Питерка II 1/11		+	+					+										
42	Лятошинка 5/1																+		
43	Лятошинка 5/2					+													
44	Лятошинка 5/6				+														
45	Лятошинка 5/7																+		
46	Верхний Еруслан 1/5	+	+							+							+		
47	Ровное 4/15			+	+					+						+			
48	Белокаменка 1/3			+													+		
49	Белокаменка 3/7			+								+					+		
50	Торгунское 1/1											+		+					
51	Торгунское 1/9													+			+		
52	Эльтон 13/2			+											+		+		
53	Красная Деревня 7/6			+													+		
54	Рыбный 2/19			+													+		
55	Венгеловка 2/10			+													+		
56	Бережновка-Ю 2/11				+					+							+		
57	Бережновка II 85/2									+	+								
58	Могута 11/2			+															
59	Быково-77 6/2			+					+	+									
60	В. Бальклей II 5/4									+									
61	Верхнепогромное 3/9			+															
62	Жуков кург./2													+	+	+			
63	Ленинск 3/16					+						+							
64	Киляковка 4/5				+												+		
65	Соленое Займище 10/7						+							+	+				
66	Кривая Лука XV 2/8				+														
67	Кривая Лука XVI 1/18								+								+		
68	Кривая Лука XVI 1/20									+							+		
69	Жугово 27/2			+													+		
70	Терновский 9/7	+													+		+		

Ш В. ДО Н. Э.

Рис. 14 (продолжение)

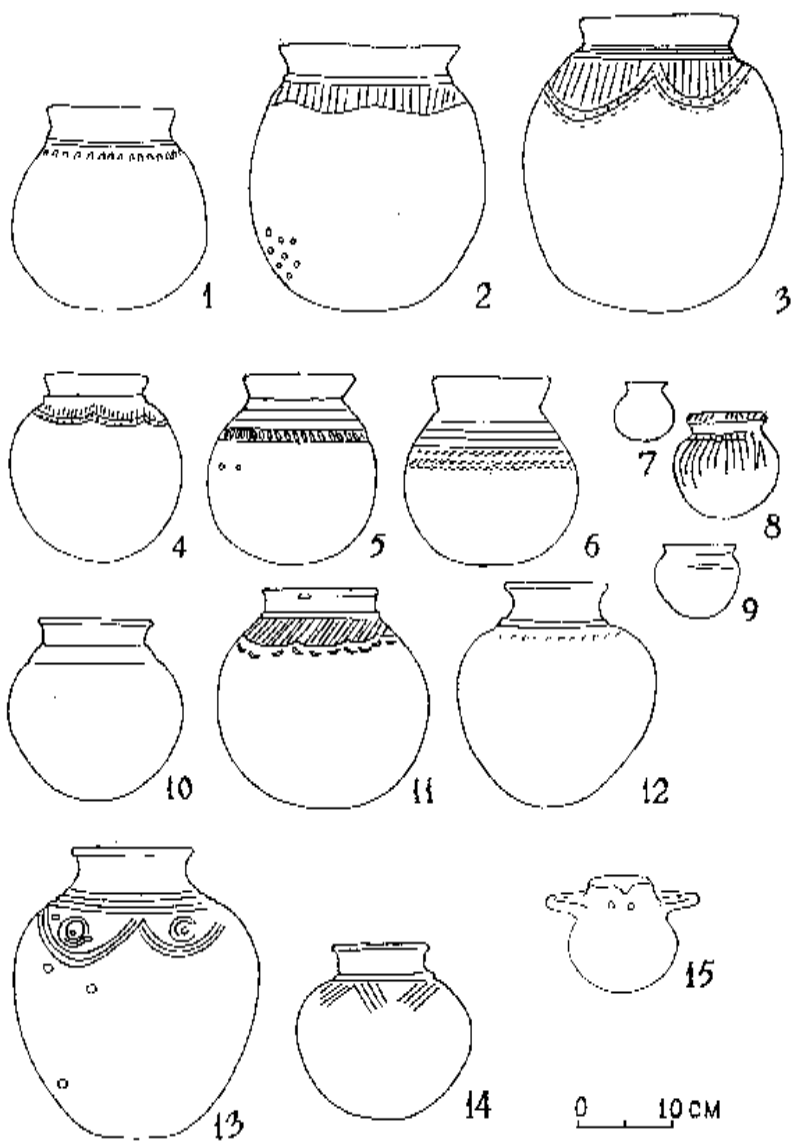

Рис. 15

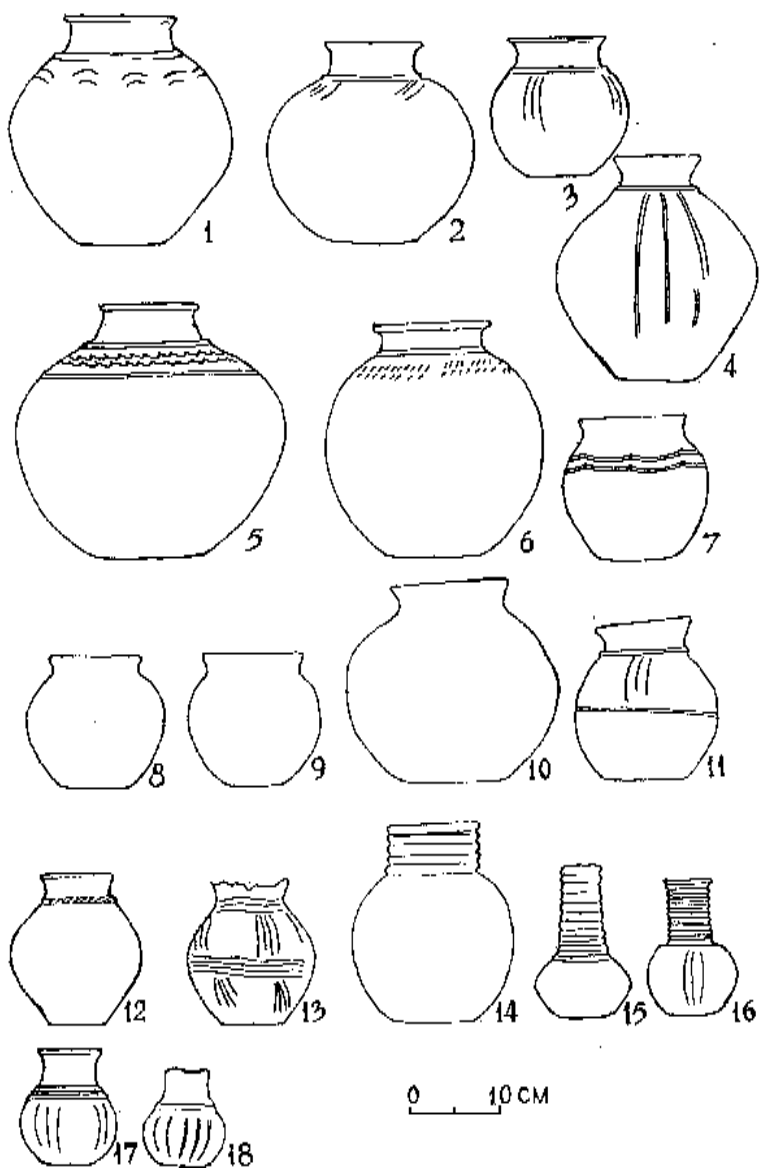
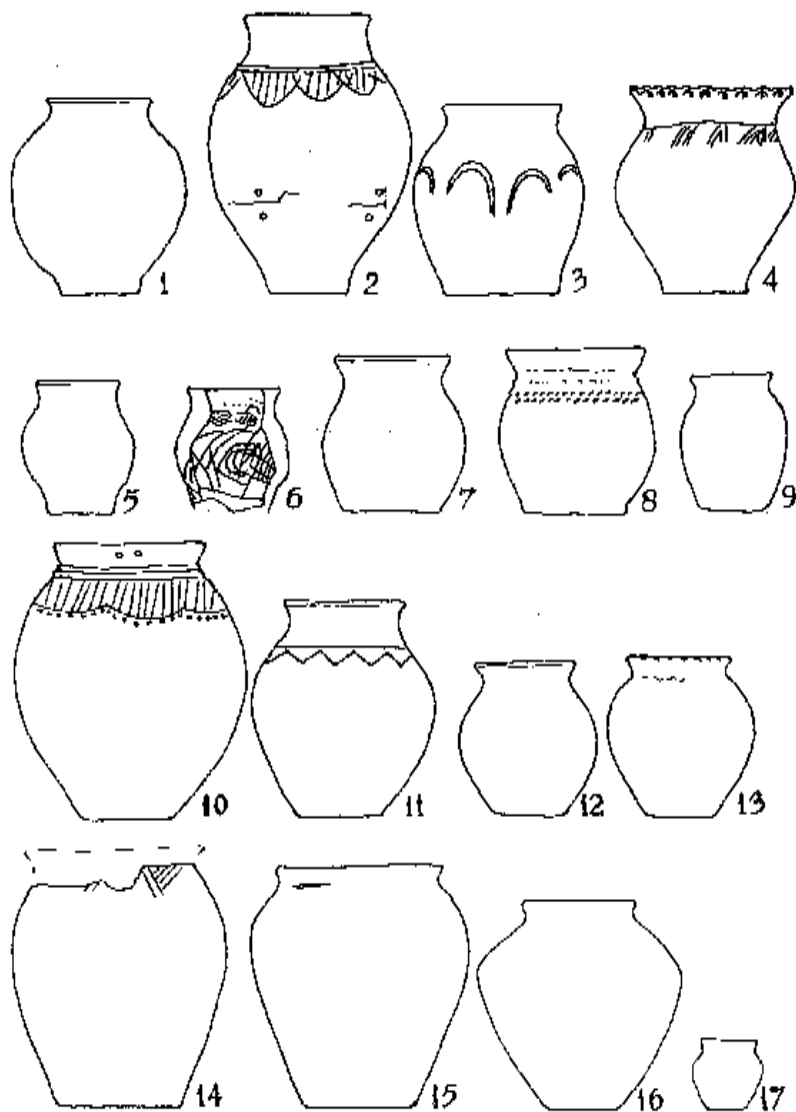

Рис. 16

0 10 CM

Рис. 17

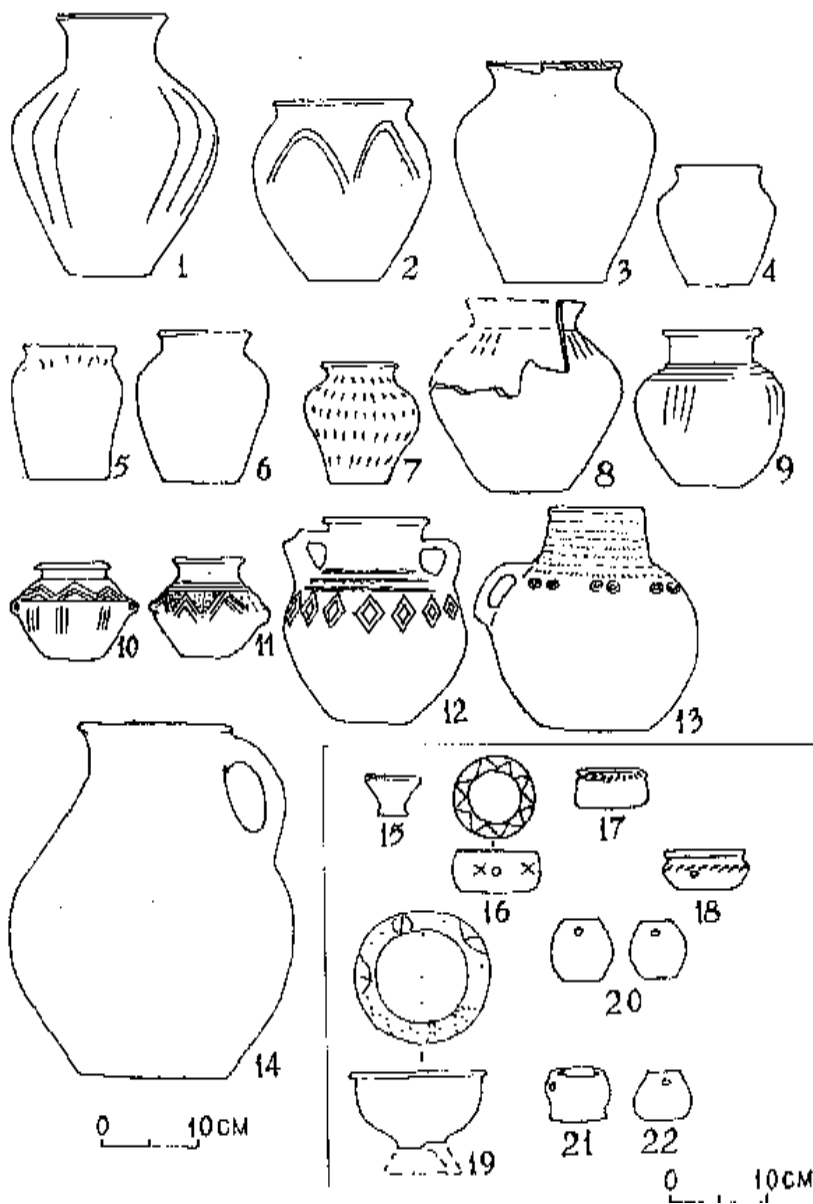

Рис. 18

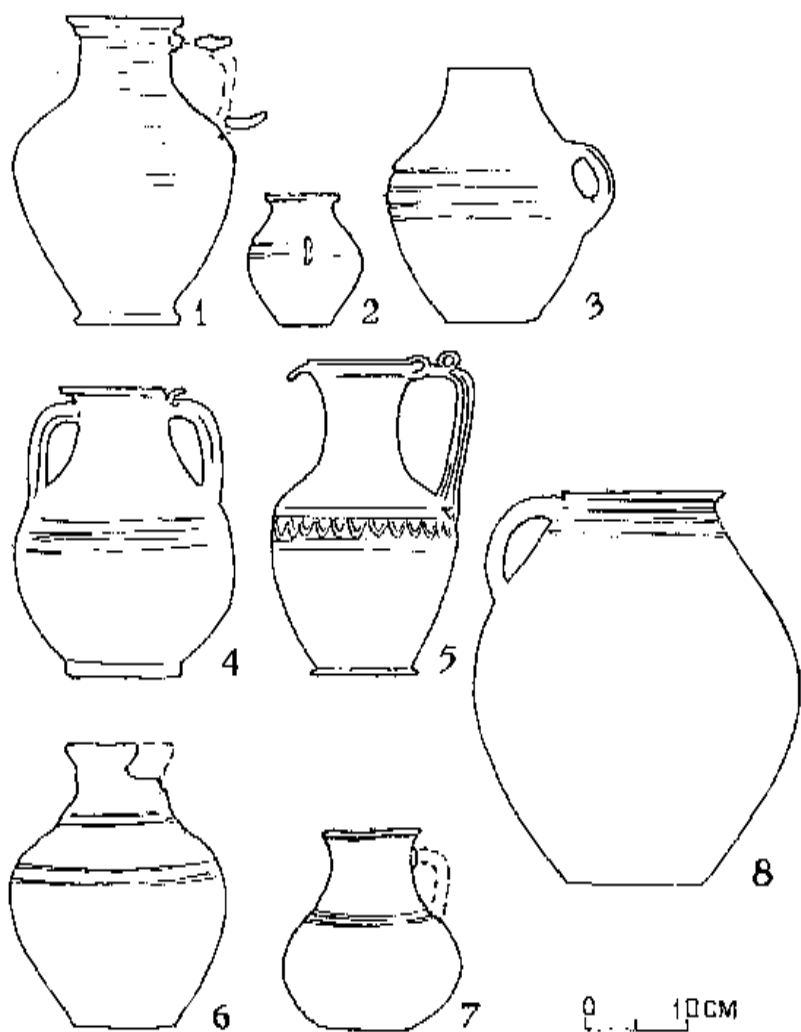

Рис. 19

Рис. 20

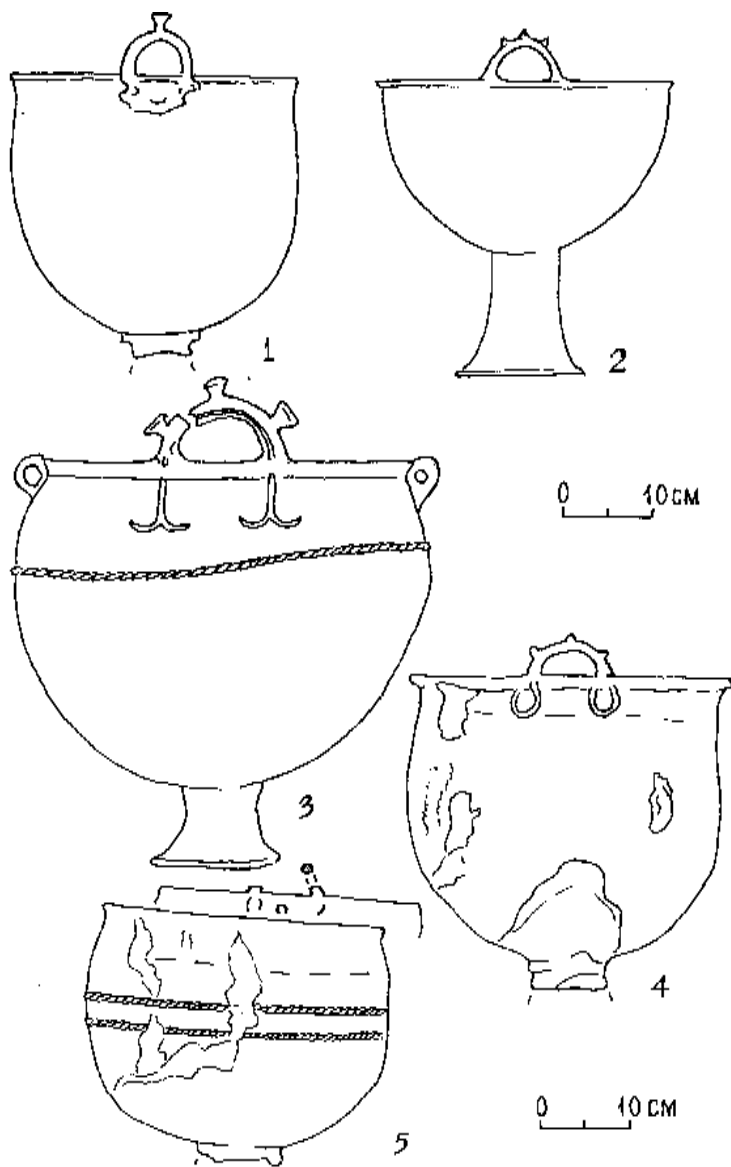

Рис. 21

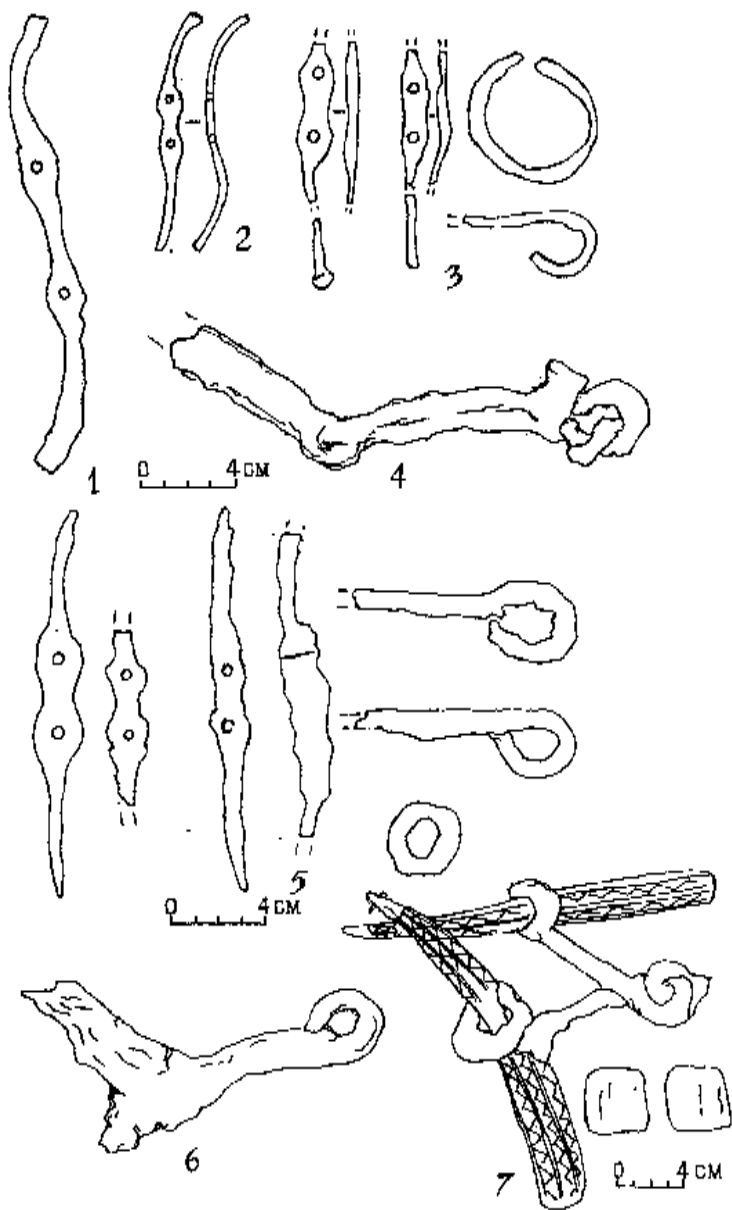

Рис. 22

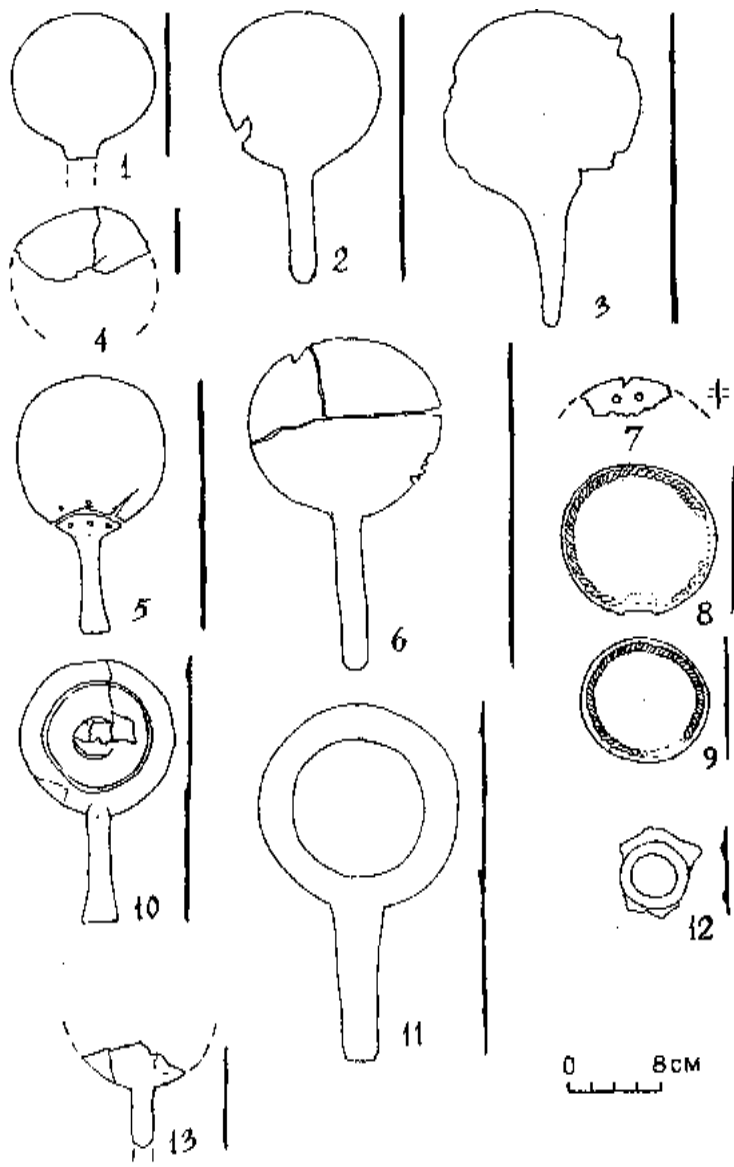

Рис. 23

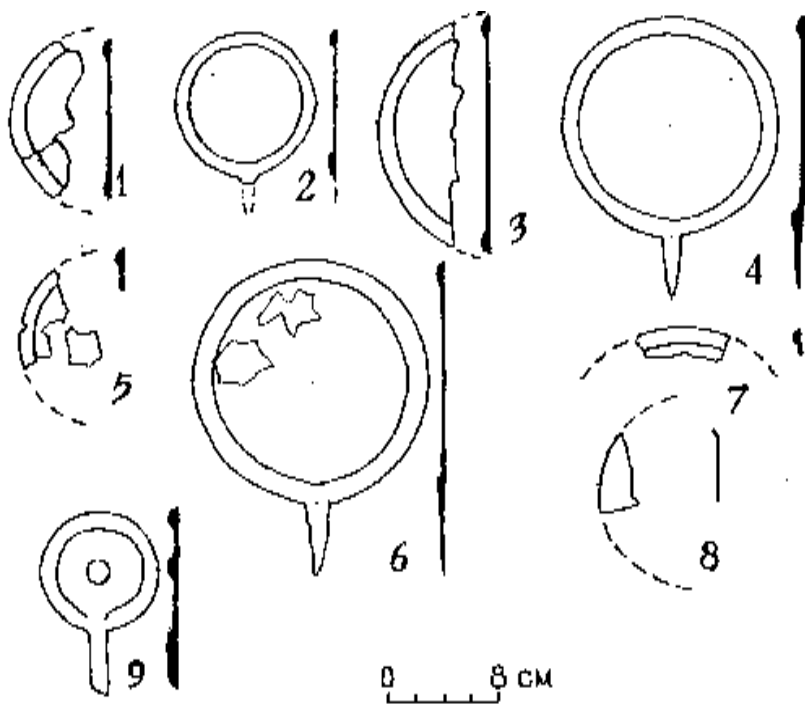

Рис. 24

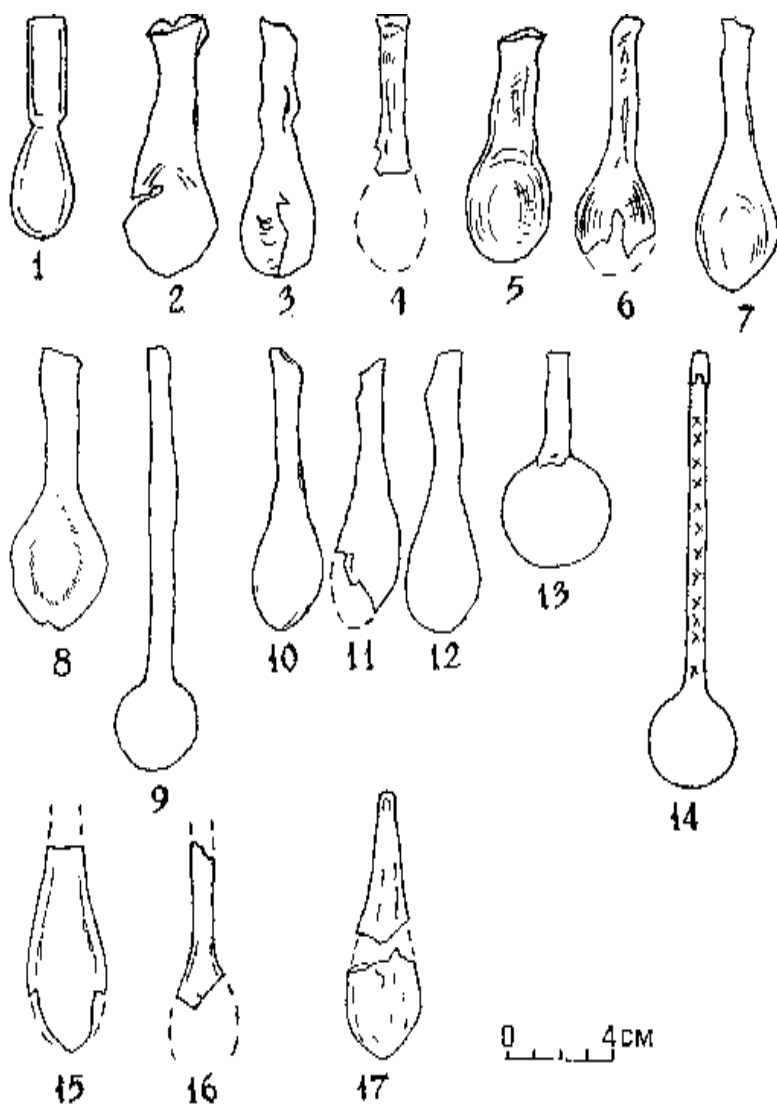

Рис. 25

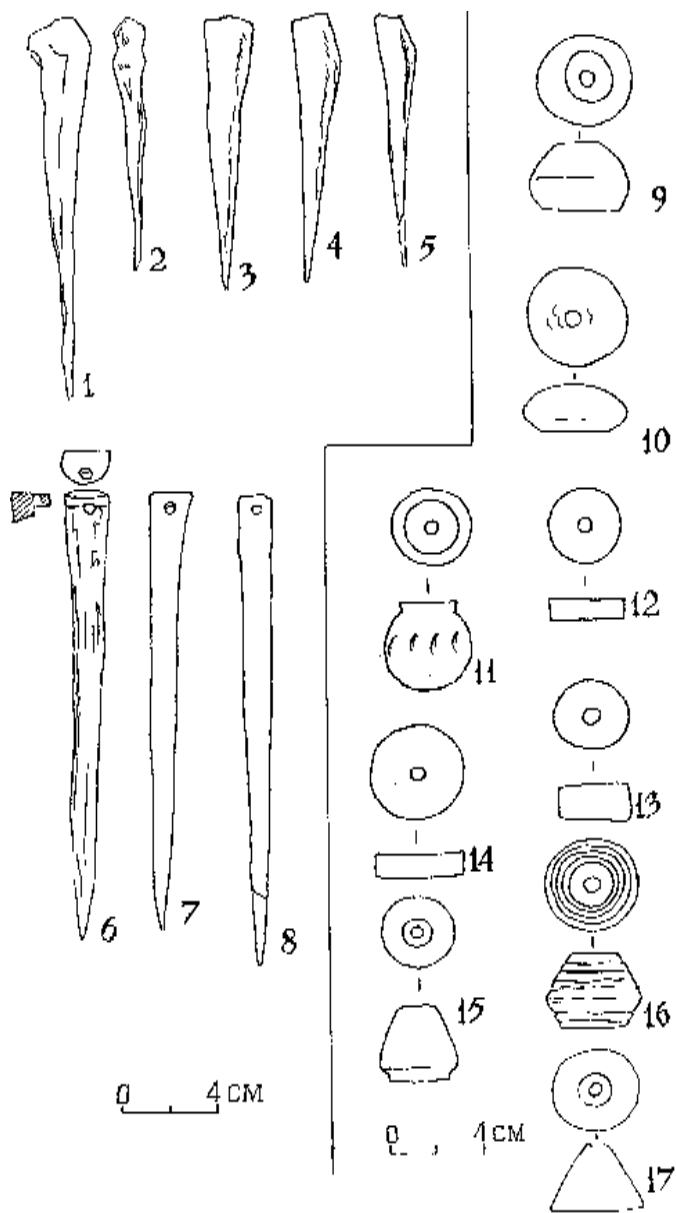

Рис. 26

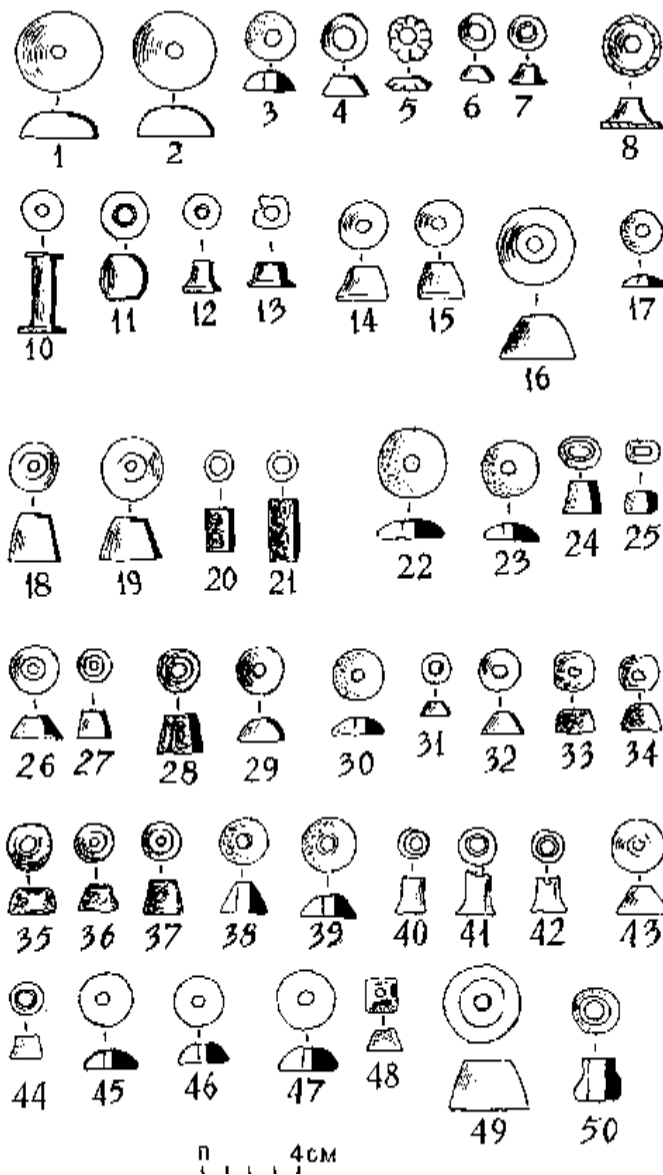

Рис. 27

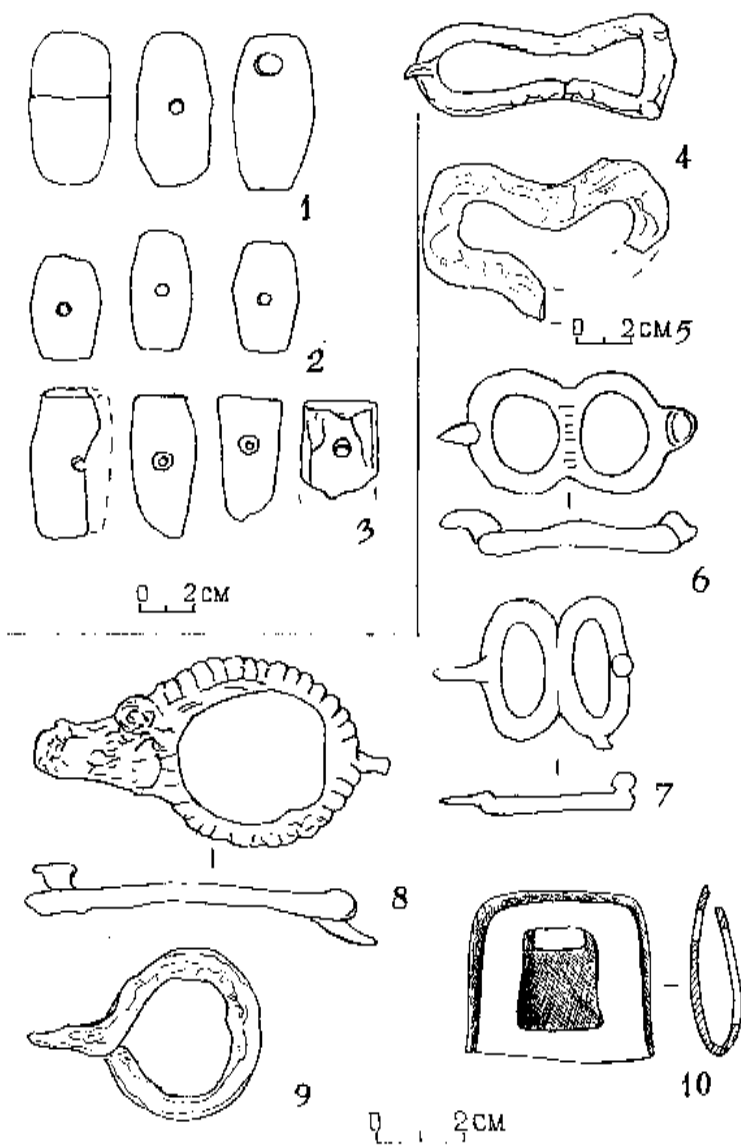

Рис. 28

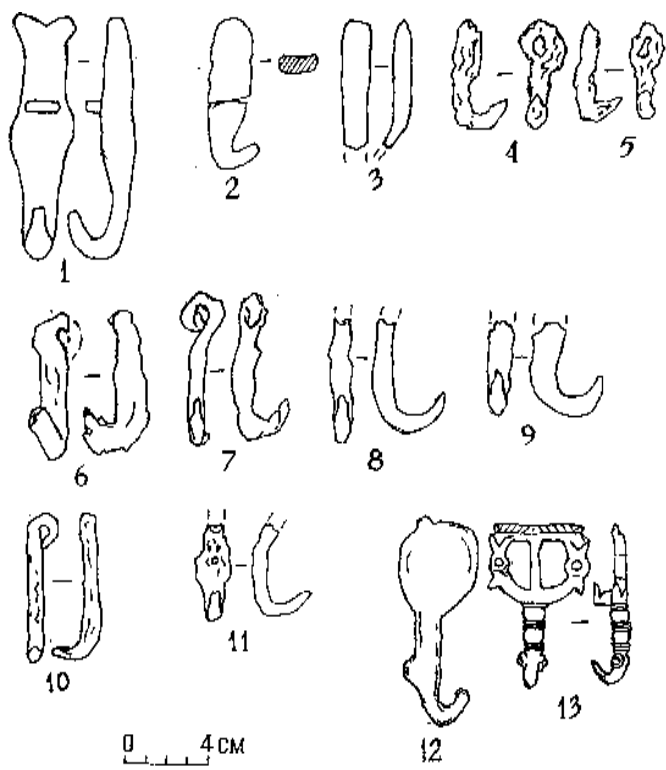

Рис. 29

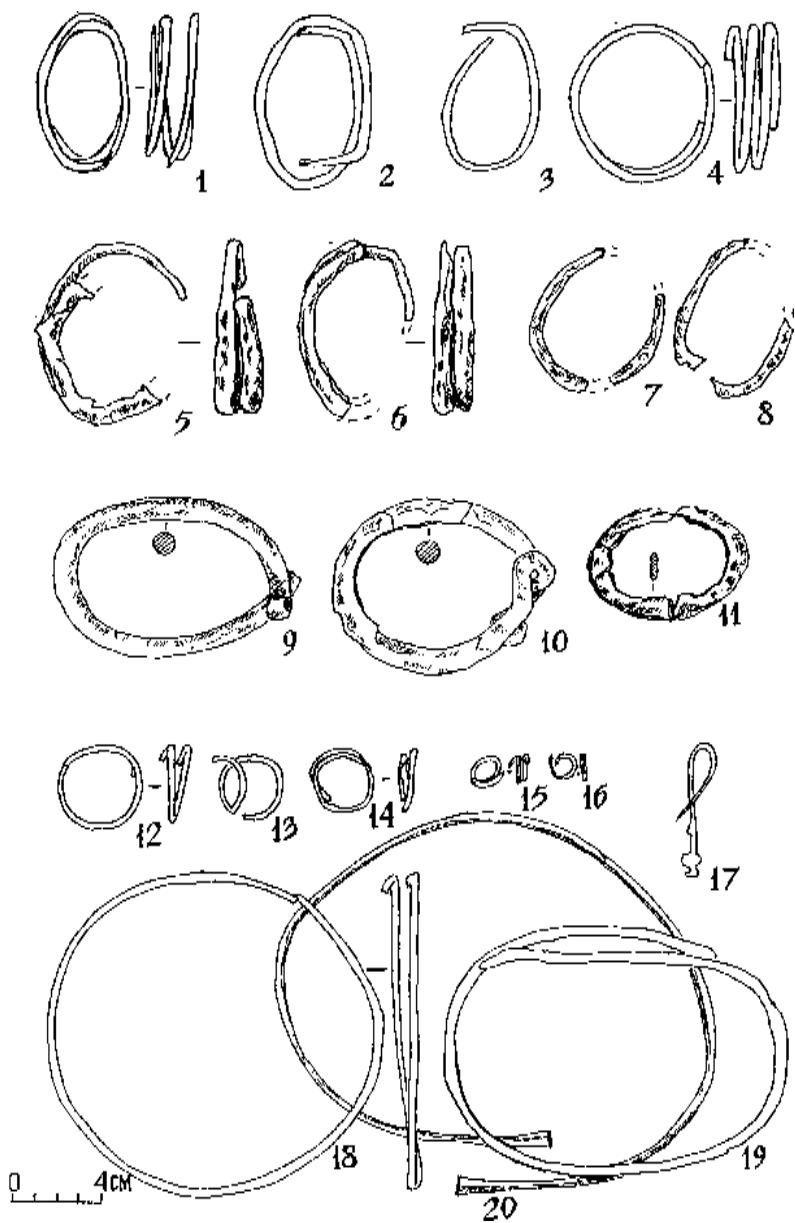
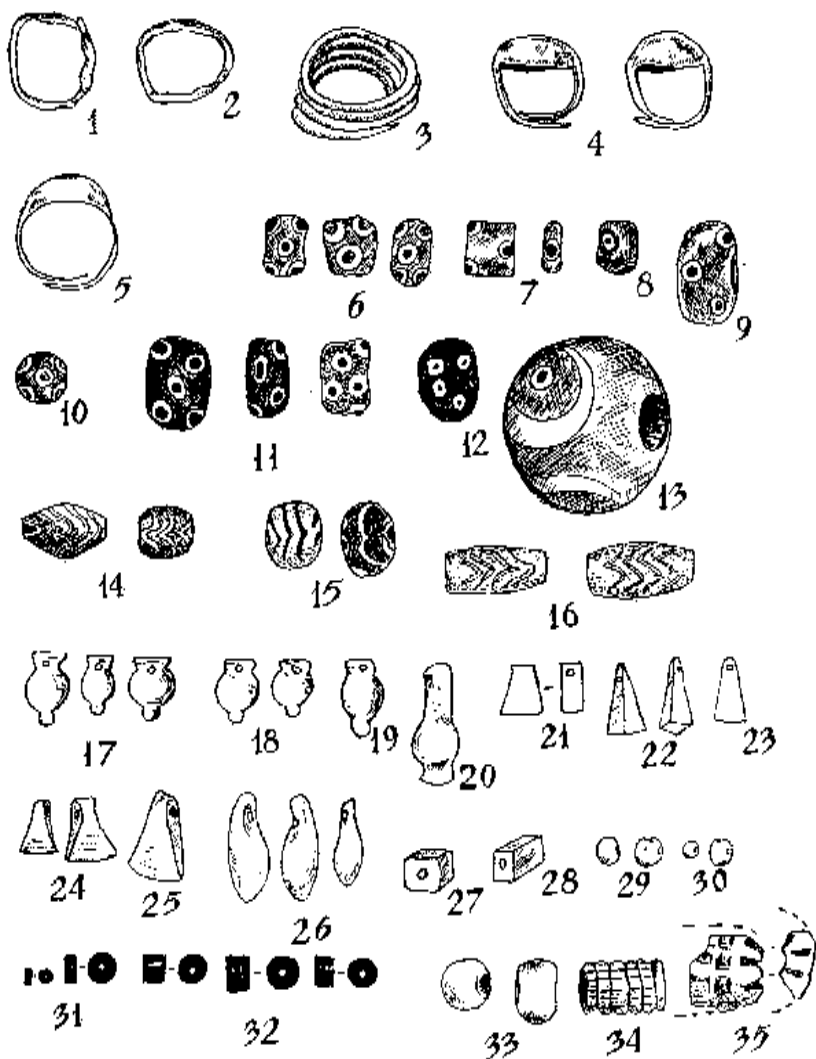

Рис. 30

□ 2 CM

Рис. 31

<i>Хроноиндикаторы</i>		IV ШВ. ДОН. Э.										III ШВ. ДОН. Э.											
<i>Памятники</i>		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
1	Визенмиллер II 4/3	+											+				+						+
2	Усатово G5/11	+											+	+									
3	Усатово F19/2	+											+	+									
4	Венгеловка 2/10	+											+	+			+	+					
5	Венгеловка 2/11				+								+	+									
6	Эльтон 13/2	+											+						+				
7	Ровное 4/15	+																	+				
8	Торгунское 1/9	+						+					+										
9	В. Балыклей 5/4	+						+								+		+					
10	Белокаменка 1/3	+											+				+			+	+	+	
11	Белокаменка 3/7	+											+										
12	Белокаменка 6/5								+	+							+			+	+		
13	Кр. Деревня 7/6	+											+										
14	Питерка II 1/11	+												+				+					
15	В. Еруслан 1/5	+						+					+	+									
16	Лятошинка 5/2	+																+					
17	Джангала 3/2	+												+		+							
18	Калиновка 19/17					+								+	+			+					
19	Калиновка 8/41										+							+		+	+		
20	Бережновка Ю 2/11	+										+			+		+		+			+	
21	Бережновка П 14/19							+					+			+							
22	Бережновка П 14/21									+							+						
23	Бережновка П 14/22								+				+	+			+	+					
24	Бережновка П 85/2	+										+					+						
25	Журов кург. /2		+										+					+	+				
26	Кляковка 4/4							+						+			+				+		
27	Кляковка 4/5	+						+					+	+						+			
28	Рыбный 2/19	+											+										
29	Ленинск 3/16	+												+									
30	15-й поселок 1/1							+	+												+		
31	Терновский 9/7	+		+	+									+									
32	Старца 42/2,3	+						+					+				+	+			+		
33	Сол. Займище 10/7	+																+					
34	Кр. Лука XV 2/8	+												+									
35	Кр. Лука XVI 1/11	+												+									
36	Кр. Лука XVI 1/18	+												+	+								+
37	Кр. Лука XVI 1/20	+												+	+								
38	Кр. Лука XVI 6/4	+												+	+								
39	Жутово 27/2	+											+										

ЗАВОЛЖЬЕ

ВОЛГО-ДОН

Рис. 32

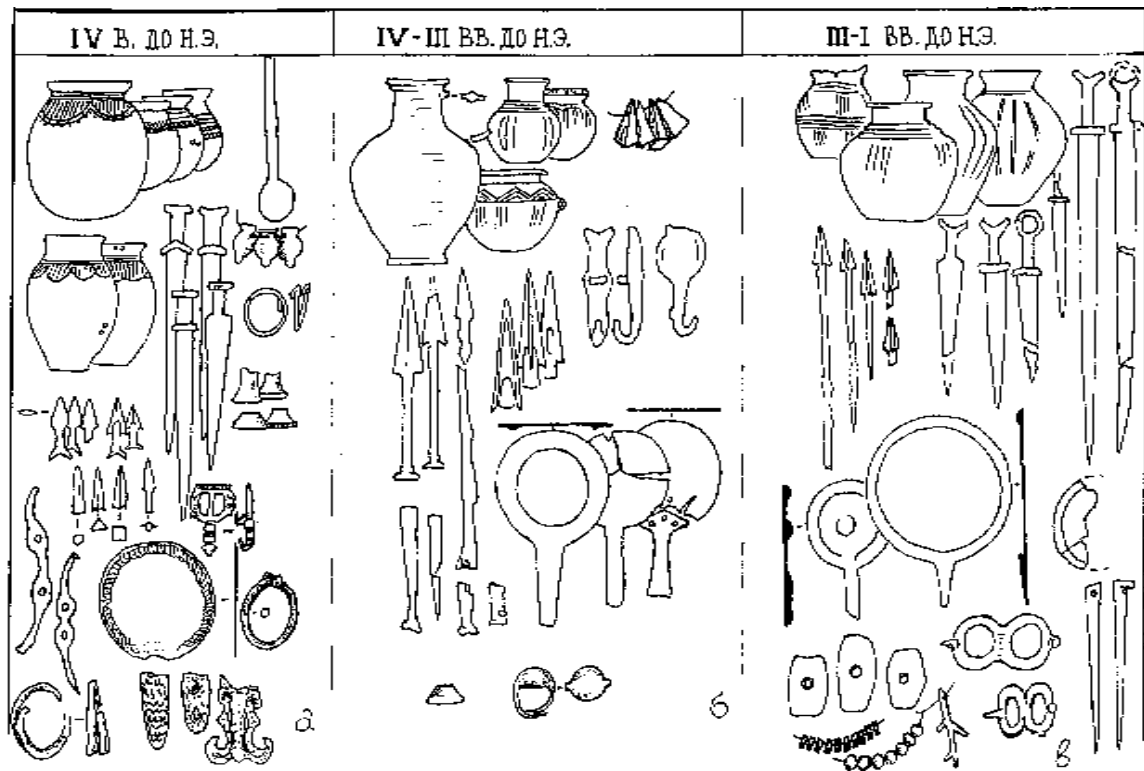

Рис. 33

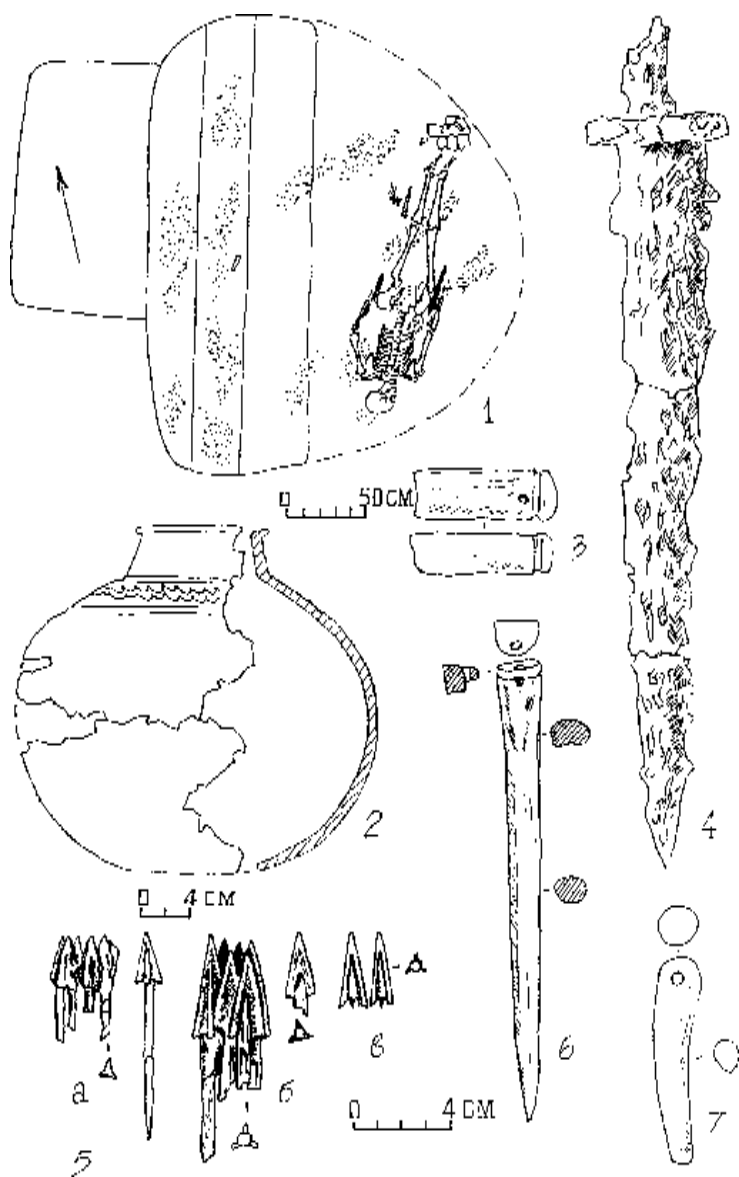

Рис. 34

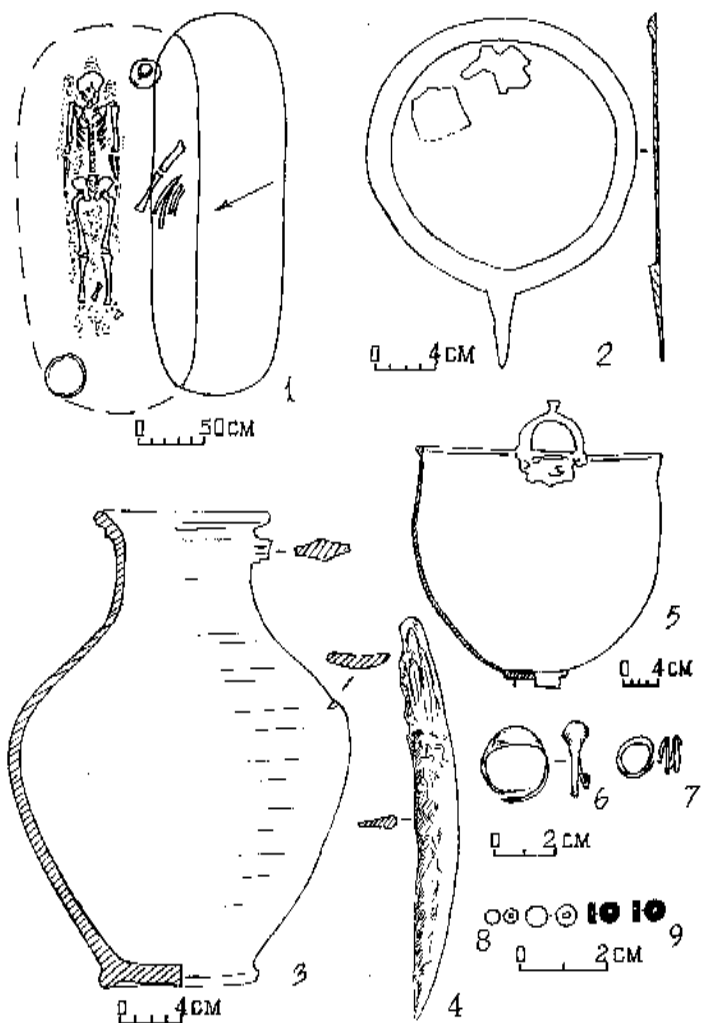

Рис. 35

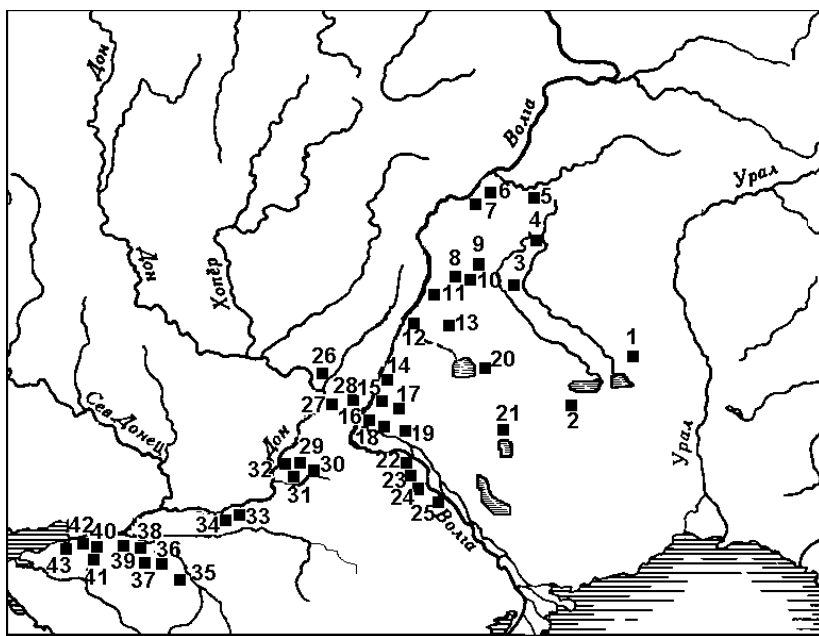

Рис. 36

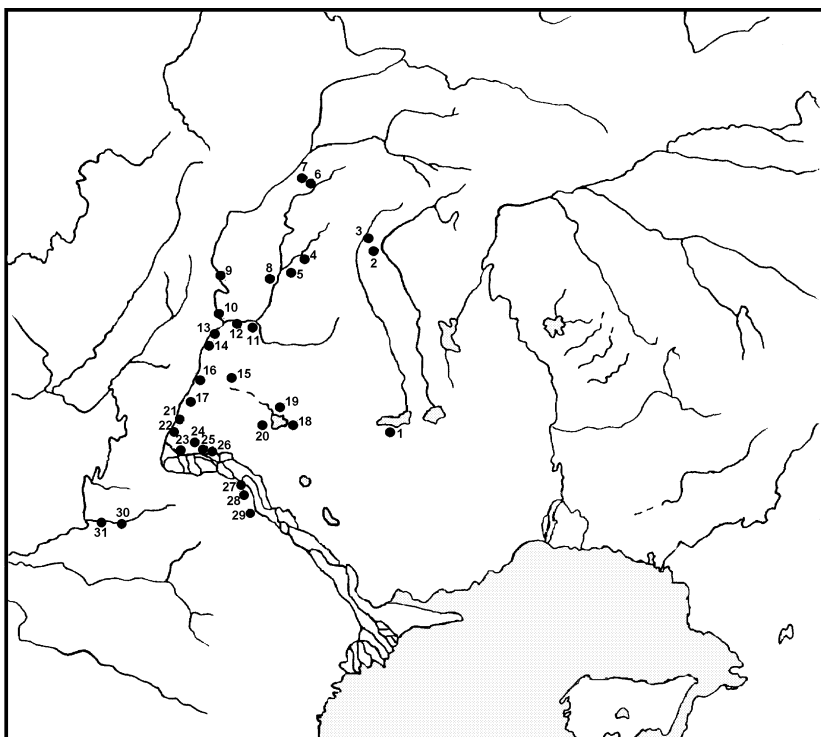

Рис. 37

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Мечи I и II отделов: 1 — Березовка, 4/1; 2 — Яблоня I, 3/4; 3 — Старица, кенотаф 3; 4 — Крепинский II, 5/4; 5 — Арпачин II, 6/5; 6 — Азов, 2/3; 7 — Черный Бугор/1; 8 — Северный, 2/3; 9 — Киляковка 4/5; 10 — Старица, 4/9; 11 — Крепинский II, 3/11; 12 — Никольское IV, 1/3; 13 — Житков II, 3/2; 14 — Дорофеевский, 14/1; 15 — Аксеновский, 12/1; 16 — Аксеновский, 11/1; 17 — Вертячий, 6/3.

Рис. 2. Мечи III и IV отделов: 1, 2 — Новоузенск, 1/19; 3 — Сайхин, С-В гр., 1/1; 4 — Барановка, 27/1; 5 — Новоузенск, 1/22; 6 — Новоузенск, 1/17; 7 — Лятошинка, 1/4; 8 — Новоузенск, 2/8; 9 — Кривая Лука XXXV, 1/7; 10 — Новоузенск, 1/20; 11 — Эльтон, 10/9; 12 — Могута, 8/3; 13 — Лятошинка, 1/2; 14 — Новоникольское, 3/3; 15 — Старица, 4/кенотаф 1; 16 — Верхнеяблочный, 1/5; 17 — Усатово-II, F19/2; 18, 33 — Калиновка, 19/17; 19 — Джангала, 3/2; 20, 24 — Киляковка, 4/5; 21, 29 — Венгеловка, 2/10; 22, 23 — Киляковка, 4/4; 25 — В. Еруслан, 1/5; 26, 31 — Александровка, разр. кург./1; 27 — Лятошинка, 5/4; 28 — Лятошинка, 5/5; 30 — Венгеловка, 2/11; 32 — Терновский, 9, 7; 34 — Бережновка, Ю. гр., 2/11; 35 — Визенмиллер II, 4/3; 36 — Эльтон, 13/2.

Рис. 3. Гистограмма распределения размерных значений мечей.

Рис. 4. Изменение формы бронзовых наконечников стрел в процессе заточки.

Рис. 5. Железные наконечники копий, дротиков, втоки: 1 — Могута, кург. 8, погр. 3; 2 — Эльтон, кург. 10, погр. 9; 3 — Новоузенск, кург. 1, погр. 17; 4 — Фриденберг, кург. 5, погр. 2; 5 — Березовка, кург. 4, погр. 1; 6 — Аксеновский I, кург. 11, погр. 1; 7 — Попов, кург. 58/26, погр. 10; 8 — Северный, кург. 2, погр. 3; 9 — Лятошинка, кург. 1, погр. 2; 10 — Арпачин II, кург. 6, погр. 5; 11—13 — Старица, кург. 4, кенотаф; 14—19 — Журов кург., погр. 2; 20, 21 — Житков II, кург. 3, погр. 2; 22, 23, 26, 27 — Азов, кург. 2, погр. 3; 24, 25, 28 — Жутово, кург. 34, погр. 4, 6.

Рис. 6. Бронзовые наконечники стрел с внутренней втулкой: 1, 8, 12, 20, 33, 37, 45 — Новоникольское, кург. 3, погр. 3; 2 — Сайхин, кург. 1, погр. 5; 3, 14 — Мошков, кург. 3, погр. 1; 26, 50 — Джангала (оз. Сарайдин), кург. 3, погр. 2; 4 — Могута, кург. 8, погр. 3; 5, 27, 38 — Эльтон, кург. 10, погр. 9; 6, 15, 22 — Лятошинка, кург. 1, погр. 2; 7, 19, 21 — Аксеновский I, кург. 11, погр. 1; 9, 13, 29 — Старица, кург. 4, погр. 9; 10 — Аксеновский I, кург. 12, погр. 1; 11, 41, 44 — Жутово, кург. 34, погр. 6; 16, 39, 46 — Лятошинка, кург. 1, погр. 4; 17 — Березовка, кург. 4, погр. 1; 18, 30 — Усть-Погожье, кург. 3, погр. 2; 23 — Лятошинка, кург. 5, погр. 10; 24 — Верхний Еруслан, кург. 1, погр. 5; 25 — Терновский, кург. 9, погр. 7; 28, 47 — Новоузенск, кург. 1, погр. 17; 31, 48 — Визенмиллер, кург. 4, погр. 3; 32 — Жутово, кург. 27, погр. 2; 34 — Ровное, кург. 4, погр. 15; 35 — Бережновка, юж. гр., кург. 2, погр. 11; 36 — Кияковка, кург. 4, погр. 5; 40 — Барановка, кург. 27, погр. 1; 42 — Житков II, кург. 3, погр. 2; 43 — Ленинск, кург. 3, погр. 16; 49 — Соленое Займище, кург. 10, погр. 7.

Рис. 7. Бронзовые наконечники стрел с короткой втулкой: 1, 9, 22 — Новоникольское, кург. 3, погр. 3; 2 — Мошков, кург. 3, погр. 1; 3 — Джангала (оз. Сарайдин), кург. 1, погр. 3; 4, 23 — Джангала (оз. Сарайдин), кург. 1, погр. 4; 5 — Могута, кург. 8, погр. 3; 6 — Быково (1977 г.), кург. 6, погр. 2; 7 — Кривая Лука XVI, кург. 1, погр. 18; 8 — Жутово, кург. 63, погр. 1; 10 — 15 поселок, кург. 1, погр. 5; 11, 17, 36, 43 — Барановка, кург. 27, погр. 1; 12, 18 — Аксеновский II, кург. 14, погр. 1; 13, 19, 21, 37 — Аксеновский I, кург. 11, погр. 1; 14, 46 — Аксеновский I, кург. 12, погр. 1; 15, 20 — Жутово, кург. 34, погр. 4, 6; 16 — Кривая Лука XIV, кург. 33, погр. 1; 25, 41 — Березовка, кург. 4, погр. 1; 26 — Визенмиллер, кург. 4, погр. 3; 27, 31 — Джангала (оз. Сарайдин), кург. 3, погр. 2; 28, 33 — Бережновка II, кург. 85, погр. 2; 24 — Питерка II, кург. 1, погр. 11; 29, 35 — Новоузенск, кург. 1, погр. 22; 30, 44 — Усть-Погожье, кург. 3, погр. 2; 32 — Верхний Еруслан, кург. 1, погр. 5; 34 — Кривая Лука XVI, кург. 1, погр. 20; 38 — Житков II, кург. 3, погр. 2; 39 — Торгунское, кург. 1, погр. 1; 40 — Ленинск, кург. 3, погр. 16; 42 — Быково (1957 г.), кург. 26, погр. 4; 45 — Белокаменка, кург. 3, погр. 7.

Рис. 8. Бронзовые наконечники стрел с длинной втулкой: 1, 15, 21 — Новоникольское, кург. 3, погр. 3; 2, 8 — Сайхин, кург. 1, погр. 1; 3 — Мошков, кург. 3, погр. 1; 4, 12, 16, 25, 32, 43 — Лятошинка, кург. 1, погр. 2; 5, 9, 17, 26, 33, 44, 49 — Лятошинка, кург. 1, погр. 4; 6, 35 — Заплавное, кург. 6, погр. 2; 7, 38 — Вертячий, кург. 6, погр. 3; 10 — Житков II, кург. 3, погр. 2; 11, 13, 22, 23, 37, 42 — Жутово, кург. 34, погр. 6; 14, 19, 46 — Аксеновский II, кург. 14, погр. 1; 18 — Яблоня, кург. 3, погр. 4; 20 — Жутово, кург. 63, погр. 1; 24, 31 — Эльтон, кург. 10, погр. 9; 27 — Новоузенск, кург. 1, погр. 17; 28 — Новоузенск, кург. 1, погр. 19; 29

— Новоузенск, кург. 1, погр. 20; 30 — Березовка, кург. 4, погр. 1; 34 — Новоузенск, кург. 1, погр. 22; 36 — Старица, кург. 4, погр. 9; 39 — Торгунское, кург. 1, погр. 1; 40 — Торгунское, кург. 1, погр. 9; 41 — Джангала (оз. Сарайдин), кург. 1, погр. 4; 45, 50 — Барановка, кург. 27, погр. 1; 47 — Могута, кург. 8, погр. 3; 48 — Новоузенск, кург. 2, погр. 7.

Рис. 9. Бронзовые наконечники стрел нестандартных форм: 1 — Лятошинка, кург. 1, погр. 4; 2, 5 — Барановка, кург. 27, погр. 1; 3, 6 — Жутово, кург. 34, погр. 6; 4 — Вертячий, кург. 6, погр. 3; 7 — Новоузенск, кург. 1, погр. 19; 8 — Аксеновский II, кург. 14, погр. 1.

Рис. 10. Железные втульчатые наконечники стрел: 1 — Березовка, кург. 4, погр. 1; 2 — Житков II, кург. 3, погр. 2; 3, 8, 19 — Журов кург., погр. 2; 4, 12 — Новоникольское, кург. 3, погр. 3; 5, 20 — Соленое Займище, кург. 10, погр. 7; 6 — Эльтон, кург. 10, погр. 9; 7 — Барановка, кург. 27, погр. 1; 9 — Крепинский II, кург. 3, погр. 11; 10 — Северный, кург. 2, погр. 3; 11 — Радутка, кург. 2, погр. 32; 13 — Мошков, кург. 3, погр. 1; 14 — Старица, кург. 4, погр. 9; 15 — Кривая Лука XXXV, кург. 1, погр. 7; 16 — Вертячий, кург. 6, погр. 3; 17 — Ровное, кург. 4, погр. 15; 18 — Эльтон, кург. 13, погр. 2; 21 — Терновский, кург. 9, погр. 7.

Рис. 11. Железные черешковые наконечники стрел: 1, 2 — Новоникольское, кург. 3, погр. 3; 3 — Торгунское, кург. 1, погр. 9; 4 — Рыбный, кург. 2, погр. 19; 5 — Журов кург., погр. 2; 6 — Визенмиллер, кург. 4, погр. 3; 7 — Лятошинка, кург. 5, погр. 1; 8 — Лятошинка, кург. 5, погр. 7; 9 — Верхний Еруслан, кург. 1, погр. 5; 10 — Белокаменка, кург. 1, погр. 3; 11 — Белокаменка, кург. 3, погр. 7; 12 — Жутово, кург. 27, погр. 2; 13 — Эльтон, кург. 13, погр. 2; 14 — Венгеловка, кург. 2, погр. 10; 15 — Березовка, кург. 4, погр. 1; 16 — Яблоня, кург. 3, погр. 4.

Рис. 12. Костяные наконечники стрел: 1 — Крепинский II, кург. 5, погр. 4; 2 — Ясырев, кург. 1, погр. 2; 3 — Березовка, кург. 4, погр. 1; 4, 6 — Барановка, кург. 27, погр. 1; 5 — Новоузенск, кург. 2, погр. 8; 7 — Жутово, кург. 24, погр. 1; 8 — Терновский, кург. 9, погр. 7; 9 — Джангала (оз. Сарайдин), кург. 1, погр. 4.

Рис. 13. Типы наконечников стрел IV в. до н. э., неизвестные в комплексах III в. до н. э.: *Бронзовые:* 1 — I, 1а; 2 — I, 1б; 3 — I, 1в; 4 — I, 1г; 10 — I, 2г; 14 — II, 1б; 15 — II, 1в; 16 — II, 1г; 17 — II, 1д; 25 — III, 1,а; 26 — III, 1б; 27 — III, 1в; 28 — III, 1г; 29 — III, 1д; 30 — III, 1е; 31 — III, 2а; 32 — III, 2б; 34 — III, 2г; 36 — III, 2е; 37 — IV, 1; 38 — IV, 2; 39 — архаич. *Железные втульчатые:* 40 — I; *железные черешковые:* 44 — I, 1 и 2; 47 — III. *Костяные втульчатые:* 48 — I; 49 — II; 50 — III; 52 — *костяные черешковые.*

Рис. 14. Типы наконечников стрел IV—III вв. до н. э.: Наконечники стрел IV—III вв. до н. э.: *бронзовые* — 5 — I, 1д; 7 — I, 2а; 8 — I, 2б; 9 — I, 2в; 11 — I, 2д; 12 — I, 2е; 13 — II, 1а; 19 — II, 2а; 20 — II, 2б; 21 — II, 2в; 22 — II, 2г; 33 — III, 2в; *железные втульчатые*: 42 — II, 2; 43 — II, 3. Наконечники стрел III в. до н. э.: *железные черешковые*: 45 — II, 1; 46 — II, 2; *костяные* — 51 — IV.

Рис. 15. Круглодонные лепные сосуды: 1 — Новоузенск, кург. 1, погр. 18; 2 — Новоузенск, кург. 1, погр. 22; 3 — Эльтон, кург. 10, погр. 2; 4 — Лятошинка, кург. 5, погр. 10; 5 — Кос-Оба, кург. 11, погр. 6; 6 — Новая Квасниковка, кург. 1, погр. 11; 7 — Кияковка, кург. 4, погр. 5; 8, 9 — 15 поселок, кург. 1, погр. 5; 10 — Усть-Погожье, кург. 2, погр. 3; 11 — Новоузенск, кург. 1, погр. 13; 12 — Верхний Еруслан, кург. 1, погр. 5; 13 — Бахтияровка II, кург. 55, погр. 4; 14 — Мошков, кург. 2, погр. 2; 15 — Аксеновский I, кург. 11, погр. 1.

Рис. 16. Плоскодонные лепные сосуды I отдела: 1 — Новоузенск, кург. 2, погр. 7; 2 — Венгеловка, кург. 2, погр. 10; 3, 16 — Лятошинка, кург. 5, погр. 2; 4 — Питерка II, кург. 1, погр. 11; 5 — Эльтон, кург. 13, погр. 2; 6 — Жутово, кург. 27, погр. 2; 7 — Джангала (оз. Сарайдин), кург. 1, погр. 4; 8 — Джангала (оз. Сарайдин), кург. 3, погр. 2; 9, 10 — Новоузенск, кург. 2, погр. 8; 11 — Калиновка, кург. 19, погр. 17; 12 — Усатово, кург. F19, погр. 3; 13 — Соленое Займище, кург. 10, погр. 7; 14 — Новоузенск, кург. 1, погр. 19; 15 — Бережновка II, кург. 14, погр. 22; 17 — Верхний Балыклей II, кург. 5, погр. 4; 18 — Бережновка II, кург. 14, погр. 19.

Рис. 17. Плоскодонные лепные сосуды II—IV отделов: 1 — Лятошинка, кург. 5, погр. 10; 2 — Быково, кург. 26, погр. 4; 3 — Капитанский, кург. 7, погр. 1; 4 — Авиловский II, кург. 18, погр. 2; 5 — Аксеновский II, кург. 14, погр. 1; 6 — Ясырев, кург. 1, погр. 2; 7 — Жутово, кург. 24, погр. 1; 8 — Мошков, кург. 3, погр. 2; 9 — Старица, кург. 4, погр. 7; 10 — Новоузенск, кург. 1, погр. 17; 11, 17 — Кияковка, кург. 4, погр. 4; 12 — Лятошинка, кург. 5, погр. 3; 13 — Лятошинка, кург. 1, погр. 1; 14, 15 — Эльтон, кург. 10, погр. 4; 16 — Эльтон, кург. 10, погр. 9.

Рис. 18. Плоскодонные лепные сосуды IV—V отделов, лепные кувшины, курильницы: 1 — Верхний Балыклей II, кург. 5, погр. 4; 2, 19, 20 — Кияковка, кург. 4, погр. 5; 3 — Высочино VII, кург. 17, погр. 3; 4 — Радутка, кург. 2, погр. 32; 5 — Северный, кург. 2, погр. 3; 6 — Житков II, кург. 3, погр. 2; 7 — Холодный, кург. 1, погр. 2; 8 — Журов кург., погр. 2; 9 — Венгеловка, кург. 2, погр. 10; 10 — Кияковка, кург. 4, погр. 4; 11 — Кривая Лука XVI, кург. 10, погр. 2; 12 — Венгеловка, кург. 2, погр. 11; 13 — Кривая Лука XVI, кург. 1, погр. 18; 14 —

Старица, кург. 4, погр. 9; 15 — Лятошинка, кург. 1, погр. 1; 16 — Лятошинка, кург. 1, погр. 5; 17 — Политотдельское, кург. 20, погр. 2; 18 — 15 поселок, кург. 1, погр. 1; 21 — Аксеновский I, кург. 12, погр. 1; 22 — Аксеновский II, кург. 14, погр. 1.

Рис. 19. Керамика, изготовленная на гончарном круге: 1 — Белокаменка, кург. 6, погр. 5; 2 — 15 поселок, кург. 1, погр. 1; 3 — Жутово, кург. 24, погр. 1; 4 — Высочино VII, кург. 17, погр. 3; 5 — Житков II, кург. 3, погр. 2; 6 — Бережновка II, кург. 14, погр. 21; 7 — Бережновка II, кург. 14, погр. 19; 8 — Александровка, одиноч. кург., погр. 1.

Рис. 20. Золотые обкладки сосудов: 1—4 — Жутово, кург. 34, погр. 4, 6; 5—9 — Вертячий, кург. 6, погр. 3; 10—12 — Житков II, кург. 3, погр. 2; 13, 14 — Высочино VII, кург. 17, погр. 3.

Рис. 21. Бронзовые котлы: 1 — Белокаменка, кург. 6, погр. 5; 2 — Вертячий, кург. 6, погр. 3; 3 — Верхний Еруслан, кург. 1, погр. 5; 4 — Азов, кург. 2, погр. 3; 5 — Александровка, одиноч. кург., погр. 1.

Рис. 22. Удила и псалии: 1 — Новоузенск, кург. 1, погр. 19; 2 — Новоузенск, кург. 2, погр. 8; 3 — Эльтон, кург. 13, насыпь; 4 — Старица, кург. 4, кенотаф 1; 5 — Старица, кург. 4, кенотаф 2; 6 — Кривая Лука XV, кург. 2, погр. 8; 7 — Крепинский II, кург. 3, погр. 11.

Рис. 23. Бронзовые зеркала I, II и V отделов: 1 — Калиновка, кург. 27, погр. 2; 2 — Новоузенск, кург. 2, погр. 7; 3 — Крепинский II, кург. 3, погр. 11; 4 — Мошков, кург. 3, погр. 2; 5 — Тузлуки, кург. 5, погр. 2; 6 — Высочино VII, кург. 17, погр. 3; 7 — Кривая Лука XVI, кург. 10, погр. 2; 8 — Северный, кург. 2, погр. 3; 9 — Холодный, кург. 1, погр. 2; 10 — Новоузенск, кург. 1, погр. 18; 11 — Лятошинка, кург. 5, погр. 10; 12 — Койсуг, кург. 5, погр. 26; 13 — Калиновка, кург. 19, погр. 17.

Рис. 24. Бронзовые зеркала III, IV и VI отделов: 1 — Визенмиллер II, кург. 4, погр. 3; 2 — Венгеловка, кург. 2, погр. 10; 3 — Бережновка, юж. гр., кург. 2, погр. 11; 4 — Бережновка II, кург. 14, погр. 21; 5 — Белокаменка, кург. 1, погр. 3; 6 — Белокаменка, кург. 6, погр. 5; 7 — Киляковка, кург. 4, погр. 4; 8 — Киляковка, кург. 4, погр. 5; 9 — Журов кург., погр. 2.

Рис. 25. Костяные ложки: 1 — Фриденберг, кург. 5, погр. 2; 2, 3 — Новая Квасниковка, кург. 1, погр. 1; 4 — Лятошинка, кург. 5, погр. 8; 5, 6 — Лятошинка, кург. 5, погр. 10; 7 — Новоузенск, кург. 1, погр. 4; 8 — Новоузенск, кург. 1, погр. 19; 9 — Новоузенск, кург. 2, погр. 7; 10, 11, 12 — Новоузенск, кург. 2, погр. 8; 13 — Арпачин II, кург. 6, погр. 5; 14 — Северный, кург. 2, погр. 3; 15 — Торгунское, кург. 1, погр. 1; 16, 17 — Киляковка, кург. 4, погр. 5.

Рис. 26. Костяные проколки и пряслица: 1, 2 — Лятошинка, кург. 5, погр. 10; 3 — Новоузенск, кург. 1, погр. 13; 4 — Новоузенск, кург. 1, погр. 18; 5, 12 — Новоузенск, кург. 2, погр. 5; 6 — Эльтон, кург. 13, погр. 2; 7 — Ровное, кург. 4, погр. 15; 8 — Бережновка, юж. гр., кург. 2, погр. 11; 9, 10 — Эльтон, кург. 10, погр. 8; 11 — Новоузенск, кург. 1, погр. 4; 13 — Мошков, кург. 3, погр. 3; 14 — Койсуг, кург. 5, погр. 26; 15 — Лятошинка, кург. 1, погр. 1; 16 — Лятошинка, кург. 1, погр. 3; 17 — Бережновка II, кург. 85, погр. 2.

Рис. 27. Бронзовые, костяные, железные, каменные и золотые ворворки: 1, 2, 3 — Новоникольское, кург. 3, погр. 3; 4 — Могута, кург. 8, погр. 3; 5 — Могута, кург. 8, погр. 4; 6, 7 — Эльтон, кург. 10, погр. 9; 8—11 — Лятошинка, кург. 1, погр. 2; 12, 13 — Лятошинка, кург. 1, погр. 4; 14, 15 — Новоузенск, кург. 1, погр. 17; 16, 17 — Новоузенск, кург. 1, погр. 19; 18, 19 — Новоузенск, кург. 1, погр. 20; 20, 21 — Новоузенск, кург. 2, погр. 8; 22—25 — Джангала (оз. Сарайдин), кург. 1, погр. 4; 26—28 — Житков II, кург. 3, погр. 2; 29 — Крепинский II, кург. 5, погр. 4; 30—32 — Арпачин II, кург. 6, погр. 5; 33, 34 — Азов, кург. 2, погр. 3; 35—37 — Северный, кург. 2, погр. 3; 38, 39 — Кривая Лука XXXV, кург. 1, погр. 7; 40—42 — Жутово, кург. 34, погр. 6; 43 — Венгеловка, кург. 2, погр. 11; 44—46 — Терновский, кург. 9, погр. 7; 47—49 — Старица, кург. 4, погр. 9; 50 — Калиновка, кург. 19, погр. 17 (бронза — 1, 2, 4, 16, 18, 19, 26, 27, 29, 31, 32, 35—37, 40—44; кость — 3, 17, 22—25, 30, 38, 39, 47, 48, 50; железо — 20, 21, 28, 33, 34; камень — 45, 46; золото — 49).

Рис. 28. «Молоточки», пряжки: 1 — Джангала (оз. Сарайдин), кург. 3, погр. 2; 2 — Бережновка II, кург. 14, погр. 19; 3 — Верхний Балыклей II, кург. 5, погр. 4; 4 — Сайхин, кург. 1, погр. 5; 5 — Кияковка, кург. 4, погр. 5; 6 — Кривая Лука XVI, кург. 1, погр. 18; 7 — Визенмиллер II, кург. 4, погр. 3; 8 — Кривая Лука XVI, кург. 1, погр. 20; 9 — Верхний Еруслан, кург. 1, погр. 5; 10 — Арпачин II, кург. 6, погр. 5.

Рис. 29. Колчанные крючки: 1 — Эльтон, кург. 10, погр. 9; 2, 3 — Березовка, кург. 4, погр. 1; 4, 5 — Новоузенск, кург. 1, погр. 19; 6 — Торгунское, кург. 1, погр. 1; 7 — Бережновка, юж. гр., кург. 2, погр. 11; 8 — Белокаменка, кург. 3, погр. 7; 9 — Соленое Займище, кург. 10, погр. 7; 10 — Кривая Лука XVI, кург. 1, погр. 20; 11 — Заплавное, кург. 6, погр. 2; 12 — Крепинский II, кург. 3, погр. 11; 13 — Старица, кург. 4, погр. 6.

Рис. 30. Браслеты, височные подвески, гривны: 1 — Новоузенск, кург. 1, погр. 4; 2, 19 — Новоузенск, кург. 1, погр. 18; 3 — Новоузенск, кург. 1, погр. 20; 4 — Старица, кург. 4, погр. 6; 5, 6 — Лятошинка, кург. 5, погр. 10; 7, 17 — Кривая Лука XVI, кург. 10, погр. 2; 8, 12, 13, 18 — Лятошинка, кург. 5, погр. 8; 9 — Жутово, кург. 34, погр. 4, 6; 10 — Новоникольское, кург. 3, погр. 3; 11 — Лятошинка, кург. 5, погр. 7;

14 — Мошков, кург. 3, погр. 2; 15 — Белокаменка, кург. 3, погр. 7; 16 — Белокаменка, кург. 1, погр. 3; 20 — Высочино VII, кург. 17, погр. 3.

Рис. 31. Перстни, бусы: 1, 2 — Калиновка, кург. 27, погр. 2; 3 — Высочино VII, кург. 17, погр. 3; 4 — Бережновка II, кург. 14, погр. 21; 5 — Белокаменка, кург. 6, погр. 5; 6 — Молчановка I, кург. 5, погр. 1; 7, 17, 21, 27 — Лятошинка, кург. 5, погр. 10; 8 — Лятошинка, кург. 5, погр. 3; 9, 14 — Джангала (оз. Сарайдин), кург. 1, погр. 5; 10 — Журов кург., погр. 2; 11, 16, 19, 23 — Тузлуки, кург. 5, погр. 2; 12, 15 — Азов, кург. 2, погр. 3; 13 — Старица, кург. 4, кенотаф 1; 18, 28 — Мошков, кург. 3, погр. 3; 20, 25, 26 — Бережновка II, кург. 85, погр. 2; 22, 24 — Кривая Лука XVI, кург. 10, погр. 2; 29, 31 — Белокаменка, кург. 1, погр. 3; 30 — Белокаменка, кург. 6, погр. 5; 32 — 15 поселок, кург. 1, погр. 1; 33, 34 — Старица, кург. 4, погр. 6; 35 — Жутово, кург. 34, погр. 6.

Рис. 32. Таблица взаимовстречаемости вещей первого и второго списков в погребениях III в. до н. э.: Хроноиндикаторы IV—III вв. до н. э.: 1 — бронзовые наконечники стрел; 2 — железные втульчатые дротики; 3 — костяные втульчатые наконечники стрел; 4 — ворворки; 5 — зеркала с плоским диском и боковой ручкой; 6 — тальк в тесте керамики; 7 — круглодонные сосуды; 8 — античная керамика IV—III вв. до н. э.; 9 — золотые перстни с выпуклым щитком; 10 — железные стержневые браслеты; 11 — пирамидальные бусы.

Хроноиндикаторы III—I вв. до н. э.: 12 — железные черешковые наконечники стрел; 13 — мечи с прямым перекрестьем и серповидным навершием; 14 — мечи с кольцевидным навершием; 15 — «молоточки»; 16 — зеркала с валиком и ручкой-штырем; 17 — орнамент сосудов — «полотенца»; 18 — полированные костяные проколки с отверстием; 19 — бусы с внутренней позолотой; 20 — бусы гагатовые дисковидные; 21 — коралловые веточки; 22 — бронзовые восьмерко-видные пряжки

Рис. 33. Категории вещей, выделенные как хроноиндикаторы: *a* — бытующие до рубежа IV—III вв. до н. э.; *b* — известные как в IV, так и в III в. до н. э.; *в* — бытующие начиная с III в. до н. э.

Рис. 34. Комплекс III в до н. э. (Эльтон, кург. 13, погр. 2):

1 — план погребения; 2 — глиняный лепной сосуд; 3 — каменный пест (?); 4 — железный кинжал; 5 — наконечники стрел (*a* — железные черешковые, *b* — железные втульчатые, *в* — бронзовые); 6 — костяная проколка; 7 — оселок.

Рис. 35. Комплекс III в. до н. э. (Белокаменка, курган 6, погребение 5): 1 — план погребения; 2 — бронзовое зеркало; 3 — гончарный красноглиняный сосуд; 4 — железный нож; 5 — бронзовый котел; 6 —

золотой перстень; 7 — золотая височная подвеска; 8 — стеклянные бусы с внутренней позолотой; 9 — гагатовые дисковидные бусы.

Рис. 36. Археологические памятники IV в. до н. э. в междуречье Волги и Дона и Заволжье: 1 — Кос-Оба; 2 — Джангала (Сарайдин); 3 — Новоузенск; 4 — Мошков; 5 — Яблоня; 6 — Бородаевка; 7 — Березовка; 8 — Фриденберг; 9 — Лятошинка; 10 — Новая Квасниковка; 11 — Молчановка; 12 — Быково; 13 — Могута; 14 — Новоникольское; 15 — Калиновка; 16 — Верхнепогромное; 17 — 15 поселок; 18 — Заплавное; 19 — Бахтияровка; 20 — Эльтон; 21 — Сайхин; 22 — Капитанский; 23 — Старица; 24 — Кривая Лука; 25 — Барановка; 26 — Авилов; 27 — Вертячий; 28 — Усть-Погожье; 29 — Аксеновский II; 30 — Жутово; 31 — Аксеновский I; 32 — Попов; 33 — Ясырев; 34 — Холодный; 35 — Северный; 36 — Житков; 37 — Тузлуки; 38 — Крепинский; 39 — Арпачин; 40 — Радутка; 41 — Высочино; 42 — Койсуг; 43 — Азов.

Рис. 37. Археологические памятники III в. до н. э. в междуречье Волги и Дона и Заволжье: 1 — Джангала (Сарайдин); 2 — Новоузенск; 3 — Питерка; 4 — Верхний Еруслан; 5 — Лятошинка; 6 — Усатово; 7 — Александровка; 8 — Визенмиллер; 9 — Ровное; 10 — Белокаменка; 11 — Торгунское; 12 — Бережновка; 13 — Политотдельское; 14 — Рыбный; 15 — Могута; 16 — Быково; 17 — Верхний Балыклей; 18 — Эльтон; 19 — Венгеловка; 20 — Красная Деревня; 21 — Калиновка; 22 — Верхнепогромное; 23 — Киляковка; 24 — 15 поселок; 25 — Ленинск; 26 — Журов кург.; 27 — Соленое Займище; 28 — Старица; 29 — Кривая Лука; 30 — Жутово; 31 — Терновский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Антигон Каристский. Свод невероятных рассказов // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вып. 3(XXI) и 4(XXII) (Приложение к журналу «Петербургский археологический вестник»). СПб., 1993. Т. 2.

Геродот. История: В 9 кн. / Перевод и примечания Г.А. Стратановского. М., 1993.

Диодор Сицилийский. Библиотека // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вып. 3(XXI) и 4(XXII) (Приложение к журналу «Петербургский археологический вестник»). СПб., 1993. Т. 2.

Плиний Секунд. Естественная история // *Латышев В.В.* Scythika et Saucasia. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе / Собр. и изд. с рус. пер. В.В. Латышев. Т. II: Латинские писатели. СПб., 1904.

Полибий. История // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вып. 3(XXI) и 4(XXII) (Приложение к журналу «Петербургский археологический вестник»). СПб., 1993. Т. 2.

Псевдо-Скилак. Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии // *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вып. 3(XXI) и 4(XXII) (Приложение к журналу «Петербургский археологический вестник»). СПб., 1993. Т. 2.

Псевдо-Скимн. Землеописание // *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вып. 3(XXI) и 4(XXII) (Приложение к журналу «Петербургский археологический вестник»). СПб., 1993. Т. 2.

Птолемей Клавдий. География // Латышев В.В. Scythika et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе / Собр. и изд. с рус. пер. *В.В. Латышев.* Т. II: Латинские писатели. СПб., 1904.

Рубрук Гильом. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М., 1957.

Страбон. География: В 17 кн. / Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. М., 1994.

Тацит Корнелий. Анналы: Соч.: В 2 т. Т. I: Анналы. Малые произведения / Издание подготовили А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеев. М., 1993.

Теофраст. Отрывки «О водах» // *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вып. 3(XXI) и 4(XXII) (Приложение к журналу «Петербургский археологический вестник»). СПб., 1993. Т. 2.

Эвдокс. Землеописание // *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вып. 3(XXI) и 4(XXII) (Приложение к журналу «Петербургский археологический вестник»). СПб., 1993. Т. 2.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П., 1989. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

Агеев Б.Б., Рутто Н.Г., 1984. Новые памятники прохоровской культуры на юге Башкирии // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа.

Акишев К.Ф., 1978. Курган Иссык. М.

Алексеев А.Ю., 1987. Хронология Скифии второй половины IV в. до нашей эры // АСГЭ. № 28.

Алексеев А.Ю., 1992. Скифская хроника. СПб.

Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1-12.

Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1-12.

Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1-12.

Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.

Балабанова М.А., 1998. Антропологический состав и происхождение ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья VI в. до н. э. — 1-й половины II в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград.

Барцева Т.Б., 1984. Результаты спектроаналитического изучения металлических вещей из кургана 4 у хут. Сладковский // Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Берлизов Н.Е., 1994. Хронология и хронография Азиатской Сарматии // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.

Берлизов Н.Е., 1998. Относительная хронология Азиатской Сарматии VII в. до н. э. — IV в. н. э. // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 4. Армавир, Москва.

Боковенко Н.А., 1977. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // СА. № 4.

Боковенко Н.А., 1981. Бронзовые котлы ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии: эпоха железа. Новосибирск.

Боковенко Н.А., 1991. Этюд о скифских бронзовых котлах Северного Причерноморья // *Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., 1996. Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.

Браун Ф., 1899. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб.

Брашинский И.Б., 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л.

Брашинский И.Б., 1984. Методы исследования античной торговли: (На примере Северного Причерноморья). Л.

Вадецкая Э.Б., 1992. Таштыкская культура // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Васильев В.Н., 1984. Новые данные о каменных курганах ранних кочевников Южного Урала // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа.

Васильев В.Н., 1995. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI—II вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа.

Виноградов В.Б., 1963. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Тр. ЧИНИИ. Вып. VI.

Виноградов В.Б., 1966. Локализация Ахардея и сиракского союза племен (по письменным источникам) // СА. № 4.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1991. К проблеме греко-варварских взаимоотношений в Северном Причерноморье // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте: Материалы методологического семинара ИИМК АН СССР. СПб.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я., 1997. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // Сарматы и Скифия: Донские древности. Вып. 5. Азов.

Виноградов Ю.А., Щеглов А.Н., 1990. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.

Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М.

Владимирцов Б.Я., 1934. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой капитализм. Л.

Гаврилюк Н.А., 1989. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев.

Галанина Л.К., 1977. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) // САИ. Д1-33.

Гей А.Н., Каменецкий И.С., 1986. Северо-Кавказская экспедиция в 1979—1983 гг. // КСИА. № 188.

Генинг В.Ф., Бунатян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А., 1990. Формализованно-статистические методы в археологии: (Анализ погребальных памятников). Киев.

Герасимова К.С., 1992. Похоронные обрядники тибетских и монгольских авторов XVI—XIX вв. // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск.

Глебов В.П., 2000. О заключительной фазе раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 2. Самара.

Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б., 1976. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. № 3.

Городцов В.А., 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. // Тр. XII АС. Вып. I.

Городцов В.А., 1907. Результаты археологических исследований в Бахмутинском уезде Екатеринославской губернии 1903 г. // Тр. XIII АС. Вып. I.

Горончаровский В.А., 1987. К вопросу о времени существования Боспорского эмпория в дельте Дона: (По нумизматическим данным) // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Новочеркасск.

Граков Б.Н., 1930. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов // Труды секции археологии РАНИОН. Вып. V. М.

Граков Б.Н., 1947. GUNAIKOKRATOUMENOI (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. № 3.

Грачева Г.Н., 1975. Отражение хозяйственного и общественного укладов в погребениях народностей севера Западной Сибири // Социальная история народов Азии. М.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.

Демиденко С.В., 1992. Савроматское погребение у с. Солодовка // Древности Волго-Донских степей. Волгоград. Вып. 2.

Демиденко С.В., 1997. Типология литых котлов сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии. М.

Демкин В.А., 1994. Особенности расселения и хозяйственной деятельности древнего населения степей Восточной Европы в свете новейших палеопочвенных данных // География и природные ресурсы. № 4.

Демкин В.А., Иванов И.В., 1985. Развитие почв Прикаспийской низменности в голоцене. Пушино.

Демкин В.А., Лукашов А.В., 1993. Почвенно-ландшафтные условия северо-западного Прикаспия во II тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // РА. № 4.

Демкин В.А., Рысков Я.Г., 1996. Почвы и природная среда сухих степей Южного Урала в эпохи бронзы и раннего железа (II тыс. до н. э. — I тыс. н. э.): Препринт. Пушино.

Десятчиков Ю.М., 1974. Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Дремов И.И., 1997. Материалы из курганов у с. Березовка Энгельсского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов.

Дьяченко А.Н., Железчиков Б.Ф., 1995. Раскопки могильной группы у села Соленое Займище // Донские древности. Вып. 4. Азов.

Ждановский А.М., 1988. Классификация наконечников стрел из курганных погребений Среднего Прикубанья сарматского времени // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар.

Ждановский А.М., 1990. К истории сиракского союза племен: (По материалам курганных погребений Среднего Прикубанья) // Дон и Северный Кавказ в древности и Средние века. Ростов н/Д.

Железчиков Б.Ф., 1980. Ранние кочевники Южного Приуралья в VI в. до н. э. — I в. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. М. // Архив ИА РАН. Р-2, № 2261—2263.

Железчиков Б.Ф., 1992. Погребения IV в. до н. э. из Южного Приуралья и вопрос о времени появления дромосных могил // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов.

Железчиков Б.Ф., 1994а. Дромосные ямы в системе сарматской погребальной обрядности // Материалы XI научной конференции профессорско-преподавательского состава (18—22 апреля 1994 года). Волгоград.

Железчиков Б.Ф., 1994б. Общая характеристика исходных признаков погребального обряда савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха. М.

Железчиков Б.Ф., 1997. Ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI—II вв. до н. э.: (Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук). М.

Железчиков Б.Ф., Пшеничниук А.Х., 1994. Племена Южного Приуралья в VI—III вв. до н. э. // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.

Железчиков Б.Ф., Скрипкин А.С., 1997. Заключительные замечания // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура. М.

Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995. Раскопки у с. Лятошинка // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград.

Зайцева К.И., 1982. Группа местной расписной керамики из Ольвии // Художественные изделия античных мастеров. Л.

Засецкая И.П., 1977. Савроматское погребение у с. Никольское в Нижнем Поволжье // Скифы и сарматы. Киев.

Зеест И.Б., 1960. Керамическая тара Боспора // МИА. № 83.

Зув В.Ю., 1998а. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Зув В.Ю., 1998б. К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.

Иванов И.В., 1994. Место сарматской эпохи в системе ландшафтно-климатических изменений голоцена // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.

Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.

Игнатов В.Н., Колесник В.П., Мамонтов В.И., 1979. Раскопки курганов в Волгоградском междуречье // АО. 1978.

Иессен А.А., 1954. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. // КСИИМК. Вып. 53.

Ильинская В.А., 1968. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев.

Капошина С.И., 1959. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи // МИА. № 69.

Кирпичников А.Н., 1985. Факты, гипотезы и заблуждения в изучении русской военной истории XIII—XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1984. М.

Клейн Л.С., 1973. Археологические признаки миграции // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, 1973). М.

Клейн Л.С., 1980. Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.

Клепиков В.М., 1998. Раннесарматские железные браслеты как хронологический показатель IV в. до н. э. // НАВ. № 1.

Клепиков В.М., 1999. Погребения IV в. до н. э. и начало раннесарматской миграции в Нижнем Поволжье // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С., 1997. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Сарматы и Скифия: Донские древности. Вып. 5. Азов.

Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант // САИ. В2—5.

Коптев А.В., 1992. Античная форма собственности и государство в Древнем Риме // ВДИ. № 3.

Копылов В.П., 1987. О времени прекращения существования варварского торгового центра в дельте Дона в свете боспороскифских отношений конца IV — начала III в. до н. э. // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Новочеркасск.

Копылов В.П., Лукьяшко С.И., 1995. Погребения предскифского и скифского времени в междуречье Дона и Сала // Донские древности. Вып. 4. Азов.

Косинцев П.А., 1995. Костные остатки животных из могильников Покровка I, II и VIII // Курганы левобережного Илека. М. Вып. 3.

Косьяненко В.М., Флеров В.С., 1978. Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья: (К вопросу о типологии и хронологии) // СА. № 1.

Кременецкий К.В., 1997. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ (культурные традиции). М.

Кузьмин Н.Ю., 1985. К реконструкции погребального обряда населения Минусинской котловины в скифское время: По материалам Среднеенисейской экспедиции // Археологические исследования в зонах мелиорации. Итоги и перспективы их интенсификации. Л.

Левашова В.П., 1967. Браслеты // Тр. ГИМ. Вып. 43.

Лесман Ю.М., 1991. Этюд об украшениях // Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.

Либеров П.Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Д1—31.

Либеров П.Д., 1969. Савроматы ли сирматы?: Население Среднего Дона в скифское время // МИА. № 151.

Лукашов А.В., 1979. Раннесарматский комплекс из Журова кургана // Древняя история Поволжья. Т. 230. Куйбышев.

Лукашов А.В., 1986. К вопросу о миграции прохоровских племен Южного Приуралья в Нижнее Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.

Лукьяшко С.И., 1997а. Символика огня в скифо-сарматских памятниках VI—V вв. до н. э. // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Лукьяшко С.И., 1997б. Об изображениях на культовых предметах скифо-сарматского мира: (К проблеме культурных взаимодействий) // Сарматы и Скифия: Донские древности. Вып. 5. Азов.

Ляхов С.В., 1994. Нижневолжские дромосные могилы эпохи раннего железа // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.

Ляхов С.В., 1997. Новые нижневолжские погребения с дромосами // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1977. Курганы раннесарматской культуры в Южной и Юго-Восточной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д.

Максименко В.Е., 1984. Савроматские кенотафы Сладковского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Максименко В.Е., 1988. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону: (Проблемы этнической интерпретации памятников) // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов.

Максименко В.Е., 1990. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону (археология и проблемы этнической истории): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

Мамонтов В.И., 1993. Раннесарматское погребение из кургана у пос. Вертячий на Дону // Древние культуры Подонцовья. Луганск.

Манцевич П.П., 1966. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. № 8.

Манцевич А.П., 1973. Мастюгинские курганы. По материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. № 15.

Марков Г.Е., 1980. Социальная структура и общественная организация древних и средневековых кочевников // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.

Мартынов А.И., 1976. К вопросу о послетагарском искусстве Южной Сибири II—I вв. до н. э. // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово.

Марченко И.И., 1988. Сарматы степей правобережья Нижней Кубани во второй половине IV в. до н. э. — III в. н. э.: (По материалам курганных погребений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани: (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар.

Марченко К.К., 1996. Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // РА. № 2.

Мачинский Д.А., 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. № 13.

Медведев А.П., 1990. Сарматы и лесостепь: (По материалам Подонья). Воронеж.

Медведев А.П., 1997. Новые материалы о финале лесостепной Скифии // Сарматы и Скифия: Донские древности. Вып. 5. Азов.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Д1-4.

Мелюкова А.И., 1989. Деревянная и металлическая посуда: Скифская материальная культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Мерперт Н.Я., 1978. Миграция в эпоху неолита и энеолита // СА. № 3.

Мещеряков Д.В., 1996. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на реке Илек // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.

Мозолевский Б.Н., 1980. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.) // Скифия и Кавказ. Киев.

Моргунова Н.Л., 1996. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.

Мордвинцева В.И., 1994. Погребения скифского времени на р. Иловля // Древности Волго-Донских степей. Вып. 4. Волгоград.

Мошкова М.Г., 1960. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. № 78.

Мошкова М.Г., 1962. О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. № 89.

Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Д1-10.

Мошкова М.Г., 1972. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА. № 153.

Мошкова М.Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.

Мошкова М.Г., 1977. К вопросу о сирматах // Скифы и сарматы. Киев.

Мошкова М.Г., 1994. Предисловие // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха. М.

Мошкова М.Г., 1995. Кочевники Южного Приуралья в системе культур скифо-сакского мира // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы конференции. Ч. V. Кн. 2. Челябинск.

Мошкова М.Г., 1997. Проблема миграций в сарматской археологии и работах К.Ф. Смирнова // Сарматы и Скифия: Донские древности. Вып. 5. Азов.

Мошкова М.Г., Кушаев Г.В., 1973. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.

Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1974. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. М. Вып. I.

Мошкова М.Г., Смирнов К.Ф., 1977. Рец.: Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л. 1975 // СА. № 2.

Мыськов Е.П., 1992. Сарматские погребения из курганов у Волжского и Киляковки // Древности Волго-Донских степей. Волгоград. Вып. 2.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996. Савроматские и раннесарматские погребения Самарского Заволжья (по итогам

раскопок 1974—1987 гг.) // Краеведческие записки. Самара. Вып. VIII.

Очир-Горяева М.А., 1988. Савроматская культура Нижнего Поволжья VI—IV вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Очир-Горяева М.А., 1990. Классификация керамики из погребений скифской эпохи Нижнего Поволжья // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.

Очир-Горяева М.А., 1996. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // РА. № 1.

Парович-Пешикан М.Б., 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев.

Петренко В.Г., 1978. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. // САИ. Д4-5.

Полин С.В., 1989. Население северопричерноморских степей в III—II вв. до н. э. (этнополитический аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Полин С.В., 1992. От Скифии к Сарматии. Киев.

Полин С.В., Симоненко А.В., 1990. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Полин С.В., Симоненко А.В., 1997. Скифия и сарматы // Сарматы и Скифия: Донские древности. Вып. 5. Азов.

Пшеничнюк А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Раев Б.А., 1978. Металлические сосуды кургана «Хохлач»: (Материалы к хронологии больших курганов сарматского времени в Нижнем Подонье) // Проблемы археологии. Л. Вып. 2.

Ростовцев М.И., 1918а. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. № 37.

Ростовцев М.И., 1918б. Эллинизм и иранство на Юге России. Пг.

Ростовцев М.И., 1925. Скифия и Боспор. Л.

Ростовцев М.И., 1993. Сарматы // SKUQIKA. Избранные работы академика М.И. Ростовцева. ПАВ. № 5.

Рыков П.С., 1925. Суловский курганный могильник. Саратов.

Рыков П.С., 1926. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (предварительный отчет) // Известия Краеведческого института изучения

Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. Т. 1. Саратов.

Семенова И.В., 1996. Доследование разрушенного кургана у деревни Александровка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов.

Сергацков И.В., 1992. О времени заселения сарматами северной части Волго-Донского междуречья // СА. № 1.

Сергацков И.В., 1993. Погребения сарматской знати у с. Барановка // Хронология памятников Южного Урала. Уфа.

Сергацков И.В. 1995. Новые данные к хронологии раннесарматской культуры // РА. № 1.

Симоненко А.В. 1989. О периодизации сарматской культуры // Скифия и Боспор: Археологические материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск.

Симоненко А.В., 1993. Сарматы Таврии. Киев.

Синицын И.В., 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов.

Синицын И.В., 1956. Археологические исследования в Западном Казахстане (1948—1950 гг.) // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 1. Алма-Ата.

Синицын И.В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.) // МИА. № 78.

Синицын И.В., 1966. Древние памятники Саратовского Поволжья // Археологический сборник. Саратов.

Синицын И.В., Эрднеев У.Э., 1971. Элистинский могильник. Элиста.

Скарбовенко В.А., 1976. Сарматские погребения у с. Утевка // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев.

Скрипкин А.С., 1990а. О конечной дате раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.

Скрипкин А.С., 1990б. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.

Скрипкин А.С., 1992а. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории: (Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук). М.

Скрипкин А.С., 1992б. Об уточнении хронологии сарматских культур // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов.

Скрипкин А. С., 1997а. Анализ сарматских погребальных памятников III—I вв. до н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура. М.

Скрипкин А. С., 1997б. Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград.

Смирнов К. Ф., 1957. Проблема происхождения ранних сарматов // СА. № 3.

Смирнов К. Ф., 1958. Меотский могильник у станицы Пашковской // МИА. № 64.

Смирнов К. Ф., 1959. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. № 60.

Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101.

Смирнов К. Ф., 1962. Новые сарматские памятники на Бузулуке // КСИА. № 89.

Смирнов К. Ф., 1964а. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.

Смирнов К. Ф., 1964б. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. № 3.

Смирнов К. Ф., 1973. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Смирнов К. Ф., 1974. Сарматы Нижнего Поволжья и между-речья Дона и Волги в IV в. до н. э. — II в. н. э. (историко-археологический очерк) // СА. № 3.

Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.

Смирнов К. Ф., 1977. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Смирнов К. Ф., 1979. Кочевники Северного Прикаспия и Южного Приуралья скифского времени // Этнография и археология Средней Азии. М.

Смирнов К. Ф., 1980. О мечях и кинжалах синдо-меотского типа // КСИА. № 162.

Смирнов К. Ф., 1981. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа.

Смирнов К. Ф., 1982. «Амазонка» IV в. до н. э. на Дону // СА. № 1.

Смирнов К. Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Смирнов К. Ф., 1989. Савроматская и раннесарматская культуры // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Д1-9.

Сорокин С. С., 1974. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-су (Южный Алтай) // АСГЭ. № 16.

Статистическая обработка..., 1994. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха. М.

Статистическая обработка..., 1997. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура. М.

Султанов Т. И., 1982. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв.: (Вопросы этнической и социальной истории). М.

Таиров А. Д., 1995. Историко-экологическая ситуация в Южном Зауралье во второй половине I тысячелетия до новой эры и расселение сарматов // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы конференции. Ч. V. Кн. 2. Челябинск.

Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г., 1988. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск.

Титов В. С., 1982. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового света. М.

Туровский Е. Я., 1994. К вопросу о причинах кризиса в Северном Причерноморье в первой половине III в. до н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века. Ростов н/Д.

Фодор Н., 1969. Скифские и сарматские мечи с сегментовидным навершием // СА. № 3.

Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4.

Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

Худяков Ю. С., 1976. Военное искусство енисейских кыргызов в IX—X вв. // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово.

Черненко Е. В., 1971. О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии: Проблемы скифской археологии // МИА. № 177.

Черненко Е. В., 1981. Скифские лучники. Киев.

Черненко Е.В., 1984. Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Членова Н.А., 1967. Памятники и ранняя история племен тагарской культуры. М.

Шевченко А.В., 1986. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л.

Шилов В.П., 1959. Калиновский курганный могильник // МИА. № 60.

Шилов В.П., 1961. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. № 1.

Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М.

Шилов В.П., 1983. Аорсы: (Историко-археологический очерк) // История и культура сарматов. Саратов.

Шилов В.П., 1987. О хронологии нижнего горизонта донецкой катакомбной культуры // Археологические исследования Калмыкии. Элиста.

Шилов В.П., Очир-Горяева М.А., 1997. Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский I—II: Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы // МИАР. № 1.

Шишлина Н.И., 1997. Заметки о характере скотоводческого хозяйства в современной Республике Калмыкия // Степь и Кавказ (культурные традиции). М.

Шукин М.Б., 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.

Юдин А.И., 1997. Сарматские погребения из курганов у с. Верхний Еруслан // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л., 1994. Раскопки курганных могильников Покровка I и Покровка II в 1993 году // Курганы левобережного Илека. М. Вып. 2.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., 1995. Раскопки курганных могильников Покровка I и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. М. Вып. 3.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., Малашев В.Ю., 1996. Раскопки могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. М. Вып. 4.

Яблонский Л.Т., 1996. Саки Южного Приаралья. М.

Яйленко В.П., 1990. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.

Яковенко Э.В., Черненко Е.В., Корпусова В.Н., 1970. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма: (Предскифский период и скифы). Киев.

Grakov B., 1928. Monuments de la culture scythique entre la Volga et les monts Oural // ESA. Vol. III.

Rau P., 1927. Die Hugelgraber romischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk.

Rau P., 1929. Die Graber der fruhen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Беспалый Е.И., 1981. Отчет о раскопках в зоне строительства Приморской оросительной системы в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8714.

Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1986. Отчет о работах Приморского археологического отряда в 1986 г. // Архив АКМ. КВФ 10647/2.

Галкин Л.Л., 1976. Отчет о работе Средневолжской экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 5843.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства 1-й очереди КАРОС (Черноярский район Астраханской области) в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9905.

Железчиков Б.Ф., Кригер В.А., 1977. Археологические работы в Уральской области в 1977 г.: Отчет // Архив археологической лаборатории ВолГУ.

Ким М.Г., 1977. Отчет о полевых археологических исследованиях у ст. Новоузенск Саратовской обл. в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6773.

Кригер В.А., 1983. Отчет об археологических исследованиях Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области // Архив ВОКМ.

Кутуков Д.В., 1995. Археологические исследования в Приволжском районе Астраханской области. Отчет // Архив АГОИИМЗ.

Лукашов А.В., 1981. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИ за 1981 г. // Архив ВОКМ.

Лукашов А.В., 1982. Отчет о работе Заволжской экспедиции в Палласовском районе Волгоградской области за 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9247.

Лукашов А.В., 1983. Отчет о работе Заволжской археологической экспедиции ВГПИ за 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9853.

Лукашов А.В., 1984. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИ в зоне строительства Палласовской обводнительно-оросительной системы на берегу оз. Эльтон в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10840.

Лукашов А.В., 1987. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИ за 1987 г. // Архив ВОКМ.

Мамонтов В.И., 1965. Отчет о раскопках Жутовского отряда Астраханской экспедиции в 1965 г. // Архив ВОКМ.

Мамонтов В.И., 1974. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и ВООПИК (Калачевский, Октябрьский, Суровикинский, Среднеахтубинский, Иловлинский районы) за 1974 г. // Архив ВОКМ.

Мельник В.И., 1979. Отчет о раскопках в Ершовском и Духовницком районах Саратовской области в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9240.

Мерперт Н.Я., 1957. Отчет о полевых исследованиях I отряда Сталинградской экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1972.

Скрипкин А.С., 1976. Отчет об археологических раскопках экспедиции ВГПИ в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6458.

Скрипкин А.С., 1977. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Большой Волгоградской оросительной системы в Быковском районе Волгоградской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 6839.

Скрипкин А.С., 1980. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Большой Волгоградской ОС в Быковском районе Волгоградской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6839.

Федоров-Давыдов Г.А., 1975. Отчет Приволжской археологической экспедиции о раскопках курганов в Черноярском районе Астраханской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 5250.

Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Смирнов А.С., 1976. Отчет о раскопках курганов в Астраханской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6719.

Шилов В.П., 1956. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в Среднеахтубинском районе Сталинградской области // Архив ВОКМ.

Шилов В.П., 1958. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в Среднеахтубинском и Пролейском районах Сталинградской области за 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1850.

Шилов В.П., 1960. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2155.

Шилов В.П., 1961. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2380.

Шилов В.П., 1964. Отчет о работах Астраханской экспедиции за 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3156.

Шилов В.П., 1966. Отчет Астраханской экспедиции за 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4625.

Юдин А.Н., 1988. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Комсомольской оросительной системы (2-я очередь) в Саратовском Заволжье в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12745.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. КЛАССИФИКАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КОЧЕВНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В IV—III ВВ. ДО Н. Э.	18
1. Вооружение	18
2. Посуда	50
3. Конское снаряжение	66
4. Зеркала	68
5. Орудия труда	72
6. Костяные ложки	74
7. Камни и каменные изделия, положенные в погребения с ритуальной целью	76
8. Портупейная гарнитура	77
9. Украшения	83
ГЛАВА II. ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ IV—III ВВ. ДО Н. Э.	96
ГЛАВА III. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА РАННЕСАРМАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ	103
1. Топография памятников	103

2. Сравнительная характеристика погребального обряда ранних сарматов IV и III вв. до н. э. 105
3. Сравнительная характеристика погребального обряда в Заволжье и Волго-Донском междуречье 112

ГЛАВА IV. ПЕРВЫЕ САРМАТСКИЕ МИГРАЦИИ В НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ	125
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	141
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	146
ИЛЛЮСТРАЦИИ	149
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	187
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	193

Научное издание

Клепиков Валерий Михайлович

**САРМАТЫНИЖНЕГОПОВОЛЖЬЯ
VIV—IIIВВ.ДО Н. Э.**

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редактор *С.А. Астахова*
Технический редактор *Н.Г. Романова*
Художник *Н.Н. Захарова*

Подписано в печать 16.06.2002. Формат 60×84/16.
Бумага типографская № 1. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 12,6.
Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 200 экз. Заказ . «С» 72.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.